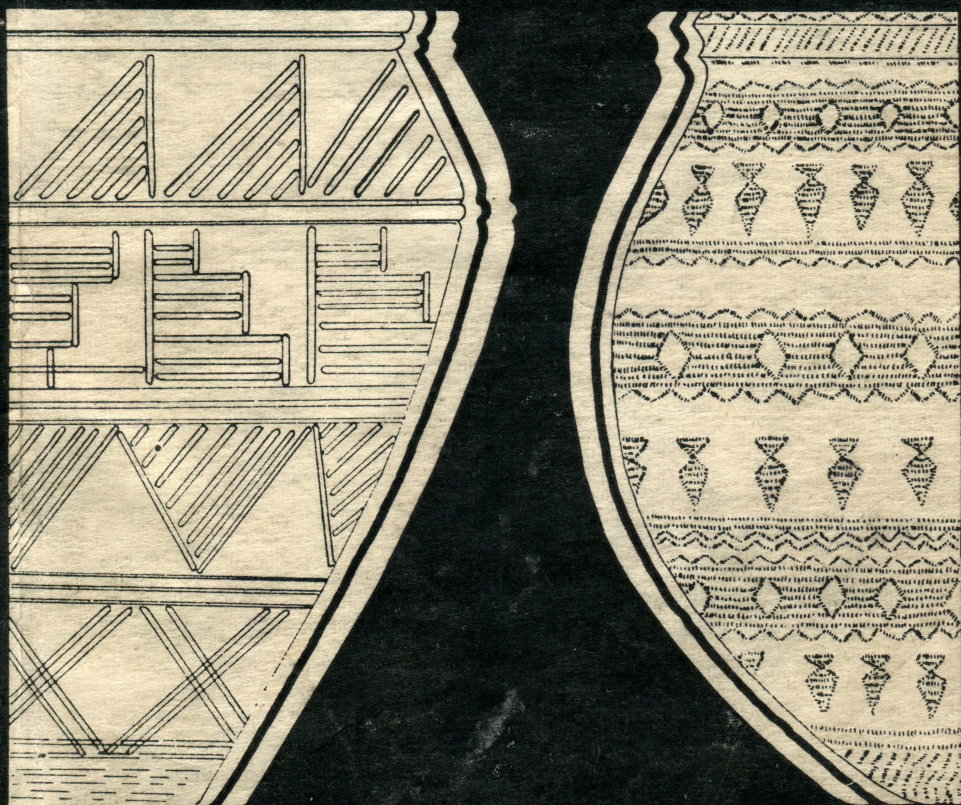

Шаргулановские ЧТЕНИЯ

ПЕТРОПАВЛОВСК 1992

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ✓
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А. Х. МАРГУЛАНА
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОХРАНЫ И РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ
ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. К. Д. УШИНСКОГО

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(тезисы)

г. Петропавловск
1992 г.

Маргулановские чтения. Тезисы. Петропавловск, 1992.

Республиканская конференция посвящена академику А. Х. Маргулану (1904—1985 гг.), организатору и руководителю Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. Его перу принадлежит более 300 научных и научно-популярных публикаций по проблемам археологии, архитектуры, этнографии, древней и средневековой истории, истории культуры и литературы Казахстана. Огромна роль исследователя также в воспитании и подготовке кадров ученых.

В тезисах, предлагаемых на «Маргулановские чтения» и отчетную сессию по итогам полевых археологических работ в Казахстане в 1992 году, отражены результаты исследований археологов, историков, этнографов по многим аспектам древней, средневековой и современной истории Казахстана, культурному наследию республики.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. Ф. Зайберт (отв. редактор), А. М. Кисленко, М. К. Хабдулина, О. В. Мякшева (лит. редактор), Е. Е. Тстюхин (отв. секретарь), Л. И. Евнолова (художник).

Қ. М. БАҒПАКОВ

г. Алма-Ата

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

28 августа 1991 г. вышло Постановление Кабинета Министров КазССР № 496 «Об организации Института Археологии м. А. Х. Маргулана». 6 сентября 1991 г. Президиумом АН КазССР было принято аналогичное постановление № 73 об Институте археологии.

Основными направлениями научной деятельности Института являются:

- разработка вопросов антропогенеза, расселения первобытного человека на территории Казахстана в эпоху камня;
- изучение этногенеза казахов по археологическим источникам;
- изучение проблемы происхождения и развития производящего хозяйства (скотоводство и земледелие). Вопросы палеоэкономики, эволюции древних технологий;
- исследование номадизма, изучение древней и средневековой урбанизации, взаимодействия осёдлых и кочевых культур;
- изучение памятников археологии, древнего искусства и архитектуры. Проблемы сохранения культурного наследия.

В составе Института археологии созданы и действуют следующие структурные подразделения:

I. Административно-управленческий аппарат;

II. Отделы:

- первобытной археологии;
- средневековой археологии;
- новострочных экспедиций;
- Свода памятников археологии;
- лаборатория археологической технологии;
- музей археологии.

Созданы и ежегодно работают на территории Казахстана: Центрально-Казахстанская, Южно-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Семиреченская, Алма-Атинская, Новострочная археологические экспедиции и экспедиции Свода памятников.

У истоков казахстанской археологии стоял видный казахский ученый — археолог, историк, филолог, этнограф, языковед — академик республиканской Академии наук А. Х. Маргулан.

В становлении археологической науки Казахстана велика роль ученых Москвы и Ленинграда: С. П. Толстова, А. Н. Бернштама, М. П. Грязнова, С. С. Черникова.

В числе известных ученых, которые внесли крупный вклад в развитие археологии, древней и средневековой истории, истории культуры, следует назвать таких исследователей, как к. и. н. Е. И. Агеева, к. и. н. Х. А. Алпысбаев, к. и. н. А. Г. Максимова, лауреат премии им. Ч. Ч. Валиханова, к. и. н. М. К. Кадырбаев, к. п. н. С. М. Ахинжанов.

В настоящее время в Институте работают такие известные ученые, как лауреат Государственной премии Казахской республики д. и. н. К. А. Акишев, лауреат премии им. Ч. Ч. Валиханова, д. и. н. К. М. Байпаков, к. и. н. Л. Б. Ёрзакович, к. и. н. Р. З. Бурнашева, А. К. Акишев, Ж. К. Таймагамбетов, Е. А. Смагулов, З. С. Самашев, В. А. Грошев, Ж. Курманкулов.

Организация нового Института была подготовлена всем ходом развития исторической науки в республике и вызвана объективными причинами, среди которых главной является проблема сохранения и интенсивного изучения культурного наследия народа.

Казахстан — вторая по величине республика в Содружестве независимых государств. Как ни одна другая, она насыщена разнообразными памятниками археологии от палеолита (1 млн. лет) до позднего средневековья (XVII—XVIII вв. н. э.). По предварительным подсчетам, их не менее 25000. Для Казахстана археологические памятники, при малочисленности и полном отсутствии для ряда территорий письменных источников, зачастую единственный источник для реконструкции его древней и средневековой истории.

Отсутствие Института сдерживало археологическое изучение Казахстана. Оставались малоизученными и вообще неизученными Мангышлак, Гурьевская область, Павлодарское Прииртышье, долины Сагыза и Энбы, Мугоджары, Тарбагатай.

Положение усугубляется тем, что бурно развивающаяся промышленность и сельское хозяйство, связанные со строительством новых городов, поселков, заводов и рудников, мелиорацией земель приводят к уничтожению целого ряда уникальных памятников.

За последние пять лет резко вырос научный потенциал в области археологии. Достаточно сказать, что сейчас в штате Института археологии насчитывается 50 сотрудников, а 30 специалистов работают по хозяйственной тематике. В числе сотрудников: 2 доктора наук и 15 кандидатов наук, накануне защиты два человека. В докторантуре учится 1 и в аспирантуре — 7 человек, стажировались 3 человека.

Сейчас в Институте разрабатывается 5 плановых тем: «Ранние кочевники»; «Великий Шелковый путь: взаимодействие кочевых и оседлых культур»; «Свод памятников истории и культуры»; «8-томная Археология Казахстана»; «Человек, наука, общество»; «Материальная и духовная культура кочевников средневекового Казахстана».

Свидетельством общесоюзного и международного признания успехов казахстанской археологической школы явилось проведение в Алма-Ате ряда всесоюзных и международных научных конференций с участием крупных ученых и специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Ташкента, Парижа, Лиона. В свою очередь, археологи республики приглашались с докладами и сообщениями на ряд весьма представительных встреч ученых у нас в стране и за рубежом. Договоры о научном сотрудничестве заключены с американскими и французскими исследователями.

В центр пропаганды археологических знаний, действенный инструмент активизации исторической памяти народа превратился Археологический музей.

Среди наиболее важных открытий и достижений казахстанской археологии следует назвать открытие древнейших палеолитических местонахождений. Было доказано, что территория Казахстана заселена около миллиона лет тому назад.

Новые археологические открытия, в частности, раскопки сакских курганов на берегах Или и в низовьях Сырдарьи, позволяют говорить о том, что Великая степь была важным центром сакских племен, противостоящих походам ахеменидского Ирана и войск Александра Македонского.

Важным достижением археологов республики является установление динамики урбанизационных процессов, развития оседлой и городской культур. Выяснено, что через территорию Казахстана проходил Великий Шелковый путь — одно из удивительных достижений мировой цивилизации.

Археологическое изучение кочевых и оседлых цивилизаций ясно показывает, что взаимодействие и взаимообогащение культур различных народов было магистральной линией мирового прогресса. В недрах таких взаимодействий лежат и истоки этногенеза современных народов среднеазиатского-казахстанского субрегиона.

С позиций нового подхода, с позиций ускорения и интенсификации науки проанализированы те недостатки, которые есть и которые надо устранить с тем, чтобы выйти на самые передовые рубежи науки.

Археология пока страдает описательностью, многие работы не идут дальше характеристики материала. Прослеживается тенденция не на углубление научных исследований, а стремление

получить как можно быстрее большой новый материал. Поэтому отстает стадия осмысления и анализа, растет объем данных, не прошедших процесс систематизации. Нарушается исследовательский цикл: раскопки — анализ материала — решение проблемы. Зачастую действует лишь одно звено — раскопки. Имеется перекос в изучении отдельных проблем, регионов, что обедняет общую картину развития истории культуры республики.

Назрел вопрос о повышении уровня полевой методики. Ведь в отличие от лабораторных исследований, где опыты могут повторяться бесконечно, всякие раскопки ведут к уничтожению памятника. Поэтому на самом современном уровне должна вестись полевая документация, фотофиксация, обмерные и архитектурные работы.

Необходимо шире применять современные естественные методы, такие, как споропыльцевый анализ, флотация, радиоуглеродный метод датировки и другие. Массовую информацию необходимо обрабатывать с помощью ЭВМ, что пока делается недостаточно.

Сейчас большинству исследователей ясно, что археология, как и другие науки, должна развиваться по пути интенсификации. Одной из особенностей современного этапа научных исследований, имеющих объективный характер, является повышение значимости теоретических разработок. В этих условиях важное значение приобретает философская подготовка самих исследователей, культура методологического мышления.

Важно акцентирование внимания исследователей на решение фундаментальных задач изучения далекого прошлого.

Одной из важнейших задач казахстанских археологов является подготовка многотомного Свода памятников истории и культуры, это первое в СНГ издание научно-энциклопедического характера, и оно должно сыграть важную роль в вопросах охраны памятников, а также в деле патриотического воспитания народа, поскольку одной из задач Свода является выявление вклада всех наций и народов в сокровищницу мировой культуры. Свод, кроме того, является тем фундаментом, на основе которого могут быть решены стратегические задачи археологии и истории культуры.

Важным рычагом интенсификации является координация исследований по крупным проблемам. Институт археологии должен стать координационным центром в организации работ по главным направлениям археологии с привлечением к этой работе университетов, педвузов, музеев Казахстана.

Думается, что создание в системе Академии наук Института археологии позволит поднять науку не только на новый организационный уровень, но и решить многие фундаментальные проб-

лемы отечественной истории и истории культуры, лучше сохранить культурное наследие.

В. Ф. ЗАПЕРТ
г. Петропавловск

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНЫХ И ОХРАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Полевой археологический сезон 1991 года был юбилейным 25 сезоном Северо-Казахстанской археологической экспедиции. Последнее пятилетие коллектив Северо-Казахстанской археологической экспедиции был активно занят проблемой паспортизации и создания Свода памятников археологии Северного Казахстана. Работы финансировались главным управлением охраны и реставрации памятников Министерства культуры Республики Казахстан.

Многолетние археологические работы носили прежде всего охранный характер. Были инвентаризированы ранее известные памятники, зафиксированы вновь открытые объекты. Однако процесс разрушения археологических пунктов идет гораздо быстрее, чем охранные мероприятия археологов и служб отделов охраны памятников при облмузеях. Причина тому — отсутствие действенного законодательства как в бывшем союзе, так и республике. В этих условиях нами предпринят, пожалуй, единственно верный шаг сдерживания вандализма по отношению к культурному наследию. Это нанесение всех памятников археологии и охранных зон на карты землепользования областей, чтобы земляные и сельскохозяйственные работы были под контролем «жесткого» государственного органа. Параллельно подготовлены для публикации областные археологические карты с целью пропаганды роли и значения исторического наследия.

В Северо-Казахстанской области насчитывается по списку 297 археологических памятника. Из них: 104 визуально не фиксируются. 24 памятника известных по АКК требуют дополнительного обследования. Таким образом, к публикации в Своде и принятию к реальной охране можно предложить 190 объектов.

Не менее драматична ситуация и в Кокчетавской области. Из более чем 700 списочно известных памятников на карты землепользования нанесено 519 стоянок поселений и курганов. Более 20 объектов были разрушены уже после их взятия на учет, в 70-е годы. Наиболее насыщенными археологическими объекта-

ми в области являются районы вдоль основных водных артерий Ишима, Чаглинки, Аккан-Бурлука.

Вдоль р. Ишим расположены могильники, состоящие из 10—40 курганных насыпей, протянувшихся непрерывной цепью вдоль берега от Сергеевского водохранилища (Северо-Казахстанская обл.) на юг и разделенные естественными границами т. е. саями, оврагами и другими препятствиями.

На р. Чаглинка выделяются по своей насыщенности два района с. Кеноткель (Зерендинский р-н), где на площади 20, 25 кв. км сосредоточено более 20 археологических памятников и район ст. Викторовка и Берлиновка, где сосредоточено 23 археологических объекта, представляющих все эпохи древнейшего населения.

Привлекают внимание памятники, расположенные по обоим берегам р. Аккан-Бурлук в Чистопольском районе.

Нам представляется, что выход из сложного положения в деле охраны и использования культурного наследия можно найти в изменении существующей системы формальной охраны памятников археологии.

Во-первых, необходимо сконцентрировать усилия всех заинтересованных органов и специалистов АН, Министерства культуры, Министерства образования, местные власти. В Петропавловске на базе Института археологии Республики Казахстан и пединститута и облмузея целесообразно создать научно-исследовательский центр тройного подчинения по спасению, охране и исследованию памятников археологии Северного Казахстана. Учредителями в этом случае будут Институт археологии АН Республики Казахстан, Главное управление охраны и реставрации памятников Министерства культуры Республики Казахстан и Министерство народного образования республики Казахстан. Данный центр функционировал как бы филиал трех учредителей, выполняя научные, охранные и культурно-образовательные функции по общепринятой учредителями программе.

Финансирование программы, и организация служб (лабораторий, фондов, экспозиций музея, инспекционных групп и охраны экспедиционных хозяйственных подразделений) должны складываться из поступлений учредителей, местного бюджета, хозяйственных источников и спонсорства фирм.

Программа должна отражать материальные направления развития науки, культуры и образования в республике, выполняться по этапам (2—3 года) с обязательной отчетностью перед всеми учредителями. Для выполнения программы формируется коллектив специалистов на контрактной и конкурсной основе.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ВОЛГО-УРАЛЬЯ И КАЗАХСТАНА

1. Следы взаимодействия древних культур Волго-Уралья и более восточных территорий проявляется не ранее неолита. В палеолите по Уралу проходила граница между европейскими и азиатскими культурами в целом сохранившаяся и в эпоху мезолита. Для мезолита Северного Прикаспия характерна пластинчатость и микролитонидность кремневого инвентаря, широкое употребление геометрических микролитов, двусхороннеобработанных сегментов, параллелограммов, реже трапеций и отдельных треугольников. Характерны пластины с прямым и скошенным концом, имелись резцы на углу сломанных пластин и микрорезцы. Это отличает мезолитический материал Северного Прикаспия от материалов Северного Прикаспия от материалов Северного Казахстана, для которых характерно отсутствие сегментов, единичные параллелограммы, высокие скребки на отщепах, пластины с торцевой обработкой и притупленной спинкой, боковые резцы (В. Ф. Зайберт, Т. М. Потемкина, 1981). Мезолит Кызылкумов характеризуется резцами, единичными сегментами, сильно вытянутыми треугольниками, скребками на длинных пластинах, остриями с притупленной спинкой, что также отличает его от мезолита Северного Прикаспия (А. В. Виноградов, 1981). Отличны от Северного Прикаспия и материалы Восточного Прикаспия (Г. Ф. Коробкова, 1975, 1977). Как уже отмечалось, мезолит Северного Прикаспия имеет иную, Кавказско-Переднеазиатскую ориентацию (И. Б. Васильев, А. А. Выборнов, 1988...1991).

2. В неолите прослеживаются первые взаимодействия среди европейских и азиатских культур, что выражается в появлении в Поволжье ранненеолитических памятников так называемого елшанского типа (И. Б. Васильев, В. Ф. Генинг, 1972; Н. Л. Моргунова, 1984; И. Б. Васильев, А. А. Выборнов, 1988) со слабоорнаментированной шиподонной керамикой находящей близкие аналогии в материалах пещеры Джебел в Восточном Прикаспии (А. П. Окладников, 1956) и дарьясайских стоянок Приаралья (А. В. Виноградов, 1981). Материалы елшанского типа в настоящее время известны лишь в лесостепном Поволжье и Приуралье. Севернее, в лесном Поволжье и Приуралье и южнее, в степном Волго-Уралье они не выявлены. Их появление в лесостепи можно считать результатом продвижения отдельных ранненеолитических групп из Восточного Прикаспия и Приаралья на северо-запад. Можно отметить и другие свидетельства взаимодействия неолитических культур.

тических культур Востока и Запада (например, находки стрел кельтеминарского типа и единичных ладьевидных сосудов в Северном Прикаспии и др.). Однако в массе они не известны и гипотезы о значительном воздействии на восточноевропейский неолит следует считать явно преувеличенными (В. П. Даниленко, 1969). Еще одну линию культурного взаимодействия можно наметить благодаря исследованиям памятников боборыкинской культуры (К. В. Сальников, 1961; В. Т. Ковалева, Т. М. Потемкина, 1980; В. Т. Ковалева, 1986). Небольшие материалы боборыкинского типа встречены в Северном Казахстане (В. Ф. Зайберт, 1985; В. Н. Логвин, 1989). Учитывая отсутствие, как считают исследователи, генетических корней боборыкинской культуры в Зауралье, и наличие исходных традиций накольчато-прочерченной орнаментации в Северном Прикаспии, можно предположить, что в сложении боборыкинской культуры приняли участие неолитические культуры Волго-Уралья.

3. О взаимодействии населения Востока и Запада в энеолите свидетельствуют материалы могильников Тумек и Кичиджик в Приаралье, который авторы справедливо сопоставляют с энеолитическими материалами Поволжья (А. В. Виноградов, 1981; А. В. Виноградов, Л. М. Левина, Л. Т. Яблонский, 1986) и особенно открытых недавно на Мангышлаке материалов так называемых кашкар-атинского и шебирского типов, находящие аналогии в памятниках хвалынской культуры (Л. С. Астафьев, 1989, 1990). Говорить о характере взаимодействия населения Северного Прикаспия и Закаспия в эпоху энеолита сейчас еще рано, эти материалы свидетельствуют о перспективном изучении данной проблемы. В позднем энеолите взаимодействие населения Волго-Урала и Казахстана значительно усиливается, что приводит к появлению в лесном и степном Приуралье памятников турганикского типа (И. Б. Васильев, 1981; Н. Л. Моргунова, 1984) находящие прямые аналогии в материалах ботайско-терсекского типа (В. Ф. Зайберт, 1983; В. Н. Логвин, С. С. Калнева, 1986). В южном Зауралье и Казахстане выявлены материалы близкие к курганно-ямным комплексам (Т. М. Потемкина, 1985; В. В. Евдокимов, 1989).

4. Видимо этими постоянно усиливавшимися контактами и передвижениями населения в эпоху позднего энеолита—ранней бронзы и была подготовлена почва для сложения на севере степей и лесостепи Восточной Европы, Южного Урала и Северного Казахстана серии ярких культурных групп эпохи средней бронзы, Петровка, Синташты, Новый Кумак, Власовка (Г. Б. Зданович, В. Ф. Генинг, И. Б. Васильев, С. В. Кузнецов, Е. С. Семенова, А. Т. Синюк). Все эти группы формировались в каждом из регионов (Северный Казахстан, Южное Зауралье, Южное При-

уралье, Среднее Поволжье, Средний Дон) на базе родственных культурных групп — полтавкинских и близких им абашевских. Причиной сложения этого яркого культурного пласта эпохи средней бронзы, кроме родственной, хотя и своеобразной в каждом регионе подосновы, было активное взаимодействие населения Казахстана, Южного Урала и Восточной Европы, вызванное в свою очередь освоением уральских месторождений меди, а также другими хозяйственными, экологическими и социальными причинами. В результате на следующем этапе развития населения евроазиатской лесостепи и степи здесь складываются родственные историко-культурные области, срубная и алакульская, границы между которыми практически нет, а взаимодействие было постоянным, проходившим по р. Урал. Таким образом граница между европейскими и азиатскими культурами стирается и на протяжении следующего тысячелетия история населения этих территорий идет в тесном взаимодействии и в одном ритме (срубно-алакульская, валиковая, савромато-сакская и другие культуры).

В. А. ГРОШЕВ,
Б. Х. АДильГИРЕЕВ,
г. Алма-Ата

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСПЕДИЦИИ ОТДЕЛА СВОДА ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В 1991 г.

Экспедицией Свода памятников археологии Института археологии АН Республики Казахстан в 1991 г. проводились исследования по паспортизации и составлению научно-справочных статей по памятникам археологии Алма-Атинской и Талды-Курганской областей.

Паспортизации подверглись разнотипные памятники археологии: средневековые города, сельские поселения, города-убежища, отдельные курганы и курганные могильники, собрано и зафиксировано большое количество наскальных изображений.

Среди городищ, выявленных в ходе паспортизации, особый интерес представляет средневековый город, расположенный у центральной усадьбы совхоза «Енбекши» Талды-Курганской области. Это холмы, в виде усеченной пирамиды. Длина сторон у основания: восточной и западной 560—580 м, северной и южной 340—385 м. Края крутые, поверхность плоская. Средняя высота бугра 5,5 метра.

Особо можно отметить вновь открытый могильник, расположенный в 7 км на юго-запад от с. Чарын. Могильник, состоящий

из тысячи курганов, сложенных из гальки, протянулся с востока на запад на 5 км и с юга на север на 2 км. Предварительная датировка могильника VI—I вв. до н. э.

Наскальные изображения, обнаруженные в ходе работ, представлены отдельными изображениями фигурок козлов, собак, верблюдов, оленей, лошадей. Выявлены сцены загонной охоты на козлов. Все наскальные изображения предварительно датируются эпохой поздней бронзы и сакским временем.

Работы экспедиции «Свода памятников археологии» в Алма-Атинской и Талды-Курганской областях будут продолжены.

Ю. П. АЛЕХИН
г. Кемерово

ИССЛЕДОВАНИЯ 1991 г. В СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

За 1988, 1990-91 гг. в Семипалатинской области археологической экспедицией Кемеровского университета полностью обследованы Новошувльбинский, Бородулихинский и Бескарайский районы Семипалатинской области, где выявлено и паспортизировано более 100 археологических памятников. Начаты работы в Жанасемейском районе.

В 1991 г. было открыто и обследовано 36 новых памятников (курганных групп и поселений различных эпох), в основном в Бескарагайском районе.

К эпохе бронзы относятся поселения Семиярка IV, V. Культурный слой этих поселений разрушен распахкой и выдувами. В результате сборов и шурфовкой получен значительный материал: многочисленные фрагменты керамических сосудов, кремневый наконечник стрелы, каменный топор, фрагменты бронзовых предметов. О занятии жителей поселений Семиярка IV, V металлургическим производством свидетельствуют найденные здесь фрагменты керамических тиглей с накипами бронзы на них, каменная литейная формочка, бронзовые сплески и медный слиток, каменный рудодробильный пест. Найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, косули и кабана (определения А. В. Гальченко). К эпохе бронзы, вероятно, относятся и погребальные сооружения в виде подпрямоугольных и округлых каменных оградок без курганных насыпей и с земляными насыпями внутри.

Эпохой раннего железа датируется основная часть курганных групп в Бескарагайском районе, где они сосредоточены вдоль обоих берегов Иртыша. Памятники, как правило, состоят из

нескольких десятков (до 100 и более) земляных насыпей диаметром 5—60 м и высотой до 4,5 м, расположенных беспорядочно на значительной площади. Вокруг некоторых курганов прослеживаются ровики, иногда у края кургана устанавливалась каменная стелла. На площади курганных групп Семиярка I, III, VII найдены фрагменты керамических сосудов, вероятно, из разграбленных погребений. На площади курганных групп Грачи I и Иртышская III найдены каменные мотыжка и пест. В Бескарагайском районе почти все памятники эпохи раннего железа относятся к сакской археологической культуре и датируются в пределах второй половины I тыс. до н. э.

Курганные группы эпохи раннего железа Новошувальбинского и Бородулихинского районов имеют некоторые отличия. Насыпи курганов каменно-земляные, курганы чаще всего вытянуты цепочкой по направлению север-юг, курганные группы могут состоять из 2—30 курганов. Встречаются и одиночные насыпи. Памятники эпохи раннего железа в Новошувальбинском и Бородулихинском районах относятся к рудно-алтайской (Алехин Ю. П., 1990) и к кулажургинской (Черников С. С., 1975) культурам.

К эпохе средневековья относятся каменно-земляные курганы, как одиночные, так и входящие в состав курганных групп. Диаметр курганов не превышает 20 м. В Бескарагайском районе обнаружено позднесредневековое кратковременное поселение Тесной III, где найдены фрагменты керамических сосудов, обломок чугунного сосуда, каменный скребок. Культурный слой поселения разрушен выдувами.

В Новошувальбинском районе проведены аварийные раскопки курганов: курган № 3 курганный группы Кондратьевка IX, ограда № 1 и кургана № 2 курганный группы Пьяный Яр I, кургана № 3 курганный группы Пьяный Яр II.

Курганный группа Кондратьевка IX состоит из 27 каменно-земляных курганов диаметром 7—80 м и высотой 0,3—6,5 м, вытянутых цепочкой с севера на юг. Все курганы ограблены, часть из них распаивается и повреждена дорогой. Памятник датируется второй пол. I тыс. до н. э. В 1991 г. был исследован курган № 3 с полностью уничтоженной при строительстве дороги курганный насыпью, вероятно, значительной по размерам. В центре кургана была сооружена внутримогильная погребальная камера размером 5×5 м из бревен и камня-плитняка. Крупные каменные плиты были вертикально установлены по стенкам могилы, а между ними находились горизонтально положенные бревна в 3—4 наката. Дно могилы было выстлано в виде пола каменными плитами, а сверху погребальная камера имела бревенчатое перекрытие. Стенки камеры имели высоту в среднем около 1 м, ее дно находилось на уровне 1,45 м от древней поверхности. Камера

была разделена по центру каменной перегородкой (по линии запад-восток), разделявшей мужское и женское погребения. Погребенные были ориентированы головой на восток. Могила полностью ограблена, найдена лишь небольшая янтарная бусина в грабительской траншее.

В зоне затопления Шульбинского водохранилища вскрыты два кургана относящиеся к древнетюркскому времени.

Курган № 2 курганной группы Пьяный Яр I имел диаметр 11 м, высоту 0,3 м. У восточного края кургана находилось вкопанное каменное изваяние (или стелла), верхняя часть которого была обломана. Под каменной наброской на уровне материка зафиксированы две могильные ямы, ориентированные с ЮЗЗ на СВВ. В подобиях северных стенок могил расчищены погребения девочки 10—12 лет и женщины. Погребенные уложены на спины в вытянутом положении и ориентированы головой на СВ и СВВ. Детское погребение оказалось основным. Здесь найден чрезвычайно богатый сопроводительный инвентарь: 22 серебряные и бронзовые нашивные подвески, серебряная нагрудная подвеска с буддийской символикой, две бронзовые заколки и серебряное навершие от головной булавки с изображениями стоящих собачек и феникса, серебряная серьга, обломок китайского зеркала из белой бронзы с рунической надписью, сердоликовые, пастовые и каменные бусины, железный нож и остатки деревянного блюда. Женское погребение было безынвентарным. К СЗ краю кургана № 2 примыкала оградка сооружения из крупных камней, без насыпи, размерами 6×5,6 м. В центре оградки находилась неглубокая могила, ориентированная с ЮЗ на СВ. Погребенный уложен в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на СВ. В могиле найдены: железные удила подпружная пряжка, заклепка и крепление от седла, нож, пять черешковых трехлопастных и трехгранно-трехлопастных наконечников стрел, костяная пряжка и две центральные накладки от лука, а также кости барана и рыбы (остатки заупокойной пищи) и древесные угольки. Таким образом, в исследованном погребальном комплексе основным является детское захоронение, а женское и мужское погребения можно интерпретировать как погребения зависимых людей. Этническая принадлежность мужчины возможно кимакская, а ребенка и женщины — уйгурская. По инвентарю прослеживаются связи с Китаем и енисейскими кыргызами. Погребальный комплекс датируется IX—X вв.

Курган № 3 курганной группы Пьяный Яр II имел диаметр 8,5 м и высоту 0,4 м, подкурганную каменную наброску мощностью до 0,4 м. Среди камней наброски встречены кости животных — остатки поминальной тризны. Ограбленная могила содержала погребение мужчины с конем, ориентированные головой

на СВ. Найдены: костяная пряжка с железным язычком, железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы, крестцовые позвонки барана. Курган № 3 относится к кимакским памятникам IX—X вв.

О. А. КУЗНЕЦОВА,
Е. В. ТАРАСОВА
г. Челябинск

ПРИМЕНЕНИЕ АЭРОФОТОМЕТОДА В ИССЛЕДОВАНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СТЕПНОЙ ЗОНЫ ЕВРАЗИИ

С 1990 г. лаборатория археологических исследований ЧелГУ начала работу по дешифрированию материалов аэрофотосъемки с целью поисков археологических памятников и их детального изучения. Под руководством И. М. Батаниной авторами было проведено исследование материалов аэрофотосъемок среднего течения реки Большая Караганка в зоне затопления (Кизильский р-н Челябинской области).

Для анализа были использованы аэрофотоснимки залета 1956 г. масштаба 1 : 14000 и 1978 г. масштаба 1 : 25000 и 1 : 12500.

При анализе материалов удалось обнаружить следующие памятники: а) могильники; б) одиночные курганы; в) поселения эпохи поздней бронзы; г) стоянка каменного века. Необходимо отметить, что до начала нашей работы эта территория была исследована с помощью наземной разведки, в результате которой удалось обнаружить часть памятников. Так был найден могильник Александровка II, расположенный в 1,5 км к юго-западу от западной окраины с. Александровка на высоком берегу первой надпойменной террасы правого берега р. Большая Караганка. На аэрофотоснимке курганы представлены в виде кулисообразных цепочек, ориентированных СЗ-ЮВ. Они смотрятся как светлые округлые пятна на светлом фототоне террасы, окруженные темными кольцами диаметром 1—2 мм.

На стереомодели курганы выглядят как округлые возвышенности диаметром от 10 до 30 м. Некоторые из них окружены небольшими ровиками. Протяженность могильника СЗ-СВ на 310 м.

С помощью метода дешифрирования были обнаружены и другие могильники: Александровка XIII, Александровка XIV, Александровка XVII, Александровка XIX.

Например, могильник Александровка XVI, расположенный на левом берегу р. Б. Караганка в 2 км к ЮЗ от западной окраины с. Александровка, в 100 м к Ю от излучины реки, на аэрофотоснимке выглядит как светло-серая структура неопределенной формы на темно-сером фоне пашни. Внутри этой структуры выделяется пять более светлых пятен диаметром 1 м с темным окаймлением, расположенных по кругу. На стереомодели могильник смотрится как небольшая возвышенность, опавшая во круг, на которой выделяется пять округлых бугров диаметром, примерно, 12 м, имеющих небольшие ровики. Бугры расположены по кругу.

Обобщая полученную информацию о могильниках, можно отметить общие черты: все они находятся довольно далеко от реки, на высоком берегу, в основном на возвышенностях. Могильники относятся, вероятно, к эпохе бронзы.

При анализе аэрофотоснимков были обнаружены также поселения эпохи поздней бронзы.

Поселение Александровка V находится в 4,5 км к ЗЮЗ от с. Александровка, на первой надпойменной террасе правого берега р. Большая Караганка. Поселение вытянуто, практически в две линии с СВ на ЮЗ вдоль реки Б. Караганка. На аэрофотоснимке поселение выглядит как линия темных округлых пятен на сером фоне диаметром от 1 до 1,5 м. В северо-восточной части поселения жилища выглядят как длинные узкие темные пятна со светлым окаймлением длиной 2 м. На стереомодели жилища представляют собой небольшие углубления, ориентированные с СВ на ЮВ и с СВ на Ю. Жилищные впадины СВ части имеют светлое окаймление. Длина жилищ от 10 до 20 м. Все они находятся под горой. Площадь поселения 6500 кв. м.

Поселение Александровка VI находится в 4 км к ЮЗ от с. Александровка и в 200 м к ЮЗ от старицы на первой надпойменной террасе левого берега р. Большая Караганка. На аэрофотоснимке поселение представляет собой темные расплывчатые пятна размером от 1 до 2 м на светло-сером фоне. Пятна протянулись без какой-либо определенной закономерности с СВ на ЮЗ вдоль террасы. На ЮЗ жилищные пятна имеют неопределенную форму. На стереомодели жилища выглядят как небольшие округлые впадины длиной от 10 до 25 м, большинство из которых имеет светлое окаймление. Площадь поселения охватывает 3500 кв. м. Количество жилищных впадин около 15. Дешифрируются они слабо.

Эти поселения были обнаружены в результате полевой наземной разведки. Они, вероятно, являются многослойными, о чем свидетельствует различная площадь, форма и ориентировка жилищ.

Кроме поселений, были найдены стоянки каменного века Александровка XVIII, расположенная в 2 км к ЮЗ от юго-западной окраины с. Александровка на левом берегу р. Б. Каранка. Стоянка находится на останце коренного берега реки. Необходимо отметить, что стоянка была обнаружена и в результате наземной разведки. Однако были найдены только орудия труда, характерные для эпохи энеолита, но в результате дешифрования аэрофотоснимков было отмечено 9 небольших жилищных впадин. На аэрофотоснимке они выглядят как небольшие темные пятна длиной 0,7—1,5 м четырехугольной формы, округлыми углами на темно-сером фоне. Все они имеют светлое окаймление. Пятна расположены в три ряда, одно из них находится отдельно в 25 м к В от остальных. В первом и втором ряду находится по три небольших пятна, в третьем ряду — два, немного больших по размеру. На стереомодели пятна выглядят как небольшие углубления длиной 9—18 м, ориентированные с С на Ю. Все они имеют небольшие светлые валики.

При исследовании зоны затопления были обнаружены три одиночных кургана: курган Александровка XI, Александровка XII, Александровка XV.

Курган Александровка XII расположен в 2 км к З от западной окраины с. Александровка на правом берегу р. Б. Каранка. На аэрофотоснимке курган выделяется светлым округлым пятном диаметром 1 м на общем темно-сером фоне и имеет более темное окаймление. На стереомодели курган представляется как небольшая возвышенность диаметром примерно 12 м, окруженная небольшим ровиком.

В отличие от могильников, одиночные курганы расположены не только на возвышенностях, но и в низинах. Так, курган Александровка XI находится на высокой пойме левого берега реки Большая Каранка в непосредственной близости от воды.

Итак, мы видим, что применение методов дешифрирования материалов аэрофотосъемки позволяет обнаружить максимальное количество археологических памятников на определенной территории в наиболее короткий период и значительно облегчает проведение наземных археологических разведок.

О ФОРМИРОВАНИИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ 1920—1930-х ГОДОВ

До недавних пор в отечественной историографии археологии сложилось устойчивое мнение о том, что в 1920—1930 гг. шло постепенное утверждение марксистской методологии в советской археологии, что к середине 1930-х годов отечественная археология становится подлинно марксистской (В. Ф. Генинг, А. Д. Пряхин). [Считаю необходимым заметить, что я исхожу из того, что марксизм, как метод познания, является чрезвычайно плодотворным во всех областях исторического знания.] Это положение вытекало из того, что в первые десятилетия советской власти были предприняты государственными и общественными органами решительные меры по подавлению и ограничению политических, идеологических, философских и иных направлений, противостоящих советской власти, или не проявляющих открытой поддержки новой власти. Победа советской власти привлекла симпатии в обществе к марксистской философии и идеологии, которые превратились в официальную, государственную философию и идеологию. Эти процессы огосударствления философии и идеологии коснулись также и истории вообще, и археологии, в частности.

Чтобы понять, что же происходило с археологией, рассмотрим сначала о том, какова была ситуация с интеллигенцией в стране.

Советская интеллигенция в 1920-е годы имела очень сложный облик. В ее составе различались такие главные составные группы: а) интеллигенция дореволюционного времени, выходящая из господствующих слоев, принявшие советскую власть, или отнесшиеся к ней лояльно, не более; состав этой группы, как известно, не был однородным, но не будем обстоятельно анализировать этот аспект; б) интеллигенция дореволюционного времени, выходящая из различных слоев и прежде всего учительство и близкие ему профессии; в) интеллигенция, вышедшая из разных социальных слоев и классов, прошедших гражданскую войну на стороне советской власти; эта группа в большинстве своем была невысокообразованной, но была готова преданно служить победившей власти; г) интеллигенция, рекрутировавшаяся из среды молодежи рабочих и крестьян, прошедших ускоренную подготовку через рабочие факультеты и потому не имеющие глубокой фундаментальной подготовки.

Политика государства по отношению к интеллигенции оказалась во многих случаях губительной. Существенно пострадали

ервую очередь представители первой и второй групп интеллигенции. Не избежали репрессий и выходцы из двух других групп, а именно, те из них, которые наиболее критично воспринимали происходящее в стране. Велась сознательная селекция, подбор интеллигенции с такими качествами, которые были удобны государственным органам. Эта структура советской интеллигенции и процессы, в ней протекавшие, прямым образом сказались и на состоянии отечественной археологии.

Отечественная археология унаследовала из дореволюционного прошлого такой теоретический багаж, как эволюционизм, общую методологическую базу, с которой теснейшим образом связаны палеоэтилогическое направление, неопозитивизм. В стране остались все крупные археологи России. Отечественная археология менее других отраслей знаний понесла потери в годы революции и гражданской войны, хотя историкам науки предстоит еще исследовать вопрос.

Во многих отраслях знаний продолжалась разработка проблем, начатых еще в дореволюционное время. Это же можно сказать и об археологии.

В 1920-е годы партийные и советские органы приняли ряд мер по всемерному внедрению марксизма во все сферы жизни общества. Шла настойчивая работа по изучению этой теории во всех звеньях системы образования.

Первая и в значительной мере вторая группы отечественной интеллигенции вообще и археологии, в частности, не могли так путем глубоко и органично овладеть новой методологией, могли себя переделать на новый, марксистский лад. Для словившихся археологов многое из принципов марксизма не казалось чем-то принципиально новым: признание диалектики развития, исторической обусловленности событий и процессов культурного развития, очевидная материалистичность многих философских позиций эволюционистов и позитивистов в археологии.

Молодые кадры археологов, не имея прочной фундаментальной подготовки, восприняли марксизм без должной серьезности, давая предпочтение очевидным схемам, без наполнения их живой историческим материалом.

Надо отметить и то, что сказалась и общая морально-политическая обстановка в стране, когда на поверхность политической жизни поднимались не самые образованные, не самые культурно подготовленные группы людей, а скорее наиболее «преданные» революции с прямолинейностью мышления, низким интеллектуальным и нравственным потенциалом. На этом фоне более заметными в науке оказывались молодые ученые, не лишённые талантов, весьма значительных иногда потенциалов, но упрощённо и прямолинейно толкующих и понимающих марксизм.

Убедительными примерами такого восприятия марксизма-ленинизма в археологии был известный «метод восхождения». Этот прием использования марксизма в археологии теснейшим образом смыкался с упрощенным пониманием сущности историзма в археологии. На определенной стадии развития отечественной археологии эти достижения были серьезным завоеванием науки. Но они не исчерпывали сущности марксизма в археологической науке. Упрощенное понимание и приложение принципов марксистской методологии в нашей науке были существенно усилены воздействием «нового учения о языке» Н. Я. Марра. К числу таких же явлений надо отнести и бичевание формального буржуазного вещеведения.

В результате этих процессов в среде археологов к середине 1930-х годов сложилось несколько направлений: традиционное, унаследованное с дореволюционных времен; новое, так называемое марксистское с известными упрощениями; конформистское, ориентирующееся на официоз и потому сосредоточившее в своей среде наиболее податливую к карьеризму часть археологов. Ни одно из этих направлений не может быть названо марксистским, но наиболее близким марксизму было первое.

Такая ситуация в среде отечественных археологов привела к тому, что мы на протяжении ряда десятилетий, а в некоторых случаях вплоть до наших дней встречаем яркие примеры приспособления археологических исследований к нуждам политических ситуаций. Среди отечественных археологов, не поддавшихся идеологическому конформизму, в первую очередь оказались ученые-выходцы из первой и второй группы интеллигенции.

Большая часть ученых-выходцев из третьей и четвертой групп интеллигенции — приняли участие в политической борьбе, используя в ней археологические исследования.

К сожалению, такому поведению значительной части отечественных археологов способствовали широко распространенные в 1920—1940-е гг. и позже подобные деформации археологических исследований.

В. Ф. ЗАПЕРТ

г. Петропавловск

К ПРОБЛЕМЕ СТЕПНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. Раскрепощение исторической науки в наши дни идет активно в нескольких направлениях: деидеологизация; гуманизация; отказ от догматизма и схематизма, поиски и овладение оптимальной методологией.

2. Среди методологических проблем, находящихся на стадии разработки, важное место занимают теории формаций и цивилизаций. Негативная сущность длительного господства в советской историографии формационной теории в том, что «предметная область исторической науки,— как писал А. О. Чубарьян,— подменялась ее методологическим инструментом, каковым является категория формации, и в результате происходило объединение и схематизация нашего видения исторического прошлого» (А. О. Чубарьян. Опыт мировой истории и идеология обновления // Всеобщая история, М., 1989. Вып. 1, с. 11).

3. У истоков разработки теории цивилизаций, как известно, стоял Л. Г. Морган, а затем Ф. Энгельс, впоследствии этими вопросами активно занимались Г. Чальд, Д. М. Тойнби, Дж. Стюарт, Г. Даниел, К. Фланнери, И. М. Дьяконов, В. М. Массон, Ю. В. Павленко, В. А. Белявский и др.

Рассматривая межформационные общечеловеческие процессы, авторы, как правило, традиционно ограничивались анализом оседлых земледельческих культур. При этом оставался как бы вне самостоятельного анализа на предмет характеристики цивилизаций огромный степной регион Евразии. Отражением соподчиненности так называемых кочевых культур или культурномадов от земледельческих культур Востока явился и международный симпозиум, состоявшийся в Алма-Ате в 1987 году, он назывался «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций». На этом форуме профессором А. И. Мартыновым был прочитан доклад «О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н. э.», в котором автором впервые аргументировано, на мой взгляд, был поставлен принципиально по-новому вопрос о степной цивилизации, развивающейся своим путем, в определенных географических параметрах, с присущими только ей социальными и экономическими характеристиками.

Открытие целых комплексов протогородского типа эпохи бронзы в Казахстане и Зауралье, типа Кент, Аркаим и раннеконеводческой энеолитической и ботайской культуры, дают благо-

датную возможность для расширения и углубления обоснования степной скотоводческой или скотоводческо-земледельческой цивилизации и не только для рубежа первых тысячелетий до н. э., он и более раннего времени.

4. В этой связи останавлиюсь на двух культурологических аспектах большой проблемы:

1) Об использовании термина «кочевник» и понятия «кочевое хозяйство» для лесостепной и степной Евразии. Не касаясь истории дискуссии об этом вопросе в литературе, следует сказать, что в Евразийских степях в древности и в недалеком прошлом не было кочевников и кочевого хозяйства в классическом понимании этих слов. Археологические материалы энеолита, бронзы и РЖВ больше свидетельствуют о формировании у скотоводов зоны обитания иногда на очень значительной площади. Утилизация пастбищ и других природных ресурсов протекала, как правило, в двух циклах: весенне-летний и осенне-зимний. Наличие огромных (до 20—30 га) поселков и даже протогородов уже в III—II тыс. до н. э. при одновременном сооружении временных сезонных жилищ на «джайляу» для хозяйственных нужд части населения этих стационарных поселков, позволяет ставить вопрос об оседлом характере таких культур.

2) Второй аспект проблемы выработки теории о степной цивилизации следует связать, на мой взгляд, с календарным годовым циклом функционирования социума. Скотоводы выработали очень четкий ритмичный хозяйственный график жизни. Причем, в различных зонах степей хозяйственные циклы отличались своим количеством и протяженностью. Но в одном было единство — годичный цикл всегда был завершенным. Отсюда следует важный исторический вывод: степная цивилизация — самовоспроизводящаяся социосистема, не зависящая от ценностей земледельческой цивилизации. Если отдельный социум скотоводческой (степной) цивилизации утрачивал способность к сохранению календарного цикла, то он распадался.

Б. Ж. АУБЕКЕРОВ,
О. А. АРТЮХОВА,
Ж. К. ТАЙМАГАМБЕТОВ
г. Алма-Ата

О ЗНАЧЕНИИ СТРАТИФИЦИРОВАННЫХ СТОЯНОК В ИЗУЧЕНИИ ПАЛЕОЛИТА КАЗАХСТАНА

За время исследования палеолита Казахстана выявлено более сотен памятников, относящихся к древнейшему периоду ка

менного века, которые представляют интерес не только для указанного региона, но и для истории сопредельных территорий. Все они «наземного» характера по условиям залегания и не имеют абсолютной привязки. И несмотря на то, что они сами по себе несут ценную информацию, все же стратифицированные памятники имеют важное значение, ибо с ними связана проблема хронологии и периодизации.

Какие же стратифицированные стоянки имеем мы на сегодняшний день? Это стоянка им Ч. Валиханова и Кошкурган (Южный Казахстан), Батпак (Центральный Казахстан) и Шульбинка (Восточный Казахстан).

Стоянка им. Ч. Валиханова обнаружена Х. А. Апысбаевым в 1958 году (Апысбаев Х. А., 1960, 1979), в настоящее время там ведутся исследования под руководством Таймагамбетова Ж. (Таймагамбетов Ж. К., 1984, 1989, 1990). Памятник содержит 5 культурных слоев, последний из которых был зафиксирован на глубине 5,50 м от нулевой линии. В прошедшем полевом сезоне несколько отщепов были обнаружены в разведочном шурфе на глубине 7,20 м. Общая глубина шурфа достигала 10 м отметки. Вероятно, существует еще один культурный слой.

Местонахождение Кошкурган, как археологический памятник, стал известен с 1986 года благодаря исследованиям Б. Ж. Аубекерова и Артюховой О. А. Находится он в 18 км к северо-востоку от г. Туркестан, на окраине пос. Кошкурган. (Артюхова О. А., Аубекеров Б. Ж., 1988). Каменные изделия залегают в переотложенном состоянии. Индустрия мустьерская, но есть артефакты более позднего происхождения. Сырьевой материал самый разнообразный — кремнистые породы, песчаник, кварцит и т. д. По данным Артюховой О. А., индустрия Кошкургана характеризуется как мустье типичное фации нелеваллуа.

Палеолитическая стоянка Батпак обнаружена М. Н. Клапчуком в 1962 году. (Клапчук М. Н., 1966) и в последние годы исследуется В. С. Волошиным. (Волошин В. С., 1986, 1990). Из отложений южного борта оврага в разные годы были собраны каменные изделия, которые, по публикациям М. Н. Клапчука, «занимают промежуточное звено между леваллуа-мустье... и верхним палеолитом...» (Клапчук М. Н., 1969). В результате работ произведенных В. С. Волошиным, были добыты новые материалы, имеется в виду артефакты, относимые им к древнему палеолиту. Однако, на наш взгляд, они требуют достоверной интерпретации о геологическом возрасте и времени накопления суглинков.

Позднепалеолитическая стоянка Шульбинка открыта и исследована автором в 1981—1983. (Таймагамбетов Ж. К., 1982, 1983, 1987). Стоянка расположена на 35—40-метровой террасе

правого берега р. Иртыш, в устье р. Шульбинка. Терраса имеет сложное строение, покой ее сложен кремнистыми сланцами, а аккумулятивная часть — песком и суглинками. Стратиграфический разрез стоянки наиболее полно представлен в северной части раскопа. Наличие большого количества каменных изделий и очагов, сложенных из галек, говорит о длительном пребывании здесь древнего человека.

В настоящее время по палеолиту Казахстана накоплено достаточное количество артефактов, анализ которых позволяет нам проследить эволюцию техники изготовления орудий, на основе чего можно поставить вопрос о заселении территории человеком и о путях его миграции, вопросы развития и характер экономики древнейших обитателей.

Стратифицированные матеранлы вышеуказанных стоянок, отражающие культурно-исторические этапы мустье и позднего палеолита, служат важным источником для понимания технико-типологических характеристик палеолитических индустрий «наземного» типа. С их помощью определяется и устанавливается хронологическая последовательность многочисленных комплексов артефактов, собранных на территории Казахстана.

В. К. МЕРЦ
г. Павлодар

РАСКОПКИ НА СТОЯНКЕ ШИДЕРТЫ III

В 1991 году Павлодарская археологическая экспедиция продолжила раскопки на многослойной стоянке каменного века Шидерты III. Разведочными траншеями 1989-90 гг. было установлено, что на памятнике четыре культурных слоя, материалы которых датируются от финального палеолита до энеолита.

В задачу экспедиции входило изучение первого — энеолитического — слоя, приуроченного к гумусированному суглинку и перекрывающей его современной почве. Здесь был заложен раскоп общей площадью 376 кв. м, изучение культурного слоя велось по квадратам 2×2 м с фиксацией находок на плане и нивелировкой глубины их залегания. Следов жилищ не найдено, лишь в некоторых квадратах на глубине 40—50 см были обнаружены скопления крупных камней, которые могут быть остатками наземного строения. На глубине около 50 см зафиксирован очаг, обложенный несколькими речными гальками. В нем были собраны мелкие угольки, представляющие остатки сгоревшего хвороста и костей. Кроме этого, зафиксировано еще несколько про-

колов почвы с углистыми пятнами. Повсеместно в раскопе попадаются мелкие обугленные кости, которые, по-видимому, использовались в качестве топлива. Крупные трубчатые кости все разбиты, целыми попадают лишь фаланги. Часто встречаются скопления битого кремния и обломки нуклеусов для отщепов. В целом, мощность первого культурного слоя достигает 40—70 см.

На контакте первого и второго культурных слоев, в квадрате 6-Г, была обнаружена каменная кладка, под которой на глубине 70 см оказалось погребение человека. Костяк лежал на спине с вытянутыми вдоль тела руками, головой на юго-восток. С правой стороны, возле черепа, находилось скопление красной охры. Под нижней челюстью были обнаружены остатки ожерелья из зубов сайги и речного бобра (определение Л. Л. Гайдученко), следов сверления или насечек на них нет. Других предметов в погребении не обнаружено. Стратиграфически могила относится ко второму культурному слою.

Материалы первого культурного слоя представляют остатки отщепной индустрии, для которой использовался трещеноватый коричневатый или серо-зеленый кремнь. Основными типами орудий являются скребки, скебла на крупных отщепах с вентральной подтеской, мелкие бифасы, наконечники стрел с выемкой в основании и свисающими шипами. Костяные орудия единичны, они представлены обломком вкладышевого ножа, в котором сохранился фрагмент двусторонне обработанного вкладыша. Всего на памятнике найдено около десятка таких вкладышей, они представлены четырьмя типами: удлиненные с закругляющимся, как у ножа, концом, удлиненные с острым сеченным торцом, прямоугольные, квадратные или трапециевидные. Подобные вкладыши широко известны в прибайкальском неолите, в частности, характерны для исаковского и серовского этапов (Окладников А. П., 1950). В Казахстане вкладыши такого типа известны лишь с поселениями Усть-Нарым (Черников С. С., 1959), материалы которого имеют больше сходства с китайской культурой.

Шлифованные орудия представлены: теслом, утюжком и абразивами. Большой набор составляют макролиты: отбойники, песты, молоты, наковальня, подтреугольные мотыгообразные рубящие орудия. Все они выполнены из парфери́та и алевро́лита.

Керамика представлена двумя типами: тонкостенная и толстостенная. Тонкостенная с текстильным орнаментом или в виде различного рода вдавлений, наколов, горизонтальных линий на верхней части сосудов и по венчику, который обычно слегка отогнут. Есть среди тонкостенной керамики плоскодонные сосуды без орнамента. Толстостенная и плоскодонная керамика имеет прямой профиль и, по-видимому, представляла баночную форму. Орнаментировалась также верхняя часть сосуда, чаще всего

жемчужинами. Один сосуд орнаментирован гребенчатым штампом и жемчужинами. А поверхность его венчика из ровной становится волнистой и заканчивается шиповидным палепом. Подобные элементы характерны для керамики боборыкинской культуры (Ковалева В. Т., Варанкин Н. В., 1976).

Если шидертинская керамика имеет аналоги с боборыкинской керамикой, то кремневая индустрия тяготеет к культуре усть-нарымского типа.

Ж. К. ТАЙМАГАМБЕТОВ
г. Алма-Ата

ДРЕВНЕЙШАЯ СТОЯНКА ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

Одной из важнейших проблем в изучении палеолита Восточного Казахстана является поиск раннепалеолитических комплексов. А о том, что они есть, свидетельствуют палеогеографические данные, хотя они носят гипотетический характер. О благоприятных условиях для существования древнейшего населения в Восточном Казахстане говорят и палеонтологические данные — кости эласмотерия, слона тригонтерия, гигантского оленя германского типа, носорога Мерка, хищников и других животных, которые были обнаружены в отложениях высоких террас Иртыша и по берегам других рек. (Б. С. Кожамкулова, Н. И. Костенко, 1984).

Первые успешные открытия палеолитических памятников связаны с экспедицией С. С. Черникова в зоне сооружения Бухтарминской ГЭС (С. С. Черников, 1952, 1956, 1967). Наибольший интерес представляют верхнепалеолитические стоянки Пещера, Канай, Свинчатка.

Опорным памятником начала верхнего палеолита для этого региона считается стоянка Шульбинка (Ж. К. Таймагамбетов, 1982, 1983, 1987). Помимо того, что очаги, сложенные из галек и артефакты залегают в непотревоженном состоянии, здесь выделены целые серии типов орудий, сближающих Шульбинку с памятниками Алтая и Сибири (Г. П. Сосновский, 1941; А. П. Деревянко, В. Т. Петрин, 1988; З. А. Абрамова, 1979).

На сегодняшний день самым ранним палеолитическим памятником для Восточного Казахстана является местонахождение Козыбай. Обнаружено оно в 1989 году Восточно-Казахстанской археологической экспедицией ИИАЭ АН КазССР под руководством автора. Местонахождение находится на левом берегу

р. Колгутты, в 2-х км западнее от с. Каратагай Курчумского района.

Каменные изделия в большинстве своем отщепы с ярко выраженными ударными бугорками и отходы производства, выявлены в конгломератах на склоне высокой террасы в 1,5 км на юго-восток от производственного участка Козыбай.

Среди нуклеусов выделим массивное ядрище леваллуа из черной кремнистой породы с вкраплениями кварца. С одной стороны уплощенной гальки имеется три негатива снятия отщепов, один из которых занимает значительную часть нуклеуса, а с другой — имеется множество сколов. Аналогичные леваллуазские нуклеусы известны на других раннепалеолитических комплексах Казахстана. (А. Г. Медоев, 1962, 1982; Х. А. Алпысбаев, 1979; Ж. К. Таймагамбетов, 1989).

Нуклевидные сколы с частично сохраненной дефлированной поверхностью свидетельствуют о том, что рабочие площадки на нуклеусах были скошенными и гладкими.

Отщепы немногочисленны, но имеют отчетливые ударные бугорки со скошенной площадкой, у некоторых площадка неопределима. Несколько экземпляров несут следы псевдоретуши. Вторичная подработка отсутствует.

Открытие в последние годы в Восточном Казахстане стратифицированных позднепалеолитических и «открытых» стоянок раннепалеолитического времени открывает благоприятные перспективы в этом направлении.

В. С. ВОЛОШИН
г. Целиноград

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК БАТПАК

Памятник расположен на речке Батпак, левом притоке р. Ишим в пределах Нура-Ишимского водораздела. Обнаружен М. Н. Клапчуком в 1960 г. изучался им в 1962—68 гг. С 1985 г. раскапывается Целиноградской археологической экспедицией. Площадь раскопа составила 520 кв. м, глубина 7—8 м. На памятнике получено 218 каменных артефактов и богатая фауна крупных млекопитающих. По этим материалам выделен Батпакский мустьерский комплекс (В. С. Волошин, 1989, 1990 гг.).

Возле с. Батпак четвертичные отложения, мощностью до 15 м, выполняют небольшую депрессию среди каменистых сопок Актастинского поднятия. В современном рельефе депрессии выражены две основные ступени: верхняя ступень, сформированная

разновозрастными и разнофациальными осадками плейстоцена, залегающими поверх неогеновых глин и на породах палеозоя; нижняя ступень — ровная площадка голоценовой террасы, под аллювием которой погребены толщи плейстоцена. На месте и вблизи памятника обнажаются отложения террасы, относящиеся к современной долине речки Батпак, накопления «Батпакский полигенетической серии».

В раскопе «Батпакская серия» представлена двумя толщами. Их отмечают два отдельных относительно крупных аккумулятивных цикла. С обеими толщами связан фаунистический и археологический материал.

Осадки нижней толщи, мощностью 7,5 ... 5 м, залегают на глубине 5 ... 9 м, формируют одну ритмопачку, сложенную оглеенными суглинками. По спорово-пыльцевым данным, формирование толщи происходило в относительно теплых и влажных условиях с распространением лесостепи с устойчивым участием вяза. Фауна из раскопа 1987 г. включает 58 определенных костей крупных млекопитающих (определение Л. Л. Гайдученко): зубр, лошадь, сайга, мамонт, эласмотерий, волк, шерстистый носорог, кулан, верблюды, осел. В 60-х годах из толщи был получен зуб трогонтериева слона, на основании чего геологи единодушно относили отложения толщи к плейстоцену. Однако, это определение было сделано Б. С. Кожамкуловой по фрагменту зуба и носило предположительный характер. Фауна из толщи, вероятно, разновозрастная, переотложенная из различных слоев. Скорее всего горизонт относится к верхнему плейстоцену и, вероятно, не древнее раннего вюрма.

Из нижней толщи происходят разрозненные каменные артефакты, которые были разделены на две хронологические группы: «мустье I» (сильно заглаженные, испытавшие значительное переотложение) — девять предметов, в том числе фрагмент типичного острия леваллуа с фасетированной изогнутой площадкой в форме «шапо», два орудия с весьма характерными для этой группы центральной крупной ретушью и клектонскими выемками;

«Мустье II» («свежие» или слегка выветренные артефакты) — шесть предметов, в том числе два площадочных нуклеуса и один черепаховидный отщеп.

Верхняя толща насыщена многочисленными костями животных, а также каменными артефактами, которые происходят от разрушенной стоянки палеолитического человека. Материал тяготеет к базальным горизонтам ритмопачек, концентрируясь самой древней ритмопачки. Стоянка человека располагалась на поверхности почвы. Ее существование относится ко времени, непосредственно предшествующему заложению новой долины. В последующем эрозией, потоками солифлюкции памятник был

полностью уничтожен: материал был переотложен вниз по склону и захоронен среди осадков разных ритмопачек. Среди наиболее крупного скопления костей животных в древней ритмопачке было определено 205 костей: лошадь, мамонт, зубр, шерстистый носорог, эламотерий, кулан, сайга, благородный олень, северный олень, хищник. В фауне вероятно примесь инородного материала, вымытого руслами из каких-то других слоев.

Из верхней толщи получено 184 каменных артефакта (туф, алевролит). Характер залегания инвентаря сходен с таковым у костей. Выделяются два ашельских изделия: кварцевое ручное рубило и туфовый сильно выветренный крупный диск — отщеп с такой же фактурой обнаружен в верхней части оврага в условиях, делающих наиболее вероятным его выпадение из нижней почвы в толще «водораздельных суглинков» (т. е. ашельский материал вполне может быть нижеплейстоценовым). К серии «мустье I» относится 7 предметов. Артефакты серии «мустье II» по внешнему виду от остального материала вычленить не удается. Основная серия («мустье III») насчитывает 175 предметов: 7 нуклеусов (два напоминают грубо-клиновидные формы, расщеплялись с помощью посредника), 42 скола и обломка, 40 отщепов, 7 пластин, 81 орудие (47%). Среди орудий доминируют ножи с обушком и режущие орудия с сеченым краем (19), скрёбла (11), сколы леваллуа (6), сеченые формы (3). Основные технические индексы: фасетирования — 30%, леваллуа — 9%, пластин — 30%, сколов от посредника — 20%. Для приготовления орудий характерна тенденция к расщеплению заготовки (40% от всех орудий). По кости мамонта по C^{14} получена дата 24650 ± 305 лет (СОАН — 2712, Л. А. Орлова).

В. С. ВОЛОШИН,
И. Г. КУЧЕРЮК
г. Целиноград

СТОЯНКА КАМЕННОГО ВЕКА ТАРЫАП I

Памятник расположен на южном берегу оз. Тарыап (Павлодарское левобережное Прииртышье) и обследовался Целиноградской археологической экспедицией в 1989 и 1991 годы.

Археологический материал находился в поверхностном залегании на сухом днище озера, террасе высотой 1,5 ... 2,0 м и коренном склоне берега. Шурфом вскрыты отложения террасы мощностью около 1 м. На цоколе из красных глин неогена с размывом лежат озерные отложения на глубине 0,5 ... 1,0 м (слой 5). Выше с постепенным переходом на глубине 0,15 ... 0,5 м —

бурые коричневато-бурые средние суглинки с небольшими стяжениями карбоната кальция, обильными в верхах слоя; слой пронизан узкими трещинами усыхания, заполненными породой слоя 3. По всей толще слоя встречен археологический материал (слой 4). Слой 3 залегает на глубине 8 ... 15 см, с четкой нижней границей, представляет собой темно-коричневый средний суглинок, гумусированный, с дресвой, содержит археологический материал. Выше залегает прослойка коричневатого рассыпчатого суглинка (слой 2) и деятельный слой 1. Оба слоя насыщены каменными артефактами.

При интерпретации памятника необходимо учесть ряд обстоятельств: 1 — в поверхностном залегании, особенно на гипсометрически низком уровне, в условиях благоприятствующих активному солевому выветриванию, кварцитовый материал демонстрирует различную фактуру — от «свежей» до глубоко патинированной, при этом на серии предметов бесспорны следы реутилизации, указывающие на наличие среди материала как минимум двух хронологических групп; 2 — в шурфе во всех слоях, содержащих археологический материал, присутствуют как «свежие», так и патинированные артефакты, однако в слое 4 преобладают глубоко патинированные предметы и их количество в условных горизонтах снизу вверх последовательно возрастает достигая максимума в верхах слоя (15 ... 20 см). В слое 3 их количество резко сокращается — здесь явно преобладают «свежие» артефакты (вместе с ними присутствует керамика). В слоях 1, 2 относительное количество патинированных предметов возрастает. Однако, весь материал в них явно переотложен; 3 — в слой 4 какая-то часть материала могла попасть по трещинам усыхания: одна из генераций трещин прослеживается по кровле слоя 4.

Исходя из этих наблюдений, а также типологии инвентаря, на памятнике выделено два культурных горизонта. Верхний, неолитический горизонт связан со слоем 3, представлен «свежими» и слегка патинированными артефактами из кварцита, кремнистой породы и кремня. Нижний, эппалеолитический горизонт, вероятно, находится на уровне 15 ... 30 см в верхах слоя 4 и содержит глубоко патинированные артефакты из кварцита и кремня (остается открытым вопрос о возможности неоднократного поселения человека во время накопления покровных отложений слоя 4). Существование эппалеолитической стоянки приходится на время после фазы максимальной обводненности озера (слой 5), на фазу постепенного иссушения местности. Вероятно, человек был вынужден оставить стоянку вследствие полного высыхания озера (фаза плоскостной эрозии и трещинообразования в кровле слоя 4). Появление неолитической стоянки нужно свя-

зывать со следующей фазой увлажненности, когда озеро, вероятно, было частично восстановлено.

В настоящее время положение культурных горизонтов стоянки Тарыап I на геохронологической шкале устанавливается косвенным путем. Наиболее вероятно сопоставление фазы раннего обводнения озера (слой 5) с фазой потепления и увлажнения на юге Западной Сибири и в Северном Казахстане в предбореале (В. С. Волкова, Т. И. Левина, 1982); с лесной фазой Северного Казахстана в начале голоцена (Р. А. Терещенко, 1976), со временем потепления и увлажнения Центрального Казахстана «в самом начале голоцена» (Э. И. Нурмамбетов, 1980), с пльвиалом Чу-Илийского района в «древнем голоцене» (А. В. Вислогузова, Л. Н. Чупина, 1980). Фаза иссушения (верхи и кровля слоя 4) будет коррелироваться соответственно с фазой аридизации, зафиксированной в профиле нижней почвы по спорово-пыльцевым спектрам на стоянке Виноградовка II (Н. А. Хотинский, 1981), с временем проникновения полупустынных ландшафтов в современную лесостепь Северного Казахстана (Р. А. Терещенко, 1976) и формирования степных черноземных почв на осушенных поверхностях первой надпойменной террасы на юге Западной Сибири (И. А. Волков и др., 1969). Слой 3 стоянки Тарыап I (и вероятно сопутствующее ему увлажнение) следует отнести к атлантику (6 ... 4 тыс. лет до н. э.), на которое приходится увлажнение в Западном Казахстане (И. В. Иванов и др., 1979), признаки обводненности на неолитической стоянке Тельмана X (М. К. Хабдуллина, Г. Б. Зданович, 1984). Конечно, нельзя исключить позднеледниковый возраст нижнему культурному слою Виноградовки II, а неолитический горизонт укладываться в хронологические рамки неолита Северного Казахстана.

Индустрия эпипалеолитического горизонта Тарыап I (230 шт.) характеризуется доминированием отщепных орудий (53 шт.) над пластинчатыми (15 шт.). Среди нуклеусов — два крупных дисковидных, один маленький полиэрический, один одноплощадочный для отщепов, три торцовых с негативами пластинок, один клиновидный укороченный с отщепной огранкой рабочего торца. Пластинчатая техника неразвита: среди пластин и пластинок (с орудиями всего 29 шт.) ножевидных пластинок немного, часть изделий — это широкие пластины, напоминающие леваллуа, более широкие призматические и неправильные пластинки. Орудия из пластинок (15 шт.) — это прежде всего сечения, предметы с нерегулярной ретушью, один резец на углу излома. Среди орудий из отщепов — четыре скребла, три скребка, 14 зубчато-выемчатых инструментов, разнообразные предметы с ретушью, выступами, режущие инструменты, сеченые формы. Характерны морфологическая невыработанность орудий, нестандартная разно-

фасеточная ретушь, иногда пильчато-альтернативная — все это сближает данную индустрию с индустрией Барин 3 (В. С. Волошин, 1982). Вместе с тем здесь, в отличие от баршинского комплекса, присутствует пластинчатый аспект (нуклеусы, пластинки и редкие изделия из них), да и баршинская манера ретуширования орудий, вычурная, нестандартизованная во всей полноте не представлена. Характерно отсутствие наконечников стрел и дротиков. Есть два фрагмента бифасных макроформ.

Индустрия неолитического горизонта (630 шт.) отщепно-пластинчатого типа: среди орудий явно доминируют отщепные формы, среди нуклеусов — формы для пластинок. Характерны относительно крупные призматические и конусовидные нуклеусы со снятием пластины почти по всей окружности, с горизонтальной фасетированной площадкой. Немногим меньше призматических и конусовидных односторонних нуклеусов со скошенной площадкой. Есть также серия торцовых и один выразительный клиновидный укороченный нуклеус. Ширина негативов пластинок редко меньше 7 ... 10 мм. Характерен способ приготовления торцовых нуклеусов — односторонней крутой ретушью оформлялись сходящиеся книзу боковые края, площадка фасетировалась, приобрела вогнутый характер. Расщепление производилось на одном или обоих торцах. Нуклеусы для отщепов зачастую повторяют перечисленные выше формы. Среди отщепных орудий (142 шт.) — 15 скрёбел, 23 скребка (однако, только 8 типичные), 51 зубчато-выемчатых, различные другие малодифференцированные ретушированные и сеченые формы. Орудия из пластинок (вместе с пластинками 30 шт.) невыразительные. Есть пять макроформ (четыре биофасных орудия и один унифасный топор каменчатой формы). Наконечники стрел и дротиков отсутствуют. Есть один фрагмент керамики без орнамента. Обращает на себя внимание определенная преемственность с индустрией нижнего горизонта — вероятно, следствие генетических связей между обеими индустриями.

А. Ю. ЧИНДИН
г. Караганда

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО МЕЗОЛИТУ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Одной из нерешенных проблем каменного века Центрального Казахстана по-прежнему остается проблема мезолита региона М. Н. Клапчук в свое время отсутствие мезолитических памятников на территории Сары-Арки связывал с неблагоприятными

палеоклиматической обстановкой, которая препятствовала проникновению сюда племен — носителей мезолитических индустрий (Клапчук М. Н., 1970). О так называемом хиатусе, существовавшем между поздним палеолитом и голоценовыми памятниками региона говорил и А. Г. Медоев (Медоев А. Г., 1964). Вместе с тем это не помешало Г. Н. Матюшину на основании анализа споро-пыльцевой колонки и по наличию симметрических трапеций среди материалов пересмотреть датировку IV—VI слоев стоянки Караганда XV и отнести их к позднемезолитическому времени (Матюшин Г. Н., 1976). Вопрос о наличии среди материалов стоянки Караганда XV мезолитического комплекса оставался открытым, поскольку не был дан всесторонний анализ каменного инвентаря указанной стоянки, а выводы делались на основании опубликованных данных, не вполне отражающих реальную картину. Необходимы были новые материалы, которые были получены в результате изучения коллекций стоянки Караганда XV и в ходе раскопок стоянки Акимбек.

К сожалению, по стоянке Караганда XV не сохранилась полевая или отчетная документация. В фондах Карагандинского историко-краеведческого музея, где хранится коллекция, материал не разобран, не помыт и находится в полевых пакетах. Наиболее полная информация получена по II, III и IV слоям, отсутствуют материалы V слоя, а VI представлен лишь отдельными орудиями. Анализ каменного инвентаря с использованием типологического, трасологического и технологического методов позволил сделать нам следующие выводы. Стратиграфическая ситуация на памятнике была гораздо сложнее, чем та, которая представлена в публикациях М. Н. Клапчука. Материалы сильно переотложены. Во всех слоях, но в различном процентном соотношении, присутствуют мезолитический, с одной стороны, и неолитический — с другой, комплексы. Отмечена тенденция к увеличению доли первого от верхних слоев к нижним. Мезолитический комплекс резко выделяется из остального материала степенью сохранности (изделия покрыты глубокой, белой, сахаристой структуры патиной) и микролитичностью. Так, из отходов производства преобладают чешуйки, мелкие отщепы и обломки. Пластины составляют 24 процента, из них микропластины — 44 процента от числа всех пластин. Показательны одноплощадочные микронуклеусы — клиновидные, подклиновидные, пирамидальные, уплощенные, а также продольные и поперечные сколы, реберчатые пластины. С технологической позиции все перечисленные типы предназначены для получения стандартных микро- и средних пластин при помощи ручного отжима с использованием лишь мускульной силы человека, о чем свидетельствуют малые размеры нуклеусов, слабовыпуклая поверхность скалывания и вы-

явленные способы оформления этой поверхности (разработки Е. Ю. Гири). Орудия на пластинах составляют 9 процентов от числа всех орудий. Изготовлены в основном на микро- и средних медиальных и праксимальных сегментах и представлены концевыми скребками, пластинами с мелкой, краевой, крутой, нередко пологой ретушью, нанесенной либо с брюшка, либо со спинки, пластинами со скошенным и оформленным ретушью торцом, пластинами с притупленной спинкой и единичной пластиной с резцовым сколом. Интерес представляет конвергентное скребло в форме лавролистного наконечника, изготовленного на крупной медиальной изогнутой пластине, с двумя сходящимися в одной точке лезвиями, оформленными со стороны спинки мелкой и средней краевой и покрывающей, круто-пологой чешуйчатой ретушью. Орудия на отщепах численно преобладают и представлены скребками и наконечниками стрел. Скребки низкие, высокие на мелких, реже средних и крупных подквадратной, подпрямоугольной, подтреугольной, сегментовидной, мендалевидной, языковидной, овальной формы отщепах и обломках концевого, концевого-бокового, бокового и округлого типов. Использовались в основном в рукоятках для обработки шкур, реже в качестве скобелей для кости, рога, дерева. Наконечники двусторонние обработанные с выямчатым основанием, размерами от 1 до 3 см.

Материал оказался сложным для трасологического анализа. Кромки свыше 50 процентов типологически выделенных орудий полностью деформированы. Плохой сохранностью, вероятно, объясняется малое количество выделенных орудий на пластинах.

Аналогичный вышеописаному (по степени сохранности, орудийному набору, размерам и типам нуклеусов, параметрам заготовок) комплекс был обнаружен в нижнем слое стоянки Акимбек (Чиндин А. Ю., 1989), что позволяет говорить об их одновременности и однокультурности.

Материалы указанных нами памятников по ряду признаков (доли микропластин, отсутствию геометрических микролитов, наличию пластин с пологой, нанесенной со стороны брюшка ретушью, широкому применению округлых скребков на отщепах, почти полному отсутствию резцов) стадильно сопоставимы с материалами памятников позднего мезолита Северного Казахстана Явленка II, верхнего слоя Виноградовки II, Дузбай VI, а также позднемезолитическими комплексами Центральной Ферганы и датируются концом VIII — началом VII тысячелетия до н. э. Последняя дата наиболее вероятна, поскольку на наших памятниках преобладают орудия на отщепах, а это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что мезолитические комплексы Центрально-Казахстанских стоянок являются наиболее поздними из всех

вышеперечисленных мезолитических памятников сопредельных территорий.

Таким образом, в настоящее время в Центральном Казахстане выявлены 2 очень близких друг к другу позднемезолитических комплекса стоянок Акимбек и Караганда XV. Ряд специфических черт, отмеченных нами при анализе каменного инвентаря этих стоянок, свидетельствуют пока о поздней хронологической позиции данных памятников по отношению к остальным позднемезолитическим комплексам. Вместе с тем, не исключена возможность, что с появлением на нашей территории новых памятников эти особенности войдут в число культуро-определяющих для мезолита Центрального Казахстана.

Г. Н. МАТЮШИН
г. Москва

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ КУЛЬТУР КАМЕННОГО ВЕКА И ЭНЕОЛИТА СТЕПЕЙ И ЛЕСОСТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ

1. Периодизация и хронология памятников мезолит-энеолита степей и лесостепей Евразии играет важную роль не только в изучении истории населения данного крупного региона мира, но и может пролить определенный свет на происхождение народов Евразии.

2. В последние годы изучение культур, многослойных и однослойных памятников в степях и лесостепях Евразии значительно продвинулось. Появились материалы не только по Южному Уралу, но и по Северному Прикаспию, Притоболью и даже по Северному Казахстану. Наиболее интересные памятники выявлены и изучены в Приишимье (Ботай и др.).

3. К сожалению, проблема периодизации и хронологии вновь выявленных памятников еще далека от полного разрешения. Наблюдается много путаницы, несовпадения относительной хронологии и периодизации с данными абсолютной хронологии и другими материалами.

4. В Северном Прикаспии и Поволжье, например, памятники, относимые исследователями к неолиту, энеолиту или ранней бронзы оказываются синхронными по радиуглеродным датам. Так, Хвалынский могильник энеолита, датируется более ранним временем нежели неолитические стоянки Джангар и Тентыксор. Синхронными с ними являются и памятники относимые к «ранней бронзе» (Кзыл Хак II и др.), а неолитическая стоянка Варфоломеевская имеет даты даже более поздние чем энеолитические

памятники. Получается непонятная картина, где неолит (Тентексор) оказывается более поздним чем энеолит и ранняя бронза.

5. Обращает на себя внимание, что большинство стоянок Северного Прикаспия, например, появляется и «живет» лишь в период трансгрессий Каспия, а во время регрессий моря, население практически исчезает в Прикаспии. Это позволяет получить дополнительную датировку памятников при выяснении циклов флуктуаций.

6. В период обезлюдивания Прикаспия увеличивается количество поселений в лесостепях. Большей частью располагаются они в поймах современных рек, обитание в которых было возможно лишь при условии более аридного, нежели современный климата.

7. Прослежены периодические перемещения поселений с пойменных на надпойменные террасы и в обратном направлении, с определенным периодом цикла, что также дает возможность получить дополнительные материалы для датировки и периодизации памятников мезолит-энеолита лесостепей Евразии.

8. Наблюдения за стратиграфией, геоморфологией и инвентарем памятников степей и лесостепей в голоцене позволяет выделить пять экологических кризисов для периода мезолит — ранняя бронза региона.

9. Выделенные по археологическим материалам эокризисы синхронизируются с регрессиями Каспия и колебаниями закрытых водоемов Евразии и Африки, что свидетельствует о глобальности их и универсальности применения для датировки памятников. Например, первая крупная голоценовая Бегдашская регрессия совпадает по времени с появлением стоянок мезолита в поймах рек Предуралья и Зауралья. Уровень Каспия в это время падает до минус 58 м. В последующую трансгрессию мезолитические памятники поднимаются на 20—25 м выше предшествующего положения (Янгельская культура). В конце следующей регрессии уровень моря падает на 50 м ниже уровня океана. В пойменных стоянках в это время прослеживается смена мезолитических стоянок неолитическими поселениями (Муллино 2—1). В конце следующей регрессии в поймах Предуралья появляются стоянки с воротничковой керамикой. В предпоследнюю крупную регрессию между 3300—1700 гг. до н. э. суртадинское население покидает, непрерывно заселенные с палеолита, озера и переселяется в степи, окружающие с востока и юга Южный Урал. В связи с этим в степях Северного Казахстана и Прикаспия формируется ряд культур с геометрической орнаментацией и южно-уральским кремнем и яшмой.

10. В период экологических кризисов в аридных регионах.

особенно в полупустынях, пустынях и сухих степях население практически исчезает.

11. Смена археологических культур и даже цивилизаций показывает определенную корреляцию со временем экологических кризисов, что позволяет говорить о влиянии их на развитие культур и даже цивилизаций.

12. Комплексное исследование стратиграфии, геоморфологии и палинологии памятников в сочетании с чисто археологическими методами исследования дает возможность более разностороннего и более полного датирования памятников и составления более надежной периодизации памятников каменного века и энеолита не только региона степей и лесостепей, но и сопредельных территорий.

А. М. КИСЛЕНКО
г. Петропавловск

О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПЛАНИРОВКЕ ЖИЛИЩ НА ПОСЕЛЕНИИ БОТАЙ

1. За 12 лет на поселении Ботай раскопано 70 из 148 известных на сегодняшний день жилищных и жилищно-хозяйственных конструкций. 31 из раскопанных помещений в древности не подвергалось заметным перестройкам и разрушениям. Поэтому комплексы находок с них и стратиграфическая информация представлены в наиболее полном объеме.

2. Изучаемые комплексы и жилище происходит с самых разных частей поселения и нередко отстоят друг от друга на 450 м.

3. Для статистической обработки были использованы комплексы находок, зафиксированные на уровне пола в расчищаемых котлованах.

4. Одним из показателей при статистическом анализе явилось соотношение отщепов без обработки и орудий. Лишь в семи жилищах наблюдается значительное преобладание отщепов как в процентном, так и в количественном отношении: от 55 до 93% (418 до 4858 отщепов). Но вместе с тем, в некоторых из этих же помещений отмечалось большое количество орудий.

Во второй группе жилищ (более многочисленной), наоборот, при незначительном количестве отщепов в коллекциях был довольно высокий процент орудий. Такая ситуация может свидетельствовать об отсутствии особого подразделения жилищ и территорий на производственные и жилые.

5. Нет основания говорить о специализированных комплексах орудий в жилищах, поскольку особо заметных колебаний процентном соотношении орудий не прослежено.

Практически преобладают скребки (до 30%, но не ниже 3%). Процент ножей варьирует от 0,5 до 6%, иногда до 10% скребел от 0,5 до 5%. Остальные типы, как правило, составляя доли процента в коллекции и при общем анализе можно говорить лишь о наличии или отсутствии их.

6. О комплексном функционировании помещений свидетельствует и их внутренняя планировка: практически во всех жилищах фиксируется очаг, хозяйственные ямы. При концентрации значительной части находок в одном из секторов жилища противоположный, как правило, почти стерилен. Такой участок можно трактовать как место для сна. К тому же, оба сектора разделяются очагом.

В некоторых жилищах присутствует и ритуальный комплекс.

7. На поселении отмечены жилища с минимальным количеством культурных остатков, а также с полным их отсутствием (№№ 38, 40, 137). Предполагается, что они служили для содержания скота (№№ 40, 137) или были ритуальными помещениями (№ 38).

8. Таким образом, мы имеем пример типичного полифункционального помещения жилищно-хозяйственно-производственного культового назначения. Выделения монофункциональных помещений уже происходит, но пока не является обычным. Семейно-хозяйственные проблемы решаются, как правило, за счет соединения переходами двух или нескольких автономных полифункциональных помещений.

А. А. ПЛЕШАКОВ
г. Петропавловск

ВЫДЕЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ ИНВЕНТАРЯ В КОЛЛЕКЦИЯХ ПАМЯТНИКОВ АТБАСАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Основным археологическим источником при изучении поселений и стоянок различных этапов каменного века являются каменные и костяные орудия труда, которые отражают картины экологической жизни древних обществ. Для решений вопросов этнокультурной принадлежности и хронологии в археологии широко применялся типологический метод исследования. Но отсутствие единого подхода к материалу и в конце концов несо-

стимость типологистов отдельных авторов приводит часто к невозможности детального сопоставления материалов с различных территорий по публикациям.

Кроме того, при типологической классификации не всегда удается исключить названия чисто функционального характера типа («ножи», «скребла», «резцы», «топоры» и др.).

С помощью экспериментально-трассологического метода исследования орудий труда мы получаем расширенное представление об археологическом источнике. Этот метод направлен не только на установление функций отдельных орудий, но и на реконструкцию целых производств в условиях хозяйственной деятельности обществ в целом, что является теоретической базой для получения знаний о закономерностях исторических процессов.

Сегодня уже можно говорить о целом направлении в археологической науке, которое создано С. А. Семеновым. Направления работы, взятые Г. Ф. Коробковой и ее учениками, не ограничиваются изучением отдельных орудий или памятников. Исследованиям подвергаются материалы памятников и целых культур с определенных регионов страны, что позволяет делать широкие культурно-хозяйственные интерпретации по массовым археологическим коллекциям.

Сегодня мы имеем изученные с помощью микроанализа материалы с Урала (№ Б. Сериков, Н. А. Алексашенко), Средней Азии (Г. Ф. Коробкова, Т. М. Мирсаатов, О. Лоллекова, Т. А. Шаровская, А. К. Авизова), Дальнего Востока (Н. А. Копonenko). Автором данной информации изучаются коллекции Северного Казахстана.

Изучение артефактов с помощью микроанализа позволяют в определенной мере восстановить хозяйственную деятельность населения эпохи мезолита-неолита (атбасарская культура) и проследить переход к производящим формам хозяйства в энеолитическую эпоху (ботайская культура).

На протяжении периода мезолита-неолита основу хозяйства населения Тоболо-Иртышского междуречья составляла охота и рыболовство (вкладыши составных охотничьих орудий и вкладыши ножей, которые составляют до 50%).

На мезо-неолитических памятниках много орудий для обработки шкур (20—30%).

Большое место в жизни охотников и рыболовов занимали домашние промыслы (обработка дерева, косторезное дело, изготовление одежды и керамическое производство). От 20 до 40% находок составляют различные инструменты для обработки дерева. Это резцы и резчики, скобели строгальные ножи, развертки, сверла, стамески и пилки. Такими инструментами возможно изго-

товление широкого ассортимента деревянных изделий. Немало важную роль играли кость и рог, из которых изготавливались различные орудия труда и украшения. В процентном отношении они составляют около 10% от всех орудий. Использование сверл, разверток, пилок наряду с другими инструментами позволяло изготавливать различные мелкие украшения. Проколки, микропроколки и ножи использовали для изготовления одежды.

В. Н. ЛОГВИН
г. Кустана́й

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ХОЗЯЙСТВУ ТЕРСЕКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Основой экономики терсекского населения было кочевое скотоводство. Об этом свидетельствуют сезонный характер жилищ и поселений, большое, зачастую огромное, количество обнаруженных на них костей домашних животных (лошадь и крупный рогатый скот), резкое преобладание в мясном рационе обитателей терсекских поселений мяса домашних животных, практически полное отсутствие данных о занятии земледелием.

Исследования стоянки Каинды 3 (вскрыто 512 кв. м) позволили, на наш взгляд, выявить еще одну грань скотоводческого хозяйства терсекцев. Этот памятник имеет ряд признаков, отличающих его от изучавшихся нами ранее терсекских поселений, хотя по облику керамики и кремневого инвентаря он, без всякого сомнения, относится к терсекской культуре. Характер отличия позволяет, по нашему мнению, утверждать, что мы имеем дело с пастушеской стоянкой.

Стоянка расположена на правом берегу реки Каинды, одного из восточных притоков Каратурская. Первая надпойменная терраса обширна, достаточно четко выделена и имеет горизонтальную поверхность. Большая часть находок приурочена к уступу террасы, поверхность которого слегка наклонена к пойме. Переход над высотой от горизонтального участка в пределах раскопа (расстояние 20 м) составляет 1,2 м. Заложенная нами перпендикулярно линии уступа террасы траншея шириной 4 м, длиной 48 м показала, что с выходом на горизонтальную поверхность террасы культурный слой быстро исчезает. Остатки жилых или хозяйственных конструкций не обнаружены. Зафиксировано три зольника. Один из них размером 1,2×0,8 м, два других диаметром 0,45—0,55. Мощность золистых отложений 3—5 см. Все три зольника расположены на наклонном участке, в месте наибольшей концентрации находок. Зольники, видимо, фиксируют мест функционирования кострищ.

Возможность переотложения материалов, по нашему мнению, исключена. В пользу этого свидетельствуют горизонтальность поверхности террасы, горизонтальное расположение находок и зольники, которые явно не потревожены. Коллекция находок, исключая остеологическую ее часть, типична для памятников терсекской культуры. Кремневых находок около 2,5 тысячи, керамики 256 фрагментов, то есть соотношение керамики и кремневых находок примерно 1 : 10. Минимально выделено четыре сосуда (все данные по раскопу 1989 г.).

Остеологическая коллекция насчитывает около 4,5 тысяч определимых до вида костей. Состав костных остатков по видам животных также типичен для терсекских памятников. Домашние животные представлены крупным рогатым скотом и лошадью, среди диких доминируют сайга и кулан.

Вместе с тем, при сравнении остеологических коллекций стоянки Каинды 3 с коллекциями поселений Кожай 1, Кумкешу 1 и Соленое озеро 1 обнаруживаются существенные отличия в соотношении мясных домашних и диких животных.

На поселениях удельный вес мяса диких животных в мясном рационе их обитателей по нашим подсчетам составлял от 1,4 до 10,2%. Несколько иная картина на стоянке Каинды 3. Если мы суммируем количество костных остатков, ценных в смысле получения мяса животных (КРС, лошадь, кулан, сайга), то 71,8% их суммы составят кости диких животных. Если пересчитать на мясо, то получается, что в мясном рационе обитателей каиндинской стоянки 19,6% составляло мясо диких животных.

Таким образом, Каинды 3 дают нам ряд признаков, позволяющих интерпретировать ее как стоянку пастухов (отгон):

1. Отсутствие жилищ.
2. Малочисленность зольников и малая мощность их.
3. Малочисленность керамики при достаточно представительном наборе кремневых орудий.
4. Первые два признака в сочетании с наличием в остеологической коллекции остатков сугубо летних для данной местности видов животных и птиц предполагают обитание людей на стоянке лишь в теплый период года.

5. Первые три признака в своей совокупности заставляют предполагать большую вероятность того, что число обитателей стоянки было ограничено как в количественном, так и в половозрастном отношении. Дети на подобных стоянках могли, видимо, жить только с подросткового возраста, когда они в состоянии переносить условия такого «автономного» существования и выполнять определенные хозяйственные функции, чтобы не быть обузой для остальных обитателей. Естественно, возможность бытования на таких стоянках и в подобных условиях жен-

щин были также сильно ограничены. Возможность эта возникала лишь в определенные возрастные периоды, когда женщина не была связана исполнением функции матери и хозяйки. Таким образом, следует предполагать на стоянке Каинды 3 и подобных ей в основном мужское население.

6. Большой удельный вес костей диких животных в остеологической коллекции стоянки не может отрицать наш вывод о выпасе скота как основном роде занятий ее обитателей, хотя охота для них, безусловно, была весьма значима. Кочевники во все времена не упускали случая обеспечить себя пищей за счет охоты. Делалось это по целому ряду причин. Одной из них является стремление сохранить и умножить стадо домашних животных, поскольку оно было не только источником пищи, но и мериллом богатства и престижа.

Естественно, что на поселениях, где обитала основная масса населения, роль охоты в получении мясной пищи не могла быть большой, так как дикие животные вокруг поселений быстро уничтожались и распугивались. Возможности удовлетворения потребностей в мясной пище у обитателей отгонов были значительно богаче, что и проявлялось в особенностях остеологической коллекции стоянки Каинды 3. Интересно отметить, что, по наблюдениям Л. Л. Гайдученко, зафиксировано преобладание костей диких животных (сайги) в коллекциях, собранных с поверхности некоторых современных летних стоянок казахов.

7. Место расположения основной массы находок было удобно для пастухов. При положении сидя или лежа, эта позиция обеспечивала им укрытие от ветра. В положении стоя, обеспечивался хороший обзор как поймы, так и поверхности террасы.

В свете имеющихся сейчас материалов можно говорить о том, что терсекское население выпасало вокруг поселений только часть поголовья скота. Размеры этого стада определялись, видимо, потребностями в пище обитателей поселения и ресурсами прилегающих к нему пастбищ. Остальные животные выпасались на отгонах, расположенных, вероятно, достаточно далеко от поселка. Во всяком случае, настолько далеко, что возникала потребность забоя животных для питания пастухов на отгоне.

Е. Е. ТЕТЮХИН
г. Петропавловск

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «УТЮЖКАХ»

«Утюжки» встречаются на памятниках конца каменного века степной и лесостепной Евразии. Обычно это подовальные ка-

менные, реже керамические предметы длиной от 6 до 12 см и шириной от 4 до 6 см. Обязательный признак утюжка — поперечный желобок. Известны экземпляры с двумя желобками. Чаще всего поверхность «утюжков» орнаментирована. Средний вес предметов от 100 до 300 гр.

Учеными выдвинут ряд версий использования утюжков в утилитарной (С. А. Семенов; Д. Я. Телегин; А. П. Окладников) и мифологической (В. Ф. Зайберт) сферах.

1. Ботайские «утюжки» (32 экз.) представлены изделиями, выполненными в традиционной манере, удлинённо-овальной формы с дугообразным профилем, поперечным желобком, с тщательно обработанной поверхностью, орнаментированные; изделиями, выполненными в грубой манере, шлифовка и орнамент отсутствуют; изделиями, выполненными на обломках других предметов или заготовках.

2. В ходе экспериментальных исследований отработаны варианты возможной последовательности технологических операций изготовления «утюжков». Создана эталонная коллекция, отражающая все этапы этого производства. Были проверены версии функционального применения этих предметов. Результаты позволяют предполагать о возможном применении некоторых типов утюжков, как утяжелителей копьеметалок.

3. Трасологическое изучение макро- и микро- следов на поверхности желобка показало, что следы в виде продольных царапин образовались при изготовлении предметов, а следы заполированности приобретались во время их пользования.

4. Аналогичные изделия известны в этнографической литературе на территориях, отдаленных от Евразии. В этих материалах имеются указания на копьеметалки — «атлатли», как эффективное оружие в охоте на крупных животных, подробное описание конструкции «атлатля», где отмечается наличие утяжелителя. Кроме того, американскими учеными проводились эксперименты, которые показали, что «утяжелители мало влияют на длительность броска и скорость полета снаряда, в то же время существенно увеличивают его скорость». Даже лук, превосходивший «атлатль» в точности и дальности полета снаряда, значительно уступал ему в убийной силе.

5. Необходимость появления оружия с такими качествами возникает при охоте на крупных животных, преобладание которых связано с изменением климатических условий в III тыс. до н. э. в степной Евразии.

ВОРОТНИЧКОВАЯ КЕРАМИКА В КУСТАНАЙСКОМ ПРИТОБОЛЬЕ

Летом 1990 года в отдел охраны памятников Кустанайского областного историко-краеведческого музея поступило сообщение от теплотехника совхоза Целинный Семхозерного района Кучера В. В. об обнажившихся, в результате эрозии почвы, археологических материалах. Информация была передана Кустанайской новостроечной археологической экспедиции.

Памятник располагается в 12 км к юго-западу от п. Шобанколь, центральной усадьбы совхоза Целинный, в живописной местности. Дюны и котловины выдувания примыкают к борту древнего, ныне высохшего озера в основном с северо-запада. Юго-западный и западный берега занимает осиново-березовая роща. Урочище, носящее имя Белкарагай, длительное время использовалось в качестве места содержания скота, что и позволило развиваться дефляционным процессам. Глубина выдувов достигает полутора метров.

Эрозия затронула территорию около 40 га, обнажив значительные участки культурного слоя существовавших здесь некогда стоянок от эпохи мезолита до раннего железного века. Собственно, материалы последней эпохи и привлекли внимание местного населения. Нам были переданы остатки керамического сосуда и наконечники стрел скифского типа, показано их местонахождение. К сожалению, от захоронения практически ничего не осталось. Детали погребения, зафиксированные нами, позволили приблизительно установить, что оно было ориентировано по оси восток-юго-восток. При погребенном был колчан с тридцатью стрелами.

При обследовании выдувов были выявлены остатки еще нескольких погребений, не содержащих инвентаря, скопления кремня и керамики. На территории памятника, названного нами Белкарагай, в разных местах было зафиксировано семь развалов керамических сосудов эпохи неолита и энеолита. Развалы располагались компактными скоплениями фрагментов керамики, преимущественно незначительных по размерам. Этот факт и затянул реставрационные работы. Удалось полностью представить форму трех сосудов: одного — маханджарского типа; одного, небольшого по размерам (высота — 93 мм), — терсекского типа; третий сосуд не имеет аналогий в регионе — воротничкового типа.

Сосуд, закрытой формы, приземистый, высотой около 37 см, собран приблизительно наполовину из 342 фрагментов (реставратор Зайцев А. В.) Наиболее широкая часть расположена выше середины, наибольший диаметр — 32 см. Дно округло-конической формы. Край сосуда слегка отогнут наружу, на короткой

шейке сформован невысокий воротничок, треугольный в сечений. Диаметр по венчику 25 см. Техника лепки сосуда — ленточная, внутренняя поверхность сосуда тщательно заглажена зубчатым штампом, ширина зубца 2 мм. Формовочная масса содержит шмот, дресву и тальк. Черпак средней плотности, толщиной 5—10 мм.

Зональный орнамент, выполненный крупным наколом и гребенчатым штампом, покрывает всю поверхность сосуда. На сосуда пять горизонтальных зон, не считая дна и шейки. Подпрямоугольный накол использован для выделения композиционных элементов орнамента, а гребенчатый штамп — для их заполнения. Композиционные элементы состоят из ромбов, кругов, всяких треугольников, горизонтальных прямых и ломаных линий, лент.

Верхнее плечо воротничка орнаментировано гребенчатым штампом. Ломаные линии, выполненные им, образуют небольшие треугольники, основанием которых служит ребро воротничка. Основание шейки подчеркнуто двумя горизонтальными линиями, выполненными зубчатым штампом, замыкает пояс линия оттисков, выполненная наколом. Выделенное пространство нижнего плечика заполнено вертикальными оттисками гребенчатого штампа.

Первая, вторая и четвертая (сверху) зоны заполнены ромбами, упирающимися тупыми углами в разделительные линии оттисков, которые выполнены наколами и гребенчатым штампом. Третья зона заполнена ромбами и кругами. Последние заштрихованы горизонтальными оттисками гребенчатого штампа. Количество кругов и ромбов одинаковое, они размещены двумя группами по шесть элементов. Ромбы заштрихованы вертикальными рядами и горизонтальными линиями оттисков гребенчатого штампа: в первой зоне середина ромбов заполнена 3—4 рядами оттисков, во второй зоне вертикальных рядов — по три, в третьей и четвертой — по два. Оставшееся пространство заполнено горизонтальными оттисками.

В пятой, придонной зоне, внутри большого ромба расположен маленький, заштрихованный горизонтальными линиями оттисков гребенчатого штампа. Кроме того, в придонной зоне имеются ромбы, упирающиеся острыми углами в разделительные линии. Эти ромбы заполнены только горизонтальными линиями оттисков зубчатого штампа. Днище украшено изогнутыми лентами, заполненными оттисками того же штампа.

Внутренняя часть шейки сосуда украшена всяческими треугольниками, контуры которых очерчены наколами. Треугольники заполнены горизонтальными или слегка наклонными оттисками гребенчатого штампа.

К сожалению, связать описанный выше сосуд с каким-либо типом кремневого инвентаря в настоящее время не представляется возможным. В относительной хронологии керамика этого типа, предварительно названная нами «керамикой шобанкольского типа», очевидно, займет место между маханджарскими и терсекскими комплексами Кустанайского Притоболья. Возможно, она будет располагаться в хронологической шкале выше пласта памятников типа боборыкинских. В более узком плане, воротничковая керамика Кустанайского Притоболья, вероятно, может быть размещена в историко-культурном горизонте вместе с памятниками Прикаспийского типа.

В. В. ХУДЯКОВ
г. Петропавловск

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЛЕМЕН КАЗАХСТАНСКОГО И УРАЛО-ПОВОЛЖСКОГО РЕГИОНОВ

В историографии проблема взаимодействия энеолитических племен Евразии не нова. Уже в 20-е годы нашего столетия встал вопрос о причинах типологической близости керамики и инвентаря памятников ямного круга и материалов могильников афанасьевского типа.

Возникли противоречивые точки зрения миграционного и конвергентного характера. Кроме того, антропологи (Г. Ф. Дебец и др.) видели схожесть в антропологическом типе носителей афанасьевских и ямных памятников. Между тем, решение проблемы осложнялось тем, что эти два культурных ареала разделялись огромными пространствами, либо слабо изученными, либо являющимися «белыми пятнами».

В 40—50-е гг, благодаря работам М. П. Грязнова, С. С. Черникова, А. А. Формозова, К. В. Сальникова и др. исследователей, на реках Иртыше, Тоболе и Урале были открыты и исследованы стационарные поселения и небольшие стоянки добронзового времени. Позитивные моменты этих исследований заключались в том, что они позволили надеяться на перспективность исследования слабо изученных территорий, лежавших между ямно-афанасьевскими культурами.

Данная проблема актуальна и потому, что эта промежуточная территория разделяет два древних историко-культурных региона, носители которых делились на две крупные ветви: монголоидов и европеоидов.

В 70—80-е годы XX в. исследованиями ряда академических

экспедиций Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска был полученными данными о проникновении в Центральную Азию европеоидного населения.

По мнению Н. Я. Мерперта, степь в рассматриваемый нами период из фактора, разделяющего народы, превратилась в фактор, объединяющий, обусловивший создание огромных культурных общностей.

В период становления и развития производящего хозяйства резко усилилась специализация каждой отрасли, особенно скотоводства. Освоение бескрайних степных пастбищ и переход к подвижным формам открыли перед скотоводством перспективы быстрого развития. Территориальный, экономический и социальный факторы обусловили культурную интеграцию и взаимодействие энеолитических племен в Урало-Поволжском и Казахстане регионах.

Сегодня следует признать факт более или менее устойчивых связей между энеолитическими племенами в данном регионе. О характере, взаимовлиянии и специфике этих связей, конечно, можно спорить, так специалисты, исследующие Поволжье, И. Б. Васильев и И. В. Моргунова пришли к мнению, что вопрос о появлении памятников этого типа следует решать в плане сложения их на местной основе самарской культуры при определенных, видимо, усилившихся в позднем энеолите взаимодействиях с населением более восточных районов Южного Урала и Северного Казахстана.

Г. Н. Матюшин при характеристике границ суртандинской культуры пишет: «...труднее/проследить восточные и южные границы распространения суртандинской культуры. Видимо, на юго-востоке границы суртандинской культуры не выходят за пределы Тобола, однако отдельные элементы «сотового» орнамента встречаются в материалах исследований Т. М. Потемкиной на р. Тобол и далее в Северном Казахстане, где недавно В. Ф. Зайберт открыл типично суртандинское поселение Ботай. Сходные элементы в казахстанских памятниках — результат контактов с суртандинскими племенами».

В 80-е годы была открыта новая страница в археологии Казахстана в связи с открытием и исследованием пос. Ботай и памятников ботайской культуры. Культура древних коневодов датируется концом IV—III тыс. до н. э. Занимая территорию от р. Урал до р. Иртыш, видоизменяясь и трансформируясь в крайних точках своего распространения, носители ботайской культуры испытывали непосредственное взаимодействие с энеолитическими племенами. Так или иначе все исследователи, занимающиеся историей Урало-Поволжского и Казахстанского регионов,

сходятся в одном; в энеолите, в рассматриваемый период четко прослеживаются культурные связи между древним населением

Мне видится, что ключ к решению данной проблемы находится в древнейших исследованиях промежуточных регионов и прежде всего р. Урал и его притоков, Притоболья и Западного Казахстана. Более или менее детальное изучение этих регионов позволит сколько-нибудь определенно говорить о тех связях, которые существовали между энеолитическими племенами в степном регионе Евразии.

Сегодня же возможна постановка следующих задач в контексте рассматриваемой нами проблемы:

- 1) выявление динамики взаимодействия: путей, этапов;
- 2) соотношение этнических и антропологических компонентов;
- 3) роль южного компонента (носителей кельтеминарской культуры);
- 4) роль лесостепных носителей (боборыкинский культурный пласт);
- 5) длительность процесса взаимодействий между племенами;
- 6) причины перехода от культур энеолита к культурам бронзы;
- 7) диалектика процесса взаимодействия (прогрессивные регрессивные влияния);
- 8) реконструкция образа жизни в процессе взаимодействий
- 9) пути миграций и трансформаций.

К. М. КАРАБАСПАКОВА
г. Караганда

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ СЕМИРЕЧЕНСКОГО ОЧАГА МЕТАЛЛООБРАБОТКИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Значительную роль в формировании культуры играют ее взаимодействия с носителями иных культурных традиций. Одним из основных методов определения силы, направленности и характера этих влияний является метод аналогий, который также важен для выяснения хронологической позиции памятника. Наиболее ярко спонтанная трансформация культуры и ее внешние контакты объективизируются в формах орудий труда и оружия, поэтому важное значение в археологических исследованиях занимает их сравнительно-типологический анализ.

В Семиречье большая часть металлических предметов были обнаружены в составе кладов или относятся к отдельным случайным находкам.

В основу предлагаемой схемы типологического анализа материалов, выявления круга аналогий и их картографирования легли наиболее дифференцирующие признаки. Всего выделено 53 конечных типологических разряда (КТР).

Картографирование позволило уточнить ареал распространения предметов, определить районы их наибольшей концентрации и выяснить культурную принадлежность. В результате все изделия распределяются по 3-м группам:

1. Предметы, имеющие широкий географический диапазон: ножи, кинжалы с кольцевым упором, наконечники копий черешковые листовидные и втульчатые с прорезью, наконечники стрел, втоки, ножи однолезвийные без выделенной рукоятки, плоские тесла, втульчатые долота и тесла, серпы-косари сосново-мазинского типа, бритвы, кельты одно- и двушковые, конические подвески, браслеты округлые в сечении. К этой же группе можно отнести бронзовый клепаный котел из Андреевского клада.

Предметы этой группы в основном связаны с культурами великой керамики (КВК) и на территории Казахстана встречаются в саргаринско-алексеевских комплексах эпохи поздней бронзы. Однако, часть вещей относятся к сквозным типам (в географическом, хронологическом и культурном планах).

2. Предметы, характерные для восточной зоны Евразийской металлургической провинции (Казахстан, Средняя Азия, Алтай, Западная и Южная Сибирь), — некоторые типы вислобушных топоров, тесла с уступом, ножи с обособленной рукоятью, ножи

листовидные с ромбическим перекрестком, кинжалы с шипами и кнопочным навершием, серпы с закраинами, цедилки, зеркала, стержни со шляпками, ложечковидные пряжки, кельты-лопатки, серьги с раструбом, выпукловогнутые бляшки и браслеты, бусы, кольца.

Датировка и генезис этих изделий различны. Большая часть предметов связана своим происхождением с деятельностью казахстанского металлургического центра и датируются эпохой поздней бронзы. Некоторые из них появляются в конце эпохи бронзы и продолжают бытовать в раннем железном веке, это предметы конской упряжки (ложечковидные пряжки, кольца, бляшки с петельками и стерженьками), цедилки, стержни со шляпками. Отдельные категории трудно идентифицировать с какой-либо культурой. Так, например, бляшки и браслеты выпукловогнутые характерны как для алакульских, так и для федоровских памятников.

3. Предметы, характерные для семиреченского очага: серпы с закраинами и черешком, молотки кельтообразные, кинжалы и серьги с фигурными навершиями в виде лошадей, секира. Все эти изделия являются продуктом творчества местных металлургов.

Выявленный круг аналогий свидетельствует о сложном процессе становления семиреченского очага. Первоначальный импульс, вероятно, был связан с возникновением сеймино-турбинского очага металлообработки, исходной базой для которого являлся регион Алтая и Семиречья. С сеймино-турбинскими традициями связано происхождение отдельных типов предметов: кельтов-лопаток, втульчатых долот и способ украшения изделий в виде фигурок лошадей, последние получили распространение и развитие в Семиречье.

Дальнейшая деятельность местного очага была обусловлена влиянием федоровской металлообработки. Это воздействие проявилось особенно в эпоху поздней бронзы в распространении традиционных форм, присущих федоровским племенем Восточного Казахстана, Алтая и Южной Сибири, вислообушных топоров с валиком вокруг втулки, серпов с закраинами, ножей с перекрестием, серег с раструбом. В результате их модификации появились новые типы изделий: серпы с закраинами и черешком, вислообушные топоры с гребнем.

Восточная линия воздействия сказалась также в проникновении отдельных карасукских стереотипов — ножей с кольцевым навершием, кинжалов с намечающимися шипами на перекрестии, маленьких клиновидных кельтов.

С продвижением в Семиречье в эпоху поздней бронзы племен из Центрального Казахстана — носителей культур валиковой

саргаринско-алексеевской) и бегазы-дандыбаевской керамики связан новый этап в развитии местного очага. В этот период семиреченская металлообработка достигает своего расцвета, о чем свидетельствует большое количество кладов и разнообразие предметов, входящих в них.

В последние годы все семиреченские клады датируются II—IX вв. до н. э. Однако остается открытой проблема более точной датировки кладов в этих временных пределах. На более молодой возраст Садового, Сукулукского I и Андреевского кладов указывает наличие таких категорий предметов, которые появляются в конце эпохи бронзы и существуют в раннем железном веке: зеркала с выступающей ручкой, элементы конской упряжи, стержни со шляпкой, цедилки.

Эта датировка подтверждается нахождением аналогичных зеркал в комплексе с трехдырчатыми псалмами в некрополе теппе — Сиалка в Иране, относящемуся к X—IX, (VIII) вв. до н. э. Вероятная дата вышеуказанных кладов X—IX (VIII) вв. до н. э.

Бронзолитейное производство в Семиречье основывалось не только на привозном сырье, поступавшем из Центрального и Восточного Казахстана, но использовалась и местная рудная база. О существовании семиреченского металлургического очага свидетельствуют в юго-западной части Зайилийского Алатау (Чатыркуль, Кендыктас), в Чу-Илийских горах, в Джугарском Алатау и в районах хребта Кетмень. Добыча кассерита производилась на северо-востоке Киргизии в районе Джаза и Чаткала.

А. А. ТКАЧЕВ
г. Караганда

К ПРОБЛЕМЕ МИГРАЦИЙ В АНДРОНОВСКУЮ ЭПОХУ

В последние десятилетия широкими исследованиями в степных районах Центрального и Северного Казахстана выявлены многочисленные поселенческие и погребальные комплексы средней бронзы андроновской культурно-исторической общности. На северных склонах Казахского мелкосопочника изучено несколько могильников, отличающихся от классических памятников фedorовского типа. Могильники Балыкты и Звенигородка раскопаны на водоразделе Иртыша и Ишима на небольшой степной речке. Полученные материалы близки между собой по особенностям погребального обряда, вещевому и керамическому комплексу, что позволило объединить их в балыктинскую группу, названную по наиболее изученному памятнику.

Материалы, близкие памятникам балыктинской группы, изучены в Павлодарском Прииртышье на могильнике Мичурино I, расположенном в 20 км к северу от г. Павлодара на небольшом всхолмлении первой надпойменной террасы правого берега р. Иртыш. Исследовано 26 погребений в грунтовых ямах прямоугольной формы с сильно закругленными углами, ориентированных СВ-ЮЗ (15) и З-В (10), одно СЗ-ЮВ. Захоронения совершены по способу труположения и только в одном случае ингумация сочетается с кремацией. Костяки лежали скорченно, на левом боку с ориентировкой на юго-запад и запад. Покойных сопровождало от 1 до 6 сосудов, оружие, украшения. На уровне древней поверхности обнаружены жертвенные комплексы.

Вещевой инвентарь достаточно характерен: нож срубно-андоновского типа, два ножа-кинжала с выемчатыми рукоятками, оканчивающиеся округлыми навершиями. Среди украшений бронзовая гривна, перстни со спиралевидными щитками, кольца, серьги, подвески в полтора оборота, браслеты с коническими спиралями на концах, бронзовые и пластовые бусы.

Керамический комплекс могильника Мичурино I включает 46 сосудов, изготовленных очень тщательно, с хорошим обжигом. Более половины из них горшки со слегка отогнутой наружу шейкой и плавным профилем, третью часть составляют банки с округлым плечом. Единичные горшки, имеющие слегка намеченный уступчик. Остальные сосуды — вытянутых горшечно-баночных форм. Орнамент наносился с учетом зональности, мелкогребенчатым штампом, реже — резной техникой, в виде геометрических композиций.

Несмотря на территориальное удаление, памятники балыктинской группы и могильник Мичурино I сближают многие черты:

- погребения совершены в прямоугольных ямах с сильно закругленными углами, с преобладающей ориентировкой СВ-ЮЗ и З-В;

- единичность в обряде кремации и господство ингумации, скорченно на левом боку головой на юго-запад и запад;

- единичность лощения поверхности сосудов и преобладание в керамических комплексах посуды нарядно, орнаментированной мелкогребенчатым штампом, отделением зон орнаментации шейки и тулова желобком;

- господство геометрических узоров, среди которых единичны «косые» треугольники, причем последние украшают чаще всего тулово и придонную часть сосудов;

- присутствие в памятниках отдельных могил или сооружений, содержащих посуду с плавным и ребристым или уступча-

тым профилем, свидетельствующих о контактах с раннеалакульским населением Центрального Казахстана;

— сходство материальной культуры (орудие, орудия труда, украшения).

Материалы могильника Мичурино I отражают характерные черты канайского этапа (С. С. Черников), складывающегося на основе гребенчатой традиции, бытовавшей в среде восточно-казахстанских племен в начале II тыс. до н. э. В конце канайского этапа, по нашему мнению, начинается миграция из Прииртышья канайского (раннефедоровского) населения. Одним из направлений этого переселения было юго-западное, по северным склонам Казахского мелкосопочника, на территорию Центрального Казахстана, где они контактируют с местными раннеалакульскими племенами, что нашло отражение в материалах могильников балыктинской группы. Другим направлением была миграция на территории Северного Казахстана и Зауралья, где близкая керамика встречена на поселении Бишкуль IV (Петропавловское Приишимье) и в Лесаковском могильнике (Кустанайское Притоболье). Во всех погребальных памятниках этого круга, несмотря на широкомасштабные раскопки, не встречены серьги с раструбом, считающиеся характерным этнографическим признаком федоровцев), появление их относят к XIV в. до н. э. (Н. А. Аванесова). Отсутствие этого типа украшений в памятниках балыктинской группы указывает на достаточно раннюю дату первой миграционной волны раннефедоровских племен, вероятно, во второй половине XVI в. до н. э. Данный тип украшений неизвестен и в федоровских памятниках Зауралья. Раннефедоровское население в Зауралье, оторвавшись от своей прародины, начало самостоятельное развитие без взаимных контактов с восточно-казахстанскими андроновскими племенами. Серьги с раструбом появляются в памятниках Восточного Казахстана на мало-красноярском этапе. Они, вероятно, маркируют вторую миграционную волну восточного населения на север, юг, запад и восток на рубеже XV—XIV вв. до н. э. Косвенным подтверждением Прииртышской прародины федоровских племен является находка обломка плоского топора-пальстава в федоровской землянке поселения Икпень I (среднее течение р. Нуры), который считается характерным для Восточного Казахстана и не встречается на других территориях (М. П. Грязнов).

Памятники балыктинской группы складываются в середине II тыс. до н. э. в результате первой миграционной волны восточно-казахстанского населения на запад и юго-запад, в процессе контактов с местными раннеалакульскими племенами Северного и Центрального Казахстана.

ОБРЯД ВТОРИЧНОГО ПОГРЕБЕНИЯ В АНДРОНОВСКОМ РИТУАЛЕ

(по материалам могильника Лисаковский)

В археологических знаниях о погребальном обряде племен андроновской культурно-исторической общности утвердилось мнение о двух традиционных способах обращения с умершим: кремация и ингумация (положение костяка на левом или правом боку). Однако, исследования новых памятников позволяют выявить неизвестные элементы, казалось бы, уже хорошо знакомого по артефактам андроновского погребального обряда. На могильнике Лисаковский (Кустанайской обл., г. Лисаковск) в ходе раскопок обнаружено уникальное алакульское погребение, датируемое, как все остальные погребения некрополя, XV—XIV вв. до н. э. (раскоп VIII, ограда 1, могильная яма 4). Погребение совершено следующим образом: первоначально была разобрана одна сторона ограды, затем сооружена грунтовая камера, в плане прямоугольной формы, размерами 150×80 см, глубиной 70 см, ориентированная по линии СВ-ЮЗ. На дне камеры, вдоль юго-западной стенки стояло два сосуда, в одном из них кость коровы, в другом бараний альчик и ракушка. По центру дна камеры находилось скопление человеческих костей, принадлежавших девушке 13—16 лет. Череп лежал на правой височной кости. Позвоночный столб вместе с крестцом находились в анатомическом порядке. С левой стороны их располагались сложенные вместе кости верхних и нижних конечностей: бедренные, берцовые кости и кости рук. Ребра разбросаны. Таз разломан на две части. Рядом с ним лежали *in situ* кости стоп. На костях рук сохранилось по одному браслету, на фаланге пальца — перстень со спиралевидным навершием. Вдоль костей конечностей зафиксирован накосник в виде рядов бронзовых обойм, которые заканчиваются двумя листовидными подвесками. По-видимости, накосник крепился к шапочке (налобному венчику?), декорированной ребристыми пропизками и ракушками. Скопление костей с украшениями может трактоваться как вторичное, преднамеренное захоронение костей. Их компактное расположение указывает на возможное существование оболочки (мешка?), в которой находились кости погребенной. Скорее всего, тело умершей некоторое время не подвергалось захоронению по каким-либо причинам и было предано земле только после частичного разрушения связок. Вторичное погребение состояло из двух этапов:

1) нахождение умершего какое-то время на воздухе;

2) захоронение останков после «скелетирования» тела (Ю. Ю. Пиотровский, 1988).

Для андроновского погребального обряда тип погребения отмечен впервые. А между тем, такое действие по отношению к умершему довольно широко распространено в ритуальной практике многих народов, как по горизонтальному, так и по вертикальному срезу культур. Его можно назвать своеобразным архетипом поведения в погребальном обряде. Вторичный обряд захоронения зафиксирован для неолитических культур Востока (натуфийская, хассунская, холавская культуры); расчлененные погребения в урнах на территории Мохенджо-Доро и Хараппы. Известны такие погребения в катакомбных и срубных памятниках эпохи бронзы, в дольменах Северного Кавказа. Отмечен он и в памятниках тагарской и таштыкской культур. Следует отметить, что этот обряд в ритуальном поведении не является господствующим. Его можно отнести к разряду экстраординарных, и он сосуществует вместе с другими способами обращения с умершим. Этнографические материалы подтверждают археологические наблюдения. Как любые культурологические аналогии из области «живой культуры», они дают более четкие объяснения самому факту вторичного захоронения.

Так, например, у абхазцев, людей, убитых молнией, первоначально выставляли на подмости и только потом хоронили (Инал-Ипа Ш. Д., 1965). У якутов дифференциация по отношению к умершему зависела от времени смерти. Умерших зимой хоронили весной, кости при этом хранились в шкуре до весны в юрте (Алексеев Н. А., 1980).

В нашем случае трудно указать первоначальную причину вторичного способа погребения. Из 100 исследованных погребений могильника захоронение такого рода единственное. Оно впускное, что хорошо фиксируется стратиграфически. Может быть, как раз это факт указывает на зависимость данного погребения от времени смерти умершей и сезонных обрядов, связанных с погребальным.

А. М. КИСЛЕНКО
г. Петропавловск

МОГИЛЬНИК ЧАЙКА

Одним из разведочных отрядов Северо-Казахстанской археологической экспедиции проводилось обследование территории Балкашинского района на предмет выявления и учета археологи-

ческих памятников. На одном из правобережных притоков верхнего течения р. Ишима был обследован могильник Чайка, выявленный СКАЭ в 70-е гг. (А. А. Плешаков, СКАЭ, 1972, с. 86).

Могильник расположен в 1,5 км к северо-востоку от с. Владимировка вдоль берега р. Жабай, у подножия сопочной гряды. Площадь памятника 40 тыс. кв. м. Полосой до 100 м и на длину 560 м тянется цепь из 172-х земляных насыпей, диаметром от 5 до 18 м и высотой от 0,1 до 1,0 м. Вершины крупных курганов уплощенные. Вокруг многих конструкций видны оградки из вертикально поставленных сланцевых плит, некоторые оконтурены легкими ровиками. Расстояние между насыпями 2 и 6 м.

В южной части могильника с береговой стороны вскрыта и расчищена одна из оградок с небольшой насыпью (4,2×4,6 м и высотой до 30 см). Под ней в супесчанном грунте расчищена яма подпрямоугольной формы (1,10×1,70 м) глубиной до 50 см от уровня погребенной почвы. На дне ямы лежал костяк в очень плохом состоянии: почти все его кости истлели или растащены грызунами. По немногочисленным остаткам можно судить, что погребенный лежал на левом боку, головой на северо-восток с согнутыми коленями и руками.

Из северном краю ямы расчищен развал плоскодонного сосуда горшечной формы с уступчиком, четко отделяющим шейку от тулова. Высота сосуда 26 см, диаметр венчика — 29 см, днуща — 17 см. Сосуд украшен по шейке, верхней части тулова и придонной части рядами крупных заштрихованных прямоугольников, желобками и канеллюрами. Орнамент нанесен гребенчатым штампом. На одном из фрагментов шейки сохранилась бронзовая скрепка.

Данный могильник, судя по положению погребальных остатков, конструкции кургана, характеру могильника и облику оставленной посуды, мог быть оставлен в бронзовом веке раннеалакульскими племенами. В это время продолжается продвижение андроновского населения из Приишмья на восток до Иртыша и юг до контакта с племенами Средней Азии. Это связано с активным освоением медных месторождений Казахстана, в первую очередь, рудных тел, выходящих на поверхность.

Не исключено, что поблизости от могильника Чайка была также расположена выработка. Об этом свидетельствуют данные архива института геологических наук АН Казахстана, упомянутые в археологической карте Казахстана (№ 1001). При последнем обследовании в четырех километрах к северу от могильника на склонах распадка между сопок были обнаружены многочисленные кратеры и разломы обнажений рудных пород. На дне в размывах распадка фиксировался довольно мощный зольник.

Других культурных остатков здесь обнаружить не удалось.

Поэтому одной из ближайших задач археологов является тщательное изучение данного могильного поля и поиск поселения, связанного с ним.

С. С. КАЛИЕВА,
Г. В. КОЛБИН,
В. Н. ЛОГВИН
г. Кустанай

МОГИЛЬНИК У ПОСЕЛЕНИЯ БЕСТАМАК

Памятник находится в верховьях реки Убаган, на правом берегу первого притока, известного у местных жителей под названием Буруктал, у северо-восточной окраины поселения Бестамак. Последнее изучалось нами в начале 80-х годов и дало весь спектр материалов от неолита до поздней бронзы. Могильник занимает наиболее высокую позицию на прилегающей к поселению местности. Во время раскопок поселения Бестамак поверхность могильника была хорошо задернована. Внешние признаки его отсутствовали. Позднее, в результате перевыпаса, почвенный слой на могильнике стал интенсивно разрушаться. К 1990 году на могильнике уже была котловина размером 250×60 м, глубиной до 1 м. Все погребения в пределах котловины выдувания были в той или иной степени разрушены (в основном верхняя часть могильных ям). Некоторые сосуды уже распались на мелкие фрагменты.

В этих условиях раскоп площадью 4224 кв. м был приурочен к наиболее разрушенной части могильника. По всей площади раскопа была проведена зачистка, в результате которой было выявлено и вскрыто 27 ям. Одно погребение алакульское, одно, видимо, федоровское; одно может быть отнесено к эпохе поздней бронзы. Основная масса погребений новокумакско-петровского времени и облика. Следует отметить, что поздние погребения были размещены между петровскими, вероятно, в момент их сооружения, петровский могильник осознавался как таковой. Судя по зафиксированному нами алакульскому погребению, они совершались на меньшую глубину, чем петровские. Следовательно можно предполагать, что часть алакульских погребений уничтожена полностью. На небольшой глубине совершенно также погребение эпохи поздней бронзы.

Погребение поздней бронзы одиночное. Обнаружен костяк в скорченном положении на правом боку, головой на юг с небольшим отклонением. У черепа развал сосуда. Других вещей нет. В алакульском погребении найдено три сосуда и челове-

ские зубы. Костяк не сохранился. Судя по расположению зубов и сосудов, можно предполагать юго-восточную ориентировку. В федоровском (?) погребении обнаружен один сосуд и зуб человека. Других находок нет.

Погребения петровского времени довольно разнообразны. Объединяет их скорченное положение костяков и ориентировка по западным румбам. Многие погребения совершены в деревянных коробах. Часто поверх погребенных расчищали пару лошадей. Среди находок обычны: ножи, плоские топоры, каменные наконечники стрел. Найдены также дисковидные и щитковые пса-лии, втульчатый боевой топор. В коллекции керамики высок удельный вес остросереберных сосудов, господствует резная орнаментация. Есть сосуды с шишечками.

Одним из наиболее интересных является погребение № 5. После зачистки поверхности оно выглядело как пятно подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами, ориентированное по линии запад-восток с небольшим отклонением. Длина могильной ямы на современной дневной поверхности равна 3,75 м, ширина 2,35 м, глубина 1,4 м. В юго-восточном углу могильной ямы зафиксирован выступ длиной 0,8 м, шириной 0,5—0,6 м, глубиной до 0,5 м от уровня зачистки.

В восточной половине могильной ямы при вскрытии были обнаружены три конских костяка, расположенных в стоячем положении вдоль северной, восточной и южной стенок. Черепа их, к сожалению, разрушились. Все остальные кости сохранились. У северного костяка все кости расположены в анатомическом порядке. У восточного костяка задние конечности в сочленении были отчленены от тазовых костей и помещены рядом с передними конечностями. У южного костяка кости задних конечностей (от голени и ниже) были отчленены от бедренных костей и поставлены перед передними конечностями этой же лошади. В юго-западном углу могильной ямы от поверхности до глубины 0,2—0,3 м зафиксированы две задних ноги взрослой лошади и одна конечность жеребенка в возрасте 7—10 месяцев. Положение их наклонно-вертикальное. Под ними на глубине 0,2—0,4 м расположены две передние ноги овцы (от локтевой кости и ниже). Кости расположены также в анатомическом порядке.

В центре западной половины могильной ямы на глубине 1,0 м найден костяк свиньи, ориентированный головой на северо-запад. Под костяком свиньи найдено парное захоронение, судя по всему мужчины и женщины. Погребенные лежали в скорченном положении, мужской костяк на левом, а женский на правом боку. головой ориентированы на запад с небольшим отклонением к северу. Вокруг черепов было размещено восемь сосудов. Найдено два бронзовых ножа. Один, большой, срубно-андропов-

ского типа был найден в сосуде, стоявшем в изголовье мужчины. Маленький листовидный нож найден за спиной женщины у развала маленького сосуда. Непосредственно у теменной кости женщины лежал плоский поперечно-левоий топор (обычно определяемый как тесло). Кроме того, в изголовье женщины, между развалами двух сосудов, найдено 10 ремневых наконечников. У кистевого изгиба левой руки мужчины (кость расположена под его головой) обнаружена каменная крестовидная булава. На руках женщины зафиксированы браслеты, у черепа — две подвески в полтора оборота и наконечник.

Особо, видимо, следует отметить также яму № 3, представляющую собой захоронение двух овец. Костяки лежали на правом боку, головой на северо-запад. У черепа одной из овец поставлен сосуд.

В целом комплекс находок, полученных в погребениях петровского типа, обнаруживает целый ряд признаков, достаточно специфичных для этого круга памятников.

В. В. ВАРФОЛОМЕЕВ
г. Караганда

КЕНТ КАК ПОСЕЛЕНИЕ ГОРОДСКОГО ТИПА

В эпоху поздней бронзы на большей части Казахстана, в Южном Зауралье и Алтайском Прииртышье распространилась культура валиковой керамики (КВК), для обозначения отдельных географических регионов которой были предложены термины замараевская культура, алексеевская, саргаринская (алексеевско-саргаринская), бегазы-дандыбаевская, замараево-бегазинская культура, памятники типа Малокрасноярки и Трушниково. Отсутствие принципиальных различий в материальной культуре носителей КВК позволяет объединить весь зауральский степной и лесостепной массив КВК под общим наименованием дандыбай-саргаринская культура. Эта культура занимала восточную периферию общности культур валиковой керамики (ОКВК). В Сары-Арке фиксируются три фазы развития культуры. Первая фаза — ранний (переходный) этап, представленный керамикой, сочетающей федоровско-бишкульские и саргаринские признаки. Посуда этого облика известна на поселениях Кент (ранний слой), Мыржик, Павловка в Казахстане и Калиновка 2 в Кулунде и демонстрирует происхождение дандыбай-саргаринской валиковой посуды от федоровской основы. Вторая фаза — кентский этап, наиболее полно изученный по материалам поселений Саргары,

Алексеевка, Кент, Атасу, Бугулы 2, Мыржик и др. Могильники этого типа открыты только в Сары-Арке — Дандыбай, Бегазы, Бугулы 2, Айдарлы, Саргары, Сангру 1, 3, Донгал, Актопрак, Енбек-Суйгуш и др. Валиковый керамический комплекс дополняется компонентом импортного происхождения и его репликами (бегазинская посуда). Третья фаза — донгальский этап — документируется валиковой керамикой донгальского типа, известной на поселениях Донгал, Кент (поздний слой), Тагибай-Булак, Джасыбай 1. Широкая дата дандыбай-саргаринской культуры — XIII—IX вв. до н. э.

Среди известных в настоящее время дандыбай-саргаринских поселений выделяется Кент. По ряду признаков он напоминает древне-земледельческий город. Зарубежные и отечественные исследователи генезиса и развития древнего города (Г. Чайлд, Р. Адамс, В. М. Массон, Э. В. Сайко, Л. Б. Кирчо, А. А. Аскаров, Ю. А. Заднепровский и др.) выделили ряд признаков формирующегося и раннего города. Городской статус поселений может быть определен по комплексу признаков: 1 — площадь не менее 15 га; 2 — численность населения не менее 5000 жителей; 3 — монументальная архитектура, и, как правило, фортификационные сооружения; (4 — сельскохозяйственная округа; 5 — ремесленное производство; 6 — торговля и обмен; 7 — социальная стратификация общества.

Поселение Кент расположено на берегах небольшой речки Кызылкенш в Кентских горах на востоке Карагандинской области. Площадь, занятая остатками построек кентского этапа на правом берегу — 15 га, на левом — около 5 га, по замерам между крайними объектами более 30 га. На поверхности визуально фиксируются остатки более 100 построек (раскопано 8 жилищ). На отдельных участках правого берега прослеживается уличная планировка. Исходя из размеров поселения и количества жилищ, следует предполагать численность населения в 1000—2000 человек.

Помимо построек бытового назначения на Кенте частично исследована прямоугольная постройка размером 84×46 м, ориентированная длинными сторонами по линии СЗ-ЮВ. Вскрыто 1120 м² площади постройки. Стены постройки были сооружены из камня и к началу раскопок выглядели как развалы камней шириной от 1 до 2,5 м. Северо-западная часть постройки, стенками из плашмя уложенных или вертикальных плит, была разгорожена на четыре отсека. В одном из них (камера А) расчищено кольцо из 9 камней. Диаметр кольца — 1,25 м. Заполненное золистое. Внутри кольца, в яме, обнаружены остатки деревянного столба. К северу от кольца над слоем золы на площади около 1 м² обнаружено скопление обломков резных изделий из кости

и рога, детали металлической фурнитуры (обоймы, крючки, бляшки), глиняные бусины. Другие находки — шило, «хвостатый» нож, втульчатое тесло, наконечник стрелы, два роговых пса-
лия, терочная плита, обломки курантов — приурочены к камен-
ному кольцу. Керамика и кости животных малочислены и про-
исходят из северо-западной части сооружения. Поскольку ника-
ких доказательств использования постройки в качестве загона
для скота нет, допустимо предположение об ее общественном
назначении. На Кенте известно еще два подобных сооружения.

По берегам р. Кзылкенш на расстоянии от 2 до 5 км от Кен-
та расположен 7 одновременных ему поселений — Домалактас,
Акимбек, Байшура, Нарбас, Кзылтас, Кзылтас 1, насчиты-
вающие от 2 до 7 жилищных западин. Эти поселки, вероятно, слу-
жили местами зимнего содержания скота и составляли сельскую
округу Кента.

Ремесленный квартал на Кенте не выявлен, но обращает на
себя внимание высокий уровень профессионализма резчиков по
кости. Многочисленные изделия из рога и кости, заготовки, от-
ходы, а также инструментарий найдены в разных частях поселе-
ния. Однако, содержание каждой семьей собственного резчика
по кости маловероятно. Более убедительным представляется вы-
деление мастеров, которые работали и жили у заказчиков в пе-
риод выполнения работ.

По находкам среднеазнатской станковой керамики, елов-
ской, ирменской, карасуской, тагискенской посуды устанавлива-
ется факт широких транскультурных связей обитателей Кента.
С системе древних обменно-торговых отношений Кент являлся
коммуникативным центром, обеспечивавшим собственные и тран-
зитные интересы.

На материалах поселения Кент социальная дифференциация
его обитателей не прослеживается. Но типология погребений из
могильников кентского этапа дает основания выделять как ми-
нимум две группы погребальных сооружений. Основную катего-
рию дандыбай-саргаринских погребений образуют могилы рядо-
вого населения. В меньшем количестве представлены мавзолеи —
могилы высокоранжированных лиц. Различия двух групп поgre-
бений состоят, в основном, в размерах сооружений, качестве и
количестве погребального инвентаря, что позволяет констатиро-
вать развитую стратификацию дандыбай-саргаринского обще-
ства.

Рассмотрение комплекса городских признаков, отмеченных
на материалах поселения Кент, соседствующих поселений и мо-
гильников, позволяет определить Кент как поселение городского
типа, выполнявшего функции редиистрибуции и социального регу-
лирования в одном из регионов дандыбай-саргаринской культу-

ры. Известные до сих пор палегорода возникали в результате интенсификации земледельческого хозяйства. Кент приобрел свои городские функции в процессе совершенствования преимущественно скотоводческой экономики, что свидетельствует, во-первых, о высокой эффективности ранних этапов экстенсивного скотоводства, а во-вторых, об альтернативных путях формирования цивилизации.

Н. С. ТАТАРИНЦЕВА
г. Петропавловск

ПОСЕЛЕНИЕ СЕРГЕЕВКА

В течение четырех полевых сезонов велись стационарные исследования на пос. Сергеевка, открытом в 1986 году.

Памятник расположен на правом берегу р. Ишим, имеет территорию около 10 тыс. кв. м. Раскопом было вскрыто более 500 кв. м площади памятника.

При выборке слоев были обнаружены скопления костей, небольшие кучи породы, пятна прокала. Здесь же было найдено шесть каменных конструкций и их развалов. Конструкции имели подквадратную форму, средние размеры $80 \times 90 \times 100 \times 100$ см, состояли из плоских камней, вкопанных вертикально, края подогнаны один к другому. Внутри сооружений фиксировался проквал мощностью 10 см. Около конструкций встречались скопления породы, а также абразивные предметы, песты, шлак. По данным спектрального анализа, шлак содержит медь в повышенных концентрациях.

На памятниках обнаружено 6897 предметов — это остеологический материал, каменные, костяные орудия, керамические поделки, фрагменты сосудов. Найдено небольшое количество рыбьей чешуи.

Остеологический материал был подвергнут видовому определению. Обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади.

Изделия из костей представлены остриями, обломками тупиков, фрагментами гарпунов. Отдельные кости имеют следы пиления, дробления, резания.

Кремневые орудия немногочисленны, выполнены из породы разного цвета и качества. Типологически это скребки, скребла, наконечники стрел, орудия на отщепах.

Среди орудий преобладают каменные предметы. Сырьем для них служили сланцы, песчаники, галечники. Наряду с явно

выраженными орудиями — пестами, молотами — в коллекции есть типологически невыраженные изделия со следами забитости и заглаживания на торцах.

Значительная часть керамического комплекса представлена фрагментами толстостенной посуды с прямыми стенками, плоскими или округлыми днищами. На внешней поверхности фиксируются текстилевидные отпечатки. Стенки украшались прямыми или косопоставленными оттисками гребенчатого или плоского штампов. В отдельных случаях орнаментировались и днища. Встречаются фрагменты ошлакованной керамики.

В коллекции имеется небольшая, но значительная группа керамических поделок, представленная удлиненными биконическими или подцилиндрическими предметами с приплюснутыми торцами. Большинство авторов их трактует как грузила.

Таким образом: большое количество орудий ударного типа, абразивы, скопления породы шлаков, ошлакованной керамики, наличие каменных конструкций с проколами внутри, свидетельствуют о существовании на поселении производственной зоны, связанной с одним из ранних этапов металлургического производства.

По находкам в производственной зоне керамики, близкой к вишневскому типу, можно датировать раннебронзовый слой поселения началом II тыс. до н. э.

На территории Северного Казахстана металлургические комплексы на поселениях известны, но они датируются поздним временем и представлены, в основном, этапом литья (Петровка II, Новоникольское 1).

И. А. КУКУШКИН
г. Караганда

ОГОНЬ В АНДРОНОВСКОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ

С древнейших времен огонь играл огромную роль в жизни родовых коллективов. основополагающие открытия, сделанные человеком в области керамического производства, получения металла, целиком связаны с использованием огня. Жизненно важные свойства, загадочная природа огня приводят к его ранней сакрализации и наделению антропоморфными качествами.

Обожествление огня и поклонение ему хорошо известно у носителей индоевропейских традиций. Так, например, у индоариев огонь наделяется собственным эпитетом — Агни и почитается не менее громовержца Индры. Практически все основные божества

ства арийской Ригведы и иранской Авесты имеют огненно-солярную природу (А. К. Акишев, 1984 г.).

У андроновских племен, относимых большинством исследователей к восточно-иранской языковой группе, огонь также занимает особое положение. В материальной культуре зафиксированы бронзовые бляшки с различными солярными вариациями, свастические мотивы в декоре керамических сосудов.

Наблюдается широкое применение огня в погребальном ритуале андроновцев. Так, кремация более всего характерна для некоторых регионов федоровской культуры: в Южном Зауралье, Северном и Южном Казахстане, отчасти в Центральном Казахстане и Приобье. Совершенно не были подвержены этой традиции федоровские племена Восточного Казахстана и Минусинской котловины. У алакульского населения кремация встречается эпизодически в контактных зонах с федоровскими группами: в Северном Казахстане и Центральном, Южном Приуралье.

Исследователи рассматривают трупосожжение и трупоположение в качестве альтернативных способов погребения, связанных с социальным статусом и причинами смерти. Однако, нельзя не отметить, что кремация и ингумация носят, в основном, локально-региональный характер и не могут рассматриваться у андроновцев в качестве социального признака. Показательно, что надмогильные сооружения, погребальные камеры, инвентарь неизменны для обоих способов захоронения, причем, даже в пределах одного могильника. Следовательно, выводы о различии обрядов носят чисто внешний характер.

Видимо, семантика трупосожжений и трупоположений изначально едина — предание тела огню, но оформлена различными способами. Довольно часто наблюдается так называемая «условная кремация», заменяющая настоящую теми или иными символами огня: красной охрой, углями, золой, мелом, красной тканью.

Примечательно, что применение охры, как символа огня, наблюдается уже с верхнего палеолита и продолжает бытовать в последующие эпохи. В бронзовом веке, наряду с охрой, используется красная ткань, просуществовавшая в этом качестве вплоть до этнографической современности.

Возможно, что у андроновцев символика огня имела гораздо более глубокую знаковую сферу и охватывала не только традиционные символы, связанные с красным цветом, солярными знаками, но и с металлом, керамикой как таковыми, являющимися собственно «продуктами, рожденными огнем». Эта сопричастность подчеркивается красным (желтым) цветом металла, меандрово-свастическим орнаментом посуды. Любопытны в этом

отношении изредка встречающиеся в андроновских могильниках горшки с остатками кремации, а также с детскими костяками.

Сама по себе кремация — явление более позднего порядка, и впервые ее следы зафиксированы в эпоху неолита (В. В. Отрошенко, 1989). Трупосожжение, как нечто знакомое, не выходящее за устоявшиеся рамки идеологических представлений, получает широкое распространение и становится господствующим способом погребения у целого ряда культур и исторических народов.

Специалисты, отмечая использование огня в погребальной практике андроновских племен, склонны видеть в данном явлении культ огня, столь характерный для индоевропейских народов, но, как правило, не идут дальше констатации самого факта.

Огонь, как связывающее звено между жизнью и смертью, имеет универсальную сущность на значительном пространственно-временном отрезке. Но, в то же время, если процесс погребения осмысливается как возрождение в той или иной ипостаси, переход в потусторонний мир и не вызывает принципиальных возражений, то предназначение огня, его функции воспринимаются неадекватно.

По одной из версий огонь погребального костра или его символика играет возрождающую роль в погребальном обряде как важнейшее мировое начало (К. А. Акишев, 1979).

Близок к первой версии вывод о перенесении души умершего с дымом погребального огня на небо, в царство мертвых (Б. А. Рыбаков, 1987).

Следующая гипотеза сводится к очистительным, охранно-магическим функциям огня (Д. Д. Фрэзер, 1980).

Согласно четвертой, сожжение есть неосознанное, интуитивное действие, связанное с необходимостью избавления от трупа выбранным способом (С. А. Токарев, 1964).

Таким образом, единого мнения по вопросам функционального предназначения огня в погребальном обряде не существует, проблема остается на стадии разработки. Видимо, необходим комплексный подход с использованием как данных археологии, так и смежных дисциплин.

Г. А. КУШАЕВ
г. Уральск

НОВОЕ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

1. Памятники материальной культуры бронзового века Западного Казахстана — Уральской и Гурьевской областей — до

80-х годов оставались малоизвестными археологам и общественности. Однако несмотря на отсутствие опубликованных материалов из раскопок этой эпохи в нашем регионе они были охарактеризованы, как андроновские и были признаны аналогичными памятникам Центрального Казахстана. При этом основанием для подобного утверждения явились материалы из раскопок 19 оградок в 1925 г. М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой в могильниках Киргильда I, II, Урал-Сай, расположенных на северо-востоке современной Актюбинской области. Была определена западная граница этих племен по р. Урал, а междуречье рек Урала и Волги выделено как зона господства хвалынской культуры.

2. В середине же 20-х годов профессором Рыковым П. С. была высказана точка зрения о наличии памятников срубной культуры на левобережье реки Урал у пос. Меновой двор (в настоящее время пос. Подстепное). В конце 40-х — начале 50-х гг. в Междуречье Волги и Урала И. В. Синициным была подтверждена точка зрения о господстве ранней срубной культуры. Таким образом, в публикациях прочно закрепилась концепция М. П. Грязнова. Гипотеза о господстве андроновцев в Западном Казахстане использована К. Ф. Смирновым при обосновании и аргументировании преемственности савроматов и андроновцев. Совершенно непонятны мотивы авторов первого тома Истории КазССР, когда в 1977 г. они вновь возвращаются к концепции «андроновской культуры» для характеристики типов населения Западного Казахстана в эпоху бронзы. При этом утверждается мысль о господстве в нашем регионе двух типов: протоевропейской расы — т. е. андроновской и средиземноморской (восточно-средиземноморской) типы. И самое интересное: авторами утверждается, что оба типа — носители одной андроновской культуры?! И, наконец, концепция «андроновской культуры» в Западном Казахстане отстаивается в «Вопросах археологии Казахстана», опубликованной в 1979 г. (Акишев, К. А., Байпаков К. М.). При этом главным аргументом являлись раскопки 1955—1960 гг. в могильнике Тасты-Бутак на востоке Актюбинской области.

3. «Андроновская концепция» в трактовке материальной культуры племен бронзового века Западного Казахстана при наших знаниях уже неприемлема. Она вводит в заблуждение и специалистов, и студенчество, и научную общественность. Эта концепция не учитывает высказанные в 1925 г. выводы П. С. Рыкова по результатам исследования на территории Уральской области. Новые сведения о памятниках этой эпохи появились в 1974—1975 гг. после исследования в могильнике Алебастрово I, а в 1976—1979 гг. были дополнены находками у села Покатилов-

а, на Меловых горках, Мамай I, в комплексах могильников Лебедевка I—VIII, которые огажены в научных отчетах в АН УзССР и интерпретированы как срубные! Раскопки 1970—1980 гг. свидетельствуют, что курганы с погребениями бронзового века в нашей области представлены в большинстве захоронениями срубной культуры. Сейчас они обнаружены как на севере, так и на юге области, как на востоке, так и на западе. Курганы этой эпохи блинообразной формы с заплывшими напыями.

4. Археологическими исследованиями в 80-х годах раскопано более 60 курганов с 90 могильными ямами, в которых 72% имеют обряд трупоположения и лишь в четырех ямах — трупосожжения. Инвентарь из них и погребальный обряд характеризуют как энеолитическое, так и катакомбное время. Срубная культура представлена большим количеством ям, впущенных в ранние курганы.

С. Я ЗДАНОВИЧ
г. Челябинск

ОРУДИЯ ГОРНОГО ДЕЛА И МЕТАЛЛООБРАБОТКА НА ПОСЕЛЕНИЯХ БРОНЗОВОГО ВЕКА УРАЛО-ИШИМСКОГО РЕГИОНА

1. Одновременно с возникновением металлургии бронзы в степях Евразии складывается неповторимый комплекс орудий горного дела и металлообработки. На него не влияли ни время, ни этнические процессы. На протяжении тысячелетия в его составе и облике не произошло существенных изменений. Может быть, поэтому каменный инвентарь поселений, как правило, не привлекает внимания археологов. К тому же, изучение каменных орудий требует владения особой методикой и соответствующих навыков. В нашей стране не одно десятилетие существует школа археологического исследования каменных орудий труда, но ее объектом являются орудия каменного века. Лишь в последнее десятилетие обнаружился интерес к этой категории находок в памятниках бронзового века (Г. Ф. Коробкова, Т. А. Шаровская, В. В. Килейников). Однако публикации с результатами исследований и в наши дни единичны, значительная часть накопленной информации не стала достоянием широкой научной аудитории. Это приводит к тому, что мы теряем массу данных по технологии металлургического производства и сужаем базу исследований для характеристики других видов ремесел и домашних промыслов. Определенные сведения дают каменные орудия и для характеристики техники земледелия и уровня его развития.

2. В Урало-Ишимском междуречье нами изучены коллекции 4 крупных поселений: Петровка II (Северо-Казахстанская обл.), Саргары (Целиноградская обл.), Синташта, Аркаим (Челябинская обл.). Материалы первых двух памятников были изучены в лаборатории первобытной археологии в Институте истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург) под руководством П. Ф. Коробковой и по праву могут считаться эталонными. Каждая из перечисленных коллекций содержит до 200 макроорудий, из них около половины имеют выраженные следы функционального характера. Сравнительное изучение орудий показало, что большинство из них обладают типичными признаками, свидетельствующими об их назначении. Сюда относятся, в первую очередь, форма изделий и макроследы утилизации. Практика показывает, что даже эти первичные наблюдения намного расширяют кругозор исследователя. Накопленный опыт типологического анализа в свою очередь значительно облегчит работу специалиста-трасолога.

3. Исследованные каменные орудия были разделены на два функциональных класса: I — горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия; II — орудия домашних промыслов. К первому классу на поселениях принадлежит 80—90% функционально определимых изделий. Они подразделяются на 2 группы: орудия горного дела и орудия металлообработки. Первая группа типологически немногочисленна. По выборке из различных памятников к ней отнесены — кайлы, кувалды и молотки для откалывания и дробления кусков руды, терочные плиты, песты и куранты для растирания руды. Наиболее полный набор этих орудий труда представлен на пос. Синташта, металлургическое производство на котором носило явно ремесленный характер. Несколько уступают синташтинскому набору комплексы с поселений Аркаим и Саргары. На пос. Петровка обнаружены только терочники, пест и курант. Это еще раз свидетельствует о том, что руда проходила первоначальную обработку на местах ее добычи (рудники Степняк, Никольское), возможно, часть ее в сыром виде поступала на близлежащие поселения. На отдаленные поселения руда поступала уже в измельченном и обогащенном виде.

4. Самую многочисленную группу на всех поселениях составляют металлообрабатывающие орудия. Коллекции близки по набору, и по численному соотношению. Наковальни представлены двумя типами: стационарные для обработки крупных изделий и переносные для выполнения мелких работ. Молоты имеют крупные размеры, они предназначались для обжата массивных орудий. Наибольшее распространение имеют молоты среднего действия. Их вес 500—700 г. Ими осуществляли как ха-

)

лодную ковку (тогда они применялись без рукояти), так и горячую в процессе закалки инструментов (использовались с рукоятью). Эти орудия подвергались, как правило, тщательной обработке, особенно боек и корпус орудий. Кроме поселений, этот тип орудий широко представлен в могильниках бронзовой эпохи. В каждой коллекции есть молоточки среднего действия для обработки мелких и ювелирных изделий, весом 100—150 г. Для раскатывания фольги использовались небольшие подставки-наковальни и гладилки-выпрямители. На всех памятниках много абразивов, применявшихся, как правило, дифференцировано для заточки тех или иных типов орудий и небольших оселков. Многие орудия на поселениях полифункциональны, многие использовались вторично в новой функции. При изготовлении орудий труда учитывались свойства камня. Все это свидетельствует о том, что в эпоху бронзы человек не только сохранил свой опыт работы с каменным сырьем, но и значительно его совершенствовал, расширив сферы применения этого материала.

В. В. ЕВДОКИМОВ
г. Караганда

ФОРМАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УКРАШЕНИЙ АЛАКУЛЬСКИХ МОГИЛЬНИКОВ КУСТАНАЙСКОГО ПРИТОБОЛЬЯ

Анализ археологических объектов на предмет культурной принадлежности и хронологии предполагает сравнительный подход, который в большинстве случаев основан на констатации наличия или отсутствия выделяемых исследователем признаков в сравниваемых объектах.

В последние годы разработаны методы формально-типологического анализа с использованием математического аппарата, которые находят все большее применение особенно при анализе керамики, погребального обряда.

Автор применил формулу взаимовстречаемости признаков (Каменецкий и др., 1975) для определения коэффициента парной встречаемости однотипных украшений группы алакульских могильников Кустанайского Притобольшья.

В могильниках Алексеевский, Конезавод, Евгеньевский, Нарзум отмечено 10 типов украшений: бронзовые бусы, пронизи, бляшки, браслеты, перстни, гривна, подвески от наконечников, кольца, обоймочки, очевидная подвеска. Некоторые типы можно подразделить на подтипы или разновидности — так бусы, по форме бочонковидные или колечкообразные, сделаны из брон-

зы или пасты, пронизки — бронзовые и пастовые, браслеты — желобчатые и овальные в сечении, бляшки — плоские круглые и полусферические круглые. Отметим, что перечисленные украшения считаются характерными для памятников алакульского круга.

Зная наличие украшений по могильникам, подсчитываем число однотипных украшений, встречающихся на двух могильниках (в каждой паре) и заносим данные в турнирную таблицу.

Используя формулу взаимосвязи признаков, вычисляем парный коэффициент встречаемости однотипных украшений. Коэффициент встречаемости типов наиболее высокий у могильников Алексеевский-Конезаводской, где при совпадении 11 разновидностей украшений он равен 0,84; и наименьший — 0,4 у могильников Евгеньевский-Наурзумский, у которых совпадают всего 5 разновидностей украшений.

Построив график встречаемости типов украшений, наглядно убеждаемся в различной степени сходства могильников.

Таким образом, достаточно высокие показатели коэффициента парной встречаемости однотипных украшений в данном случае дают, во-первых, подтверждение однокультурности могильников, относящихся к алакульской культуре, а, во-вторых, позволяет предполагать относительную хронологическую позицию могильников между собой.

Э. Ф. КУЗНЕЦОВА
г. Алма-Ата

СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БРОНЗ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Материалом для настоящего исследования послужил вещевой инвентарь медных и бронзовых предметов из памятников эпохи бронзы Северного Казахстана (Г. Б. Зданович, раскопки 1969—1973 гг.).

Металлические находки: орудия труда, быта, вооружения, украшения, а также обломки предметов, необработанные кусочки металла, слитки, остатки литейных форм, каменные орудия по обработке металла и пр. свидетельствуют о функционировании в Северном Казахстане во II тысячелетии до н. э. очага металлургии, обеспеченного собственными ресурсами минерального сырья.

Проведено спектроаналитическое исследование металлических предметов с целью определения химического состава, выяснения рецептов древних бронз, сходства и различия химического

металлургических параметров во времени периодов средней, поздней и финальной бронзы. Данные спектрального анализа (118 обр.), возможно, дадут дополнительную информацию о динамике развития цветных металлов и сплавов в древнейший период истории Северного Казахстана. В изучаемый период произошла смена нескольких культур: петровской, алакульской, федоровской, саргарино-алексеевской (Зданович Г. Б., 1983, 1986). Авторами раскопок отмечалась многослойность многих поселений, что приводило к небесспорной датировке значительной части металлического инвентаря. Возможно, анализ разных его категорий дает интерпретацию химического состава в шкале временной последовательности.

1. Проанализирована большая серия металлических находок из поселения Петровка II. Предметы, датированные серединой II тысячелетия до н. э., представлены в основном орудиями труда и быта (26 обр.). Ножи однолезвийные (черешковые) (6 обр.) оказались чисто медными, причем, в двух из них зафиксированы добавки: в одном — свинца (1—3%), в другом — мышьяка (2—3%), скорее всего, они были естественного происхождения. Из меди изготовлены 3 серпа, шилья (за исключением одного из оловянистой бронзы), скрепки, проволока, детали неясных предметов.

Более поздний металл поселения Петровка II, датированный Г. Б. Здановичем второй половиной II тысячелетия до н. э., имел уже другие параметры состава и металлургических характеристик. Ножи (5 обр.) двулезвийные (черешковые) показали в составе металла лигирующие добавки к меди олова (5—10%), за исключением одного экземпляра (медного). Нож с массивным черенком имел двухкомпонентную лигатуру (олово+сурьма), т. е. сделан из оловянно-сурьмянистой бронзы. Шилья, проволока, два наконечника стрел, крючок, обломки предметов (21 обр.) — медные, в отдельных из них повышен мышьяк (до 1%). Проройники (10 обр.) тоже медные, кроме 3 экземпляров, сделанных из оловянистых бронз. Три предмета из пос. Петровка II принадлежали слоям X—VIII вв. до н. э.: косарь (медный), наконечник стрелы (медный) и кельт (классическая оловянистая бронза).

Металлические изделия из поселения Петровка III относятся к двум периодам эпохи бронзы: позднему, (II пол. II тыс. до н. э.) и финальному (X—VIII вв. до н. э.). Поздне-бронзовые вещи (две скрепки и наконечник стрелы) — медные, изделия финальной бронзы: зеркало — медное, нож однолезвийный — из высокооловянистой бронзы (олова — 3—5%).

2. Произведен спектральный анализ вещевых находок из поселения Новоникольское 1. Ранний металл, датированный се-

редний II тыс. до н. э., представлен шестью экземплярами ножей (однолезвийный листовидный с втульчатой рукоятью, двулезвийный). По составу они медные и низколегированы оловом — 1 ... 5%. Другие находки — серп и три наконечника стрел — медные. Металл более поздних слоев Новоникольского поселения (вторая пол. II тыс. до н. э.) отличался по составу большей насыщенностью легирующими добавками. Все ножи и кинжалы содержали до 10% примеси олова. Поделки и бытовая утварь (крючки, шилья, проколки, скрепки, сверло, пуговица) в количестве 17 образцов были выплавлены из меди (кроме одного образца — проволоки). Интерес представляют также непосредственные продукты производства: заготовки орудий, фрагменты необработанного и оплавленного металла. На основе сделанных анализов сделан вывод, что здесь, на поселении, было налажено собственное литье изделий из меди и оловянистых бронз.

3. Спектры небольшого числа находок с многослойного поселения Явленка I, датированные финальной бронзой (X—VIII вв. до н. э.), показали преобладание классических оловянистых бронз в изделиях этого памятника. Из сплава меди с оловом изготовлены ножи (2 обр.), пряжка и наконечники стрел (2 обр.); серп с крюком — медный.

4. Проанализированы отдельные находки предметов с однослойного поселения Саргары — эталонного памятника финальной бронзы. (Зданович Г. Б., Малютина Т. С., 1976; Зданович Г. Б., 1983 г.). Наконечник копья имел в составе меди двусоставную лигатуру (5% олова+3% мышьяка), наконечник стрелы сделан из оловянистой бронзы, обломок ножа — медный.

5. Произведен спектральный анализ находок самых поздних из исследованных материалов — серии наконечников стрел из могильника Алыпкаш, датированных VII в. до н. э. (26 обр.). В большой своей массе это четырехгранные втульчатые наконечники, единичные — четырехлопастные втульчатые, лавролистной формы, пулевидные. Состав металла их довольно однороден: оловянистые бронзы (олова — до 5%) с высоким мышьяком (десятые доли — 3%).

6. Проанализированы и единичные находки бронзового века из других памятников Северного Казахстана: у с. Иваново (сер. II тыс. до н. э.) — два ножа (медный и бронзовый), у с. Новокаменка (X—VIII вв. до н. э.) — нож-кинжал (медный), Кенеткель (X—VIII вв. до н. э.) — нож (оловянистая бронза).

Подытоживая результаты спектрального анализа североказахстанского металла в широкой хронологической шкале (сер. II — сер. I тысячелетия о н. э.), можно сделать следующие выводы:

1. Наиболее характерной группой среди всего проанализи-

рованного материала являлись орудия труда (крупные предметы): ножи, кинжалы, серпы, наконечники копий и пр. Изготовлены они из меди, низко- и среднеоловянных бронз. Наблюдается динамика их развития как в типологическом отношении (от однолезвийных к двухлезвийным), так и в усложнении состава изделий (все чаще и в больших количествах вводятся в медную основу добавки оловянного концентрата). Мелкие изделия и поделки (крючки, шилья, проволока, пробойники и др.) на всех временных этапах делались из натурального сырья — меди.

2. Обобщенная картина элементного состава металла свидетельствует о значительном уровне мастерства древних металлургов Северного Казахстана. Во-первых, заметен их функциональный целенаправленный подход к выбору сырья: медь использовалась при изготовлении простейших поделок, а двух- и трехкомпонентные сплавы на производство предметов разного назначения. Во-вторых, чувствуется дефицит олова, экономное расходование его в лигирующих добавках (избирательное использование).

3. Рудная база североказахстанского металла имела свою специфику, отличаясь от других регионов. В достатке было медное сырье, что подтверждается в большой массе находками крупных предметов. В то же время, замечена обедненность выбора лигатур. В образцах повышены содержания мышьяка и сурьмы, невысоко содержание других цветных металлов: свинца, цинка, серебра, никеля и др.

А. С. ЕРМОЛАЕВА,
Т. М. ТЕПЛОВОДСКАЯ
г. Алма-Ата

КЕРАМИКА ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ АИР ТАУ ИЗ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

На поселении Аир-тау за последних три полевых сезона найдено свыше 2200 фрагментов керамики, из них к статистической обработке (по программе В. Ф. Геннинга) были привлечены 330 фрагментов, найденных в первый год раскопок. В первую очередь были отобраны фрагменты венчиков с шейками и плечиками, днища с придонной частью, а также крупные боковины с орнаментом. При подсчете выделено не менее 200 форм. При определении форм за основу брались фрагменты с венчиками (173) и прямой шейкой (78), в меньшем количестве с отогнутой шейкой (20). Округлый венчик имели 59 сосудов, из них с пря-

мой шейкой 32, отогнутой — 23, вогнутой — 5. С пристроенным венчиком учтено 12 фрагментов, из них с прямой шейкой — 7, отогнутой — 4.

Большинство сосудов орнаментировано. Гребенчатым штампом узоры выполнены на 100 фрагментах: из них среднегребенчатым — 49, мелкогребенчатым — 57, крупногребенчатым — 10. На втором месте разной формы вдавления (70), гладкий штамп (40), каннелюры и желобки (36). Из элементов орнамента наиболее распространены горизонтальные и вертикальные зигзаги. Вдавления составляют самостоятельные композиции в виде горизонтальных и наклонных рядов и сочетаются с другими элементами орнамента — прочерченными линиями, зигзагами (66). Реже встречаются прочерченные линии гладким штампом (11), косые заштрихованные треугольники (10), ногтевые защипы и оттиски (около 10), косые насечки (5), горизонтальные линии гребенчатым штампом (3). В одном случае встречены бантики, косая сетка, кольцевые вдавления трубочкой и в двух — меандр.

Типологически выделены 2 группы керамики: I) федоровско-бишкульская (канайская); II) саргаринско-алексеевская (малокрасноярская).

Внутри I группы керамика подразделяется на 2 подгруппы: «классическую» федоровскую и бишкульскую, или канайскую.

Первая подгруппа состоит из 20 фрагментов от разных сосудов, с орнаментом типичным для федоровской посуды Зауралья. Она характеризуется геометрическим орнаментом, выполненным мелкогребенчатым штампом: косых заштрихованных треугольников, расположенных на шейке, равнобедренных треугольников на плечике, меандровых фигур, бантиков. Зоны и композиции разделены горизонтальными линиями мелкозубчатого штампа и каннелюрами, ровные ряды четких треугольных вдавлений оконтуривают или разделяют композиционные построения. Большинство фрагментов от тонкостенных сосудов черно- и сероошженных. Изготовлена федоровская керамика из среднепластичной ожелезненной глины с естественной примесью полевых шпатов, кварца, бурого железняка, слюды. По техническим качествам глина однотипна. В формовочных массах выделяется 2 типа: 1. глина+дресва гранитная+органика (примеси взяты примерно в равных пропорциях). 2. глина+дресва гранитная+шамот, сходный с основой по составу+органика. В этом типе зафиксировано несколько вариантов, различающихся количественным содержанием отощителей. Необычно повышенное содержание органики в тесте большинства образцов; присутствующие наряду с ней дресва и шамот численно ниже по содержанию и взяты примерно в равных пропорциях. Такой сложный состав формовочных масс может свидетельствовать как о

эволюционных изменениях в технологии, так и о смещении разных технологических навыков. Тесто всех фрагментов плотное, с разнот структурой в изломе даже при одинаковом составе. Из-за малых размеров фрагментов техника формовки определена не у всех образцов. Четко фиксируется один прием — использование твердого шаблона в сочетании с лоскутным наклепом. При обработке поверхностей чаще применялось заглаживание кожей, рукой, лощиком, деревянным инструментом. Обжиг восстановительный, до 800°. Некоторые образцы попадали во второй огонь.

Во вторую подгруппу выделена керамика, характерная для поселения Канай. В большинстве это баночные и горшечно-баночные сосуды, крупные по форме, сделанные из грубого теста. Орнамент: косые оттиски гребенчатым и реже гладким штампом; составляющие зигзаги или елочку, вдавления разной формы, образующие самостоятельные композиции или сочетания с другими элементами орнамента, ногтевые зашпы и оттиски, горизонтальные линии, каннелюры, широкие и плоские желобки, заштрихованные треугольники. Есть лощеные фрагменты. Аналогичная керамика, выделенная С. С. Черниковым в I-ю группу, найдена на поселениях Канай, Усть-Нарым, Мало-Красноярка. Изделия канайского типа не отличаются по сырью от керамики федоровского типа. Более разнообразная по формам и орнаментации, эта керамика дает и большее число типов, подтипов, вариантов формовочных масс. Как и в федоровской керамике, наиболее распространен I-й тип формовочной массы. На его основе были разработаны один подтип и 2 варианта. 2-й тип: глина+дресва+шамот, сходный с основой+органика — встречается реже. Причем, во всех вариантах шамот и органика взяты примерно в равных пропорциях или преобладает органика. В способах формовки зафиксировано несколько приемов. Преобладает сочетание твердого шаблона с лоскутным наклепом, реже встречается сочетание шаблона с кольцевым или спиральными наклепами. Доща или выдавлены из одного комка, или спиральновитые, прикреплены к тулову изнутри. Поверхности заглаживались деревянным ложом, щепой, рукой, лощиком. Обжиг восстановительный, до 800°.

Определяющим признаком II группы керамики являются валики и воротнички. На поселении найдены 6 фрагментов от валиковых сосудов и 2 от воротничковых. Валик наклепной, лишь в одном фрагменте он сформован. В 4-х случаях валик орнаментирован косыми насечками, на одной из них выполнены палочкой, на остальных — мелкогребенчатым штампом, но на всех разный характер нанесения насечек. На шейке 6-го валикового сосуда орнамент в виде вертикальных рядов ногтевых зашпы и коротких ногтевых оттисков, со следами лощения. На одном из фрагментов от воротничкового сосуда на шейке имелся орна-

мент в виде горизонтального зигзага, выполненного мелкозубчатым штампом. В эту группу включен и мелкий фрагмент верхней части сосуда с остатками орнамента в виде двух канцелюр, между которыми располагался зигзаг из маленьких круглых вдавлений. Фрагмент керамики с таким орнаментом, найденный на поселении Трушниково, С. С. Черников поместил в самую позднюю, 3-ю группу. Аналогичные вдавления имеются на бегазы-даидыбаевской керамике и на сосуде из Измайловки. Немногочисленная валиковая керамика не отличается от описанных групп по сырью и по типам формовочных масс. Надо лишь отметить, что в ней больше распространен 2-й тип массы: глина+дресва+шамот+органика. Причем, шамот является основным отощителем лишь в одном фрагменте, в остальных дресва и органика присутствуют примерно в равных количествах. Изготовлены сосуды на твердом шаблоне лоскутным или кольцевым налепами. Поверхности чаще заглажены щепой. Обжиг восстановительный, до 800°. К этой группе примыкают 3 фрагмента, отнесенные исследователем А. С. Ермолаевой к более позднему времени. По техническим характеристикам эти фрагменты не отличаются от валиковой керамики. Нами была предпринята попытка проследить зависимость между технологией изготовления, формой и орнаментом изделия. Рамки данной публикации не позволяют осветить разноречивые результаты этого исследования.

Таким образом, произведенная статистическая обработка керамики и проделанной на ее основе анализ позволили выявить характерные признаки сосудов, бытовавших на поселении. Типологический анализ и сравнительная характеристика керамики привели к выделению двух основных групп посуды, которые залегали на поселении совместно. Аналогичная ситуация наблюдалась при раскопках поселений Усть-Нарым, Мало-Красноярка и Трушниково. С. С. Черников отмечал, что керамика 1-й и 2-й групп соответствующих канайской и валиковой посуде, никак не разделяются между собой. В то же время, керамика 3-й группы на поселении была связана с другими сооружениями, чем 1-ой и 2-ой группы. Это не случайно. Видимо, существовала какая-то преемственная связь между носителями 1-й и 2-й групп посуды.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Экспедицией Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея в 1990 году были начаты разведочно-поисковые исследования в Тарбагатайском районе Восточно-Казахстанской области.

Археологические памятники в этом районе впервые зафиксированы В. П. Никитиным (1895 г.) и С. С. Черниковым (1949 г.). С. С. Черниковым было отмечено большое количество памятников с разнообразными наземными конструкциями. Особо им выделен знаменитый Чиликтинский могильник с его «царскими» погребальными сооружениями.

Исследования экспедиции музея велись в долине реки Кандысу вдоль отрогов гор. Сенгир. Было выявлено 12 курганных групп, насчитывающих 189 насыпей.

Могильник Покровский состоит из 6 курганных групп, насчитывает 75 курганов и 6 оград эпохи бронзы. Находится могильник у подножия западных склонов гор Сенгир, в 2-х км юго-восточнее с. Покровка Тарбагатайского района. Курганы, как правило, расположены вытянутой цепочкой с юго-запада на северо-восток.

По размерам можно выделить три вида насыпей: 1 — диаметр до 25 м, высота 2 ... 3 м; 2 — диаметр 10 ... 15 м, высота 1 ... 2 м; 3 — диаметр 5 ... 10 м, высота 0,2 ... 1 м.

Различия прослеживаются не только в размерах, но и в конструкции погребальных сооружений. Среди них можно выделить следующие типы конструкций. 1) сплошная каменная насыпь, округлой в плане формы; 2) насыпь из земли и камня, которая в 1,5 ... 2 м от основания окружена круглой или прямоугольной каменной оградой шириной до 1 м; 4) ограды из вертикально вкопанных плит или уложенных плашмя крупных камней.

Курганы, которые выделяются в цепочке большими размерами, имеют дополнительное оформление наземной конструкции в виде каменных оград и вкопанных столбов.

В Тарбагатайском районе ниже по течению реки Кандысу обследована еще одна долина, окруженная горами Сенгир, отрогами хребта Монрак. Река протекает по долине с востока на запад. Защищенность горами, наличие воды, видимо, и привлекали древних насельников к этим местам.

Могильник Сенгир расположен по левому берегу р. Кандысу, вдоль гор Сенгир. Первая группа находится почти у построек фермы Сенгир совхоза «Покровский». Зафиксировано 6 курган-

ных групп (108 насыпей), расположенных цепочками с юга на север, с юго-запада на северо-восток. Курганные группы состоят из 8 ... 45 курганов диаметром 4 ... 12 м, высотой 0,1 ... 1 м. Насыпи двух типов: каменные округлые в плане и насыпи из земли и камня с каменным кольцом по основанию. По величине в этом могильнике выделяется курган № 13, он окружен квадратной оградой (12 м×12 м), выложенной в двух м от основания кургана. Почти в каждой цепочке есть курган, окруженный круглой оградой.

Подобные памятники впервые были исследованы С. С. Черниковым в 1948 году у аула Кула-Журга Самарского района. Им были выделены такие же конструкции памятников: 1) насыпи из земли и камня с каменным кольцом; 2) каменные округлые насыпи; 3) ограды андроновского типа. Соседство раннекочевнических и андроновских памятников в одном могильнике не случайно. Исследование этих памятников выявило несомненную генетическую связь андроновской культуры с раннекочевнической.

По топографии и внешнему виду наземных конструкций, предварительно могильники «Покровка» и «Сенгир» можно отнести к памятникам кулажургинского типа, датированным III веком до н. э.

Продолжены раскопки могильника эпохи бронзы Аир-Тау в Уланском районе. Могильник расположен на левом берегу реки Канайки, насчитывает 123 конструкции, преимущественно в виде оград, выложенных из крупных камней. Диаметр оград в среднем от 3 до 8 м. В северо-восточной части могильника зафиксированы 4 кургана с насыпью из земли и камня. Раскопан один из курганов, диаметром 12 м, высотой 0,3 м. Под перекрытием из трех плит в грунтовой яме обнаружено захоронение человека, уложенного на спине. Сохранились лишь кости черепа, ног, рук. Обнаружены круглые пастовые глазчатые бусы. Других находок нет. Предварительно курган можно датировать концом I тыс. до н. э.

Раскопано три ограды эпохи бронзы. На поверхности были видны округлые в плане выкладки из плит, вкопанных на ребро, и камней, уложенных плашмя. Погребальные сооружения представлены каменным ящиком и двумя цистами. Захоронения все разграблены. В каменном ящике обнаружен глиняный сосуд горшковидной формы с гребенчатым орнаментом. В одной из цист обнаружены бронзовые нашивные бляшки полусферической формы, обломок бронзовой серьги с обкладкой из листового золота, бусины. Материал могильника Аир-Тау подтверждает его первоначальную датировку федоровским периодом эпохи бронзы.

ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕХНОЛОГИИ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

Изучая древнюю глиняную посуду, археологи нередко прибегают к методам естественных наук. При этом во многих работах принятая в этих науках схема описания признаков автоматически переносится на керамику. В результате на археолога обрушивается масса технических сведений о пористости, водопоглощаемости, плотности, твердости и т. п., оформленных зачастую в виде всякого рода таблиц, графиков и диаграмм. Это более чем достаточно для описания технических характеристик керамики, но почти ничего не говорит об истории людей, оставивших ее. Такой подход к изучению керамики можно определить как формальный, поскольку здесь нет связи между объективно полученными результатами и выводами, которые в большинстве случаев ничем не подкреплены, кроме мнения их автора.

Наряду с этим, существует другое направление в изучении керамики — историко-культурное, суть которого можно понять из книги А. А. Бобринского «Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения» (1978 г.). Вкратце его можно охарактеризовать следующим образом: реконструкция исторических процессов на основе изучения навыков труда в гончарстве. Понятие «навыки труда» как раз и является здесь тем необходимым звеном, что связывает объективные результаты анализа керамики с выводами исторического характера. Дело в том, что производство керамики — это система взаимосвязанных навыков труда, которые вырабатываются эмпирическим путем, передаются из поколения в поколение и превращаются, таким образом, в традицию, приобретая характер особенностей культуры различных групп населения, к которым принадлежат гончары. Определив приемы работы гончаров по следам на керамике, можно, во-первых, судить об однородности или неоднородности населения, оставившего ее, во-вторых, реконструировать различные этнокультурные процессы (смешение различных групп, их контакты и т. д.).

Человеческие коллективы, за некоторым исключением, никогда не жили в полной изоляции, что не могло не влиять на их культуру, а значит, и на гончарство, являющееся ее составной частью. При этом навыки труда в гончарстве изменяются, следуя определенным закономерностям. Так, навыки, выработанные при подготовке исходного сырья и составлении формовочной массы в условиях смешения, меняются раньше других, что установлено А. А. Бобринским по данным этнографии. Это дает

возможность устанавливать начало процесса смешения различных групп населения. Например, гончары обычно стремятся использовать одну глину — ту, с которой привыкли работать, и поэтому, переселившись в другое место, ищут прежде всего глину, похожую на привычную им, обращая внимание на цвет, пластичность, особенности естественных включений. Посуда из найденной глины не всегда удачна, и она вынуждена поначалу к своему сырью примешивать то, чем пользуются местные гончары, в конце концов полностью переходя на последнее. Поскольку же, по мнению гончаров, каждая глина требует своих способов работы с нею, то они переходят на местные рецепты формовочных масс, начиная с компромиссных вариантов, в которых одновременно присутствуют примеси, традиционные и для них, и для местных гончаров. Таким образом, по исходному сырью, составленному из двух видов глин и по рецептам, содержащим от двух видов искусственных примесей и более, мы можем выявлять смешение гончарных традиций на этапах отбора исходного сырья и составления формовочной массы, отражающее самое начало смешения носителей этих традиций. Более глубокие культурные сдвиги можно фиксировать, обращаясь к изучению навыков, относящихся непосредственно к конструированию посуды, которые в условиях смешения остаются устойчивыми довольно долгое время и меняются значительно позже.

П. А. КОСИНЦЕВ,
А. И. ВАРОВ
г. Екатеринбург

КОСТНЫЕ ОСТАТКИ ИЗ ДВУХ ПОСЕЛЕНИЙ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО УРАЛА

Нами были изучены костные остатки из поселений позднего бронзового века — Кузминковское II и Токское, находящихся в Оренбургской области. Поселение Токское относится к срубной культуре и датируется автором раскопок 16—15 вв. до н. э. На поселении Кузминковское II смешан археологический материал синташтинско-новокумакский и культур валиковой керамики. Костные остатки с обоих поселений представляют собой типичные кухонные остатки, причем заметна явная выборочность сбора материала с поселения Кузминковское II. Были выбраны крупные целые кости, что нарушает реальную картину соотношения костей видов домашних животных. Поэтому анализировать состав костных остатков поселения Кузминковское II по видам нельзя.

Домашние животные на обоих поселениях одинаковы, это — крупный рогатый скот, овца, коза, лошадь, свинья, собака. Кости диких видов найдены только на поселении Токское, это как лесостепные виды животных — лось, косуля, кабан, барсук, бобр, так и степные — сайга, кулан, сурок. Такой видовой состав говорит о том, что в 16—15 вв до н. э. здесь были природные условия, близкие к границе лесостепной и степной зон. Всего кости диких видов составляют 2%. Следовательно, население этого поселения охотилось лишь изредка.

Среди домашних животных на поселении Токское преобладают кости крупного рогатого скота, они составляют 50%. Костей мелкого рогатого скота и лошади примерно поровну, соответственно 26% и 23%. Меньше всего составляют кости свиньи — 1%. В общем, соотношение костей типично для поселений срубной культуры Южного Приуралья.

Использование домашних животных (основываясь на возрастном составе забытых особей) было сходным на обоих поселениях: коров — мясо-молочное, овец — мясо-шерстное, лошадей — мясное и, возможно, тягловое.

Размеры костных остатков крупного рогатого скота и овцы из поселения Кузминковское II в среднем больше, чем из поселения Токское. Величина выборок костей лошади и свиньи не позволяет сделать такого вывода. Костные остатки крупного рогатого скота и овцы из поселения Кузминковское II по размерам ближе к костям из поселений абашевской и синташтинской культур, причем ближе к синташтинской. Очевидно, большинство костного материала происходит из раннего, синташтинско-новокумакского, слоя существования поселения.

Размеры костных остатков домашних животных из поселения Токское ближе к размерам костей из поселений срубной и алакульской культур, причем ближе к срубной. Это и должно быть так, потому, что данное поселение — срубное.

Таким образом, описанный нами костный материал из поселений Токское и Кузминковское II укладывается в общую схему представлений о домашних животных позднего бронзового века Южного Урала.

О. П. ЧЕНЧЕНКОНА
г. Петропавловск

О ПЕРСОНАЖАХ АНТРОПОМОРФНОГО ЖЕЗЛА ИЗ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Одним из актуальных вопросов современной археологии является исследование первобытного искусства. Эта сложная

и малоизученная проблема требует объединения усилий специалистов различных наук. Наше внимание привлекла каменная скульптура из Казахстана и Западной Сибири. Некоторые из таких изображений опубликованы в различных археологических сборниках, но никогда не исследовались искусствоведческими методами.

По публикациям А. Г. Максимовой (1959), Л. Р. Кызласова (1956) и А. Х. Маргулана (1979) специалистам должен быть известен небольшой антропоморфный жезл из камня случайно найденный в Семипалатинской области, а ныне хранящийся в Государственном Эрмитаже. Исследователи считают это изображение женским и датируют его эпохой бронзы: Л. Р. Кызласов относит его к андроновской культуре, А. Х. Маргулан — к бегазы-дандыбаевской. Жезл представляет собой стержень, уплощенный сверху и округлый снизу. В средней части стержня на узкой стороне, в технике пикетажа, резьбы и шлифовки выполнено изображение человеческого лица. Верхний конец жезла оформлен в виде своеобразного нависающего над лицом выступа. Л. Р. Кызласов называет этот выступ головным убором. Здесь предлагается несколько иная интерпретация этой характерной детали.

При ближайшем рассмотрении можно заметить, что «выступ» в верхней части жезла напоминает силуэт барана. Изображение барана предельно обобщено и едва различимо, детали не показаны. Слегка выделены лишь рога и нос; легким углублением морда барана отделена от туловища. С левой стороны можно рассмотреть легкую гравировку отогнутого назад рога.

Наше предположение подтверждается существованием еще двух изображений барана, выполненных в аналогичной манере. Оба эти изделия также являются случайными находками и происходят из Северного Казахстана. Одно хранится в Северо-Казахстанском музее и представляет из себя плитку с изображением головы животного. Баран показан очень лаконично: его можно узнать только по наличию слабо выраженных рогов и характерному горбоносому профилю. Еще одно изображение барана в подобном стиле можно видеть на песте, хранящемся в Кустанайском музее и найденным рядом с многослойным поселением Бестамак. Близок к перечисленным предметам и пест из Минусинской котловины, хранящийся в Хельсинки и опубликованный А. М. Тальгреном (1938). Аналогичным образом — очень условно, едва различимым намеком — баран изображался на многочисленных стеллах из Центрального Казахстана (А. Х. Маргулан, 1979).

Косвенным доказательством того, что на семипалатинском

жезле изображен именно баран, могут служить следующие аргументы.

Семипалатинский жезл имеет некоторые аналоги. Еще Л. Р. Кызласов отметил его сходство с каменной бабой из Асочакова улуса в Хакасии (хранится в музее г. Абакана). На стеле из Асочакова улуса изображение выполнено на узкой стороне камня, а над лицом человека, так же как на семипалатинском жезле, нависает выступ. Те же особенности отличают каменную бабу из улуса Бельтыры в Южной Сибири, опубликованную А. Н. Липским (1955), и каменную бабу из селения Опак на Алтае, зарисованную в прошлом веке И. Р. Аспелиным. Таким образом, композиция, состоящая из изображения человеческого лица и расположенного над ним навеса, может считаться довольно устойчивой.

Способ изображения головы животного или человека на узком горце уплощенного камня отличает древние скульптуры Южной Сибири и Казахстана. Для Западной Сибири эта особенность не характерна — там скульптурные намерения располагаются на тержнях, имеющих округлое сечение.

В древнем искусстве юго-восточного региона евразийских степей часто встречается композиция, состоящая из изображения человеческого лица и расположенной над ним морды барана. Примером могут служить Верхнебиджинская и Бьюрская стелы из Южной Сибири. И хотя эти изображения выполнены в совершенно ином художественном стиле, важно само наличие подобных композиций, а значит, и неких идеологических представлений, которые были с ней связаны. Эти представления подробно рассмотрены Л. Р. Кызласовым (1986). Видимо, к подобному типу композиций следует отнести и перечисленные выше каменные бабы с навесами в верхней части. Кстати, одну из этих баб (из улуса Бельтыры) Л. Р. Кызласов также считает увенчанной оловой барана.

Подведем итоги:

1. В древних культурах восточного региона евразийских степей были распространены определенные представления о священной фигуре человека и барана, что, в частности, нашло отражение в искусстве южносибирских стел. Подобные представления, а соответственно, и связанный с ними способ их художественного воплощения, могли сохраняться в течение длительного времени и распространяться на довольно широкой территории.
2. Семипалатинский антропоморфный жезл по способу изображения лица на узкой грани уплощенного камня — должен быть отнесен именно к искусству степных территорий Казахстана и Южной Сибири.
3. Среди многочисленных изображений барана, найденных в

этом регионе, существуют и столь обобщенные, как на северо-казахстанской плитке, кустанайском песте и стелах Центрального Казахстана. По общим очертаниям эти обобщенные изображения очень похожи на верхнюю часть семипалатинского жезла.

Все это позволяет предположить, что выступ в верхней части семипалатинского жезла также является изображением барана.

Г. Б. ЗДАНОВИЧ,
Л. Л. ГАЙДУЧЕНКО,
г. Челябинск

ЗАПОВЕДНИК «АРКАИМ» — ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. В 1991 году по решению Совета Министров РСФСР на землях Брединского и Кизильского районов создан экспериментальный историко-ландшафтный музей-заповедник «Аркаим» — филиал Ильменского гос. заповедника. Расположен он в степной зоне у восточных склонов Уральских гор.

Заповедник Аркаим обладает значительной археологической источниковой базой. Здесь на площади около 4000 га зафиксировано более 50 археологических объектов. Это неолитические стоянки, несколько могильников и крупных поселений бронзового века, памятники сарматского и гунно-сарматского времени, культовые сооружения тюркской эпохи. На территории заповедника зафиксировано ряд объектов историко-этнографического характера. Достаточно хорошо сохранилась округа укрепленного поселения Аркаим — места для содержания скота, старицы-каналы, поля древнего земледелия.

Территория заповедника в значительной степени была подвержена современным технологическим воздействиям. Почти половина его площади распахивалась. Остальная территория представляет собой пастбища деградировавшие в результате превышения норм выпаса скота. Тем не менее, удаленность заповедника способствовала сохранению на его территории ядер растительных и животных степных сообществ.

2. В 1988—1991 гг. на территории Большекараганской долины в районе Аркаима проводились различные работы в области археологии, геоморфологии, геологии, палеоботаники, почвоведения, зоологии. С учетом первых результатов была разработана программа «человек и природная среда в позднем плейстоцене и голоцене» и определены два ведущих направления:

А. История изменения природной среды Южного Урала и соседельных территорий в голоцене.

Б. Антропогенные факторы воздействия на исторические биогеоценозы. Антропогенез и исторические формы природопользования.

3. Археологические раскопки на укрепленном поселении Аркаим дали надежные материалы по архитектуре, технологии строительства, фортификационным сооружениям и составили надежную основу для исследований в области истории общества и хозяйства в конкретных условиях степной экосистемы Южного Урала в первой половине I тыс. до н. э.

Дешифровка аэрофотоснимков залетов различных лет, а также космоснимков, позволили выявить целый ряд новых укрепленных поселений синташтинского типа и тем самым более точно чертить границы «арийской страны» Зауральяского пенетлена.

Одна из важнейших задач заповедника — проведение охранных мероприятий на вновь открытых центрах с отчуждением их территорий в заповедный фонд.

4. На территории Большекараганской долины сохраняется возможность восстановления большей части компонентов былого ландшафта (отдельных видов животных и растений и даже их сообществ). Могут быть восстановлены степные ценозы, участки смешанных лесов, луговые ценозы и приречные лесостепные заросли во всем многообразии их животного и растительного мира.

Заповедник «Аркаим» может стать практической школой экологических знаний для специалистов сельского хозяйства и экологического воспитания молодого поколения. Одновременно это научный полигон для отработки рациональных систем землепользования и научного прогнозирования развития сельского хозяйства XXI в.

Большой научный интерес и огромное практическое значение представляет разработка и внедрение технологии восстановления ландшафта, которые могут быть распространены на другие территории степной Евразии.

Аркаим как историко-просветительский центр имеет неограниченные возможности. Программа предусматривает осмотр археологических памятников в современном состоянии и в реконструкциях как материальной культуры, так и ландшафтной ситуации. Отдыхающим будет предложена широкая познавательная программа по происхождению и этнической истории современных народов Урала и Казахстана. Предполагается функционирование музея под открытым небом «Аркаим» с полным восстановлением архитектурных сооружений протогорода и хозяйственным комплексом XVII — XVI вв. до н. э. В состав просвети-

тельского центра будет включен казачий поселок Амур, Казахская зимовка XVII—XVIII вв. и музей природы и человека. В основу последнего будут положены археологические и этнографические коллекции, отражающие историю материального и духовного мира человеческих сообществ, проживающих в условиях степных и лесостепных экосистем Урала и Зауралья.

Р. Б. ИСМАГИЛОВ

г. Алма-Ата

ТАРГИТАЙ, ПРАРОДИТЕЛЬ СКИФОВ

В так называемой скифской версии легенды о происхождении скифов у Геродота (IV, 5—7) называется имя Таргитая, мифического прародителя скифов. Прямыми потомками Таргитая, согласно легенде, являются Липоксай, Арпоксай и младший Колаксай. От Липоксая будто-бы произошли племена авхатов, Арпоксая — катиаров и траспиев и, наконец, Колаксая — паралатов. Чудесными дарами (золотые плуг с ярмом, секира и чаша), упавшими с неба, по божественному предопределению удалось овладеть Колаксаю, которому и было передано управление всем царством. Царство было очень большим, и Колаксай разделил его между тремя своими сыновьями.

Господствующая среди исследователей историографическая традиция при анализе легенды исходит из предположения, во-первых, о социальном значении сообщаемых сведений (троичное деление скифского общества на сословия воинов, жрецов и рядовых общинников), во-вторых, об автономном, северопричерноморском ее происхождении и, в третьих, об индоевропейском (иранском) характере легенды в целом и ее эномастики в частности. Все эти положения, на мой взгляд нуждаются в существенных коррективах или даже пересмотре.

1. В древнейших письменных источниках, восходящих ко I тыс. до н. э. (Ригведа, Авеста и др.), действительно, имеются сведения о социальной неоднородности индоарийского и древнеиранского обществ. Однако факты, извлеченные из морфологических и иных текстов скифского времени отражают реалии совершенно иной — «героической» — эпохи, основным содержанием которой становятся не «классовые» противоречия внутри общества, а вооруженное противостояние отдельных обществ между собой. Добавим к этому, что названия ряда племен, фигурирующих в «скифской» версии (авхаты, катиары, паралаты), другими источниками (Плиний, Страбон, Шахнаме) перечисляются как в областях Средней Азии, так и Европы.

Этническая сущность приводимой Геродотом легенды еще существеннее отражена в так называемой греческой версии (IV, 5—10). Скиф, Агафирс и Гелон, следуя этой легенде, прямо названы эпонимами различных народов Северного и Западного Причерноморья. Объяснить этот факт можно, только допустив, что в источнике речь идет о политическом подчинении туземных

(фракийских и западноиранских?) племен пришлыми восточными иранцами, скифами.

Для подтверждения мысли о социальном значении данных, заключенных в иранской традиции, обычно приводится пример из Шахнаме Фирдоуси и «Деяния веры» (изложенного в Бундахишне и Денкарде). В них рассказывается о разделе мира Феридуном между своими сыновьями — Сельмом, Туром и Иреджем. На мой взгляд, и этот пример свидетельствует об этнической неоднородности иранского общества, поскольку старший сын Феридуна, Сельм (олицетворение богатства) получает при разделе земли Рима («Запад и Рум»; средний, Тур (воинская доблесть), — Туркестана («Китай и Туран»); и, наконец, младший, Иредж («закон и религия»), — Ирана и верховную власть над миром и братьями («Пустыня бойцов и Иран»).

2. «Скифская» версия легенды о происхождении скифов почти единодушно признается местной, северопричерноморской. Ее обычно связывают с древним оседлоземледельческим субстратом западной, так называемой Древней или Архаической Скифии Геродота (IV, 99), ссылаясь при этом на указание о тысячелетнем возрасте скифского народа (от момента рождения до нападения Дария) и на убеждение о местном характере божества — дочери Борисфена, являющейся супругой Зевса и матерью Таргитая.

Однако оба эти обстоятельства вовсе не так однозначны, как это может показаться поначалу. Во-первых, Дарий с персами вел свои войны против скифов не только европейских, но и среднеазиатских, а во-вторых, версия Диодора локализует Ехидну «не в Приднепровье, а в Предкавказье, в области, где начиналась скифская история в Восточной Европе», и, следовательно, «скифы могли изменить локализацию своего божества по мере продвижения на запад» (Хазанов, 1975, с. 42). Правда, последней возможности как-будто противоречит тот факт, что, по Геродоту, «...родители этого Таргитая, как говорят (на мой взгляд, их рассказ недостоверен (разрядка моя — Р. И.), но они все же так говорят), Зевс и дочь реки Борисфена» (IV, 5), причем Таргитай родился на земле, бывшей до этого пустынной. Недоверие Геродота я отношу именно к противоречивости информации о тысячелетнем возрасте скифского народа, рожденного, якобы, в Приднепровье.

На мой взгляд, в скифо-сарматское время в Северном Причерноморье существовала не одна, как полагает Д. С. Раевский (1977), а две мифологические традиции: собственно скифская («греческая» версия Геродота) и сарматская («скифская» версия). Обе они были миграционные, но вторая проникла в Поднепровье из Семиречья лишь в третьей четверти V в. до н. э.

вместе с их носителями — царскими скифами Геродота (Исмагилов, 1922).

3. Исследованиями отечественных ученых установлен иранский характер имен сыновей Таргитая — Липоксая (Гора—царь), Арпоксая (Глубь—царь) и Колаксай (Солнце—царь) (см. Расевский, 1977, с. 62 сл.). Меньшее внимание коллег привлекло характерное окончание всех этих имен — «сай». Я имею в виду не значение этой частицы, переводимой как «царь», а полное ее совпадение с одним из названий пришельцев-сарматов — царскими скифами Геродота, что является, в свою очередь, калькой с имени исторических саев, зафиксированных в ольвийском декрете III в. до н. э. в честь Протогена.

Имя родоначальника скифов, Таргитая, лучше всего, на мой взгляд, объясняется из общетюркского: Та (е) нгри атай «Владыка неба» с утратой «н» и с характерной для иранского метатезой «р» и «г» в первом из этих слов.

Наличие мощного пласта тюркских имен в скифо-сарматской ономастике в последние годы выявляется все более отчетливо (Мизиев, 1986; работы Исмагилова (1987—1992 гг.)). Это обстоятельство заставляет нас пристально взглянуться в отвергнутую наукой гипотезу о принадлежности скифов к алтайской языковой семье.

В. И. МОЛОДИН,
Д. В. ЧЕРЕМИСИН
г. Новосибирск

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА И САЯНО-АЛТАЯ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

(по материалам петроглифов)

Изучение археологических памятников эпохи раннего железа как в Казахстане, так и на территории Саяно-Алтая, озаглавленное открытиями мирового значения: Пазырыкские курганы (Руденко, 1953, 1960), Иссык (Акишев, 1978), Аржан (Грязнов, 1980), позволило решить ряд проблем этно- и культурогенеза, палеоэкономики, социальной структуры древних обществ. В какой-то мере исследователями была затронута и проблема культурно-исторических связей обитателей этих огромных регионов, прежде всего, проявившихся в ряде нюансов погребальной обрядности, таких как сооружение катакомб в погребальных камерах, единодушно связываемых исследователями с инфильтраци-

ей сакского населения на восток (Суразаков, 1980; Могильников, 1983).

К числу археологических реалий, нередко ярко отражающих культурно-исторические связи, можно отнести и наскальные изображения. Важность данного источника для реконструкции контактов различных этнокультурных групп заключается в том, что петроглифы непосредственно фиксируют передвижение носителей определенных изобразительных традиций.

С этой точки зрения безусловный интерес представляет комплекс петроглифов г. Кызыл-Тас в урочище Бертек на высокогорном плато Укок (Бертекская писаница). На скалах компактно сконцентрированы около 150 изображений. К наиболее ранним относится изображение оленя в стиле, характерном для оленных камней и петроглифов Монголии и Восточного Саяна. Оно является, на сегодняшний день, самым юго-западным в Горном Алтае; западнее, уже на территории Казахстана и Средней Азии, известны лишь несколько пунктов с изображением «клювовидных» оленей: Бугытас и Мойнак в Восточном Казахстане (Тарбагатай), Саймалы-Таш (Внутренний Тянь-Шань), Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) и Джингильчак (Каратау) Аманжолов, 1956; Самашев, 1984; Марьяшев, Рогожинский, 1987). Западная граница подобных изображений, отмечающих миграции на территории Казахстана и в Семиречье через юг Горного Алтая на рубеже II—I тыс. до н. э. «или чуть раньше» (Самашев, Шер, 1987) групп центральноазиатского или саяно-алтайского населения, проходит по южному склону хребта Каратау.

Таким образом, наскальные изображения свидетельствуют о направлении связей между районами Алтая и Казахстана на рубеже эпохи бронзы и раннего железа с востока на юго-запад, из Центрально-азиатского региона в направлении Семиречья.

Основной массив петроглифов Бертека отражает и встречный распространению «клювовидных» изображений оленя импульс. Об этом свидетельствуют многочисленные изображения верблюда-бактриана, несомненно указывающие на южное и юго-западное направление связей.

Двугорбые верблюды Бертекской писанины отмечены стилизацией в манере, близкой «аржано-майэмирскому варианту» эвезиного стиля. Аналогичным образом стилизованы изображения других персонажей комплекса — оленей, горных козлов, быков (поза «внезапной остановки», треугольный выступ над лопаткой и т. п.). Компактность памятника, почти полное отсутствие палимпсестов, стилистическое единство свидетельствуют об одновременности нанесения изображений в центральной части скалы. При этом такие сюжеты, как «человек, ведущий в поводу верблюда» и «всадник на верблюде» уходят корнями в искусство

населения Средней Азии и Казахстана эпохи бронзы (Букантау, Каратау, Тамгалы, Саймалы-Таш, Ешкиольмес и т. д.). Изображения верблюдов в поводу, под всадником, в колесной упряжке, с путами на ногах и т. п. дают основание полагать, что прототипом образа двугорбого верблюда служило domesticированное животное, а сюжеты с его участием относятся к культовой сфере.

Домашний верблюд-бактриан, возможно, является персонажем сейминско-турбинской изобразительной традиции в петроглифах, в которой выделившие ее исследователи предлагают видеть истоки сакского звериного стиля (Пяткин, Миклашевич, 1990). Близкие иконографическим канонам этой традиции изображения верблюдов известны в центре пустыни Кызылкум (Букантау, Урочище Аркар (Оськин, 1976; 1981, рис. 21), а наибольшее количество подобных изображений верблюда происходит из районов Центрального и Восточного Казахстана. Возможно, именно здесь в раннесакский звериный стиль переходит образ домашнего верблюда-бактриана, а также сюжеты, связанные с этим образом. В целом же, для искусства звериного стиля характерно господство персонажей диких животных. В Саяно-Алтае изображения верблюда достаточно редки, однако их наличие, по-видимому, является свидетельством отмеченного выше направления связей (Елангаш, Чаганка, Бичигтын-Ам, Тэбш-сомон и т. д. (Окладникова, Запорожская, Скорынина, 1980; Кубарев, 1975; Novgorodova, 1980; Окладников, 1980).

Стиль петроглифов Бертека, близкий «аржано-майэмирскому варианту» звериного стиля и отражающий, на наш взгляд, его развитие во времени, позволяет датировать изображения Кызыл-Таса в рамках VII—VI вв. до н. э. Эта дата обусловлена тем, что материалы комплекса представляют раннескифский пласт наскальных изображений в виде органичного сплава восточной (Саяно-Алтайской) и западной или юго-западной культурной традиции. Для своеобразного синтеза исходных составляющих, обусловившего характер комплекса, который можно определить как синкретичный, требовалось определенное время.

Изображения Ур-Марала (Таласская долина), очевидно, более ранние по сравнению с Бертеком, являют «аржано-майэмирский» стиль на юге в несравненно более «чистом виде» (Гапоненко, 1963; Шер, 1980). Между тем, и в этом памятнике местными по происхождению образами являются быки и верблюды. Наиболее убедительно синтез западных и восточных традиций проявляется в рождении образа «оленья-верблюда» — фигура самки марала переинтерпретирована как изображение верблюда.

Петроглифы Ур-Марала, по Я. А. Шеру, являются свидетель-

ством второй волны миграций с востока, принесшей на запад «аржано-майэмирский вариант звериного стиля» (Шер, 1979); в Бертеке, на наш взгляд, отмечается движение в обратном направлении населения, усвоившего эту манеру.

Помимо образа верблюда, другим персонажем, свидетельствующим о внедрении с запада на территории Горного Алтая, являются изображения оленей с подогнутыми под брюхо ногами, обнаруженные в петроглифах Бертека. Подобная трактовка образа оленя крайне редко встречается в наскальных изображениях юга Горного Алтая (Окладников и др., 1979; Окладников, Окладникова, 1985).

Не исключено, что данные изображения воспроизводят трактовку этого образа в металлопластике раннесакских комплексов Казахстана (Черников, 1968; Вишневская, 1973; Акишев, 1978). Важно подчеркнуть, что подобные произведения в металле практически отсутствуют в захоронениях пазырыкской культуры Горного Алтая, но известны в деревянной резьбе: олени, сайгаки, домашние двугорбые верблюды с подогнутыми под туловище ногами (диадемы, эгреты — погребальная атрибутика пазырыкцев) (Кубарев, 1987; 1991). При этом, к востоку от Алтая этот изобразительный канон широко представлен и в пластике (погребальные комплексы тагарской культуры) (Членова, 1962; Бобров, 1976) и в петроглифах.

Усматривая иконографические истоки данного изобразительного канона в «стиле оленных камней», мы, тем не менее, полагаем, что для Горного Алтая подобная манера изображения оленей может быть связана именно с западным импульсом из Казахстана в более позднее время.

Таким образом, в первой половине I тыс. до н. э. связи между Алтаем и Казахстаном были обоюдными. Особенно отчетливо они проявились в пограничных районах Южного Алтая и Восточного Казахстана. В наскальных изображениях Бертека налицо традиции трех крупных регионов: Центрально-Азиатского, Саяно-Алтайского и Среднеазиатского. Естественное расположение плато Укок на границе этих своеобразных историко-культурных зон пояса гор и степей Евразии обусловило особенности историко-культурного развития микрорайона. В глубине каждой из метрополий эти контакты отмечаются слабее, что лишний раз свидетельствует о своеобразии и самобытности населения Центральной и Средней Азии, а также Южной Сибири в эпоху раннего железа.

**КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ
ГОРОДИЩА ЖУВАНТОБЕ КОНЦА VII—VIII вв. н. э.
И ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ НЕКОТОРЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ
СООРУЖЕНИЙ БОРИЖАРСКОГО МОГИЛЬНИКА**

Несмотря на то, что на городище Жувантобе и расположенном рядом с ним Борижарском (Бурджарском) могильнике в среднем течении Арыси, дважды велись стационарные раскопки, вопросы датировки наусов остаются дискуссионными.

Полученные на катакомбах Борижарского могильника и при раскопках на «кольцевом рабаде» городища Жувантобе материалы, относящиеся по времени существования на средней Сырдарье и Арыси отарско-каратауской культуры, сопоставляемой в этнополитическом плане с государством Кангюй и кангюями, требуют дополнительных исследований для подтверждения нижних дат сложения этих памятников, а также выделения отдельных этапов в их генезисе.

Археологическая экспедиция Чимкентского областного историко-краеведческого музея в рамках работ археологической экспедиции по изучению городов Института истории археологии и этнографии АН КазССР в 1991 году продолжала раскопки на цитадели городища Жувантобе и отдельных погребальных сооружениях Борижарского могильника. Раскоп 2, заложенный в 1989 году, в северо-восточном секторе цитадели, на начало археологических работ 1991 года, имел площадь 400 кв. м.

В раскопе было вскрыто шесть помещений прямоугольной формы, объединенных общим коридором. Помещения верхнего строительного периода (ВСП) по уровню полов залегают на глубине 1,35 м от условного нуля. Стены помещений сохранились в среднем на высоту 1,0 м.

Основным датирующим материалом ВСП явились керамические изделия, аналогичные группе керамики, получившей в литературе название «кангарской», терракотовая статуэтка «согдийского облика» и бронзовая монета Шашского чекана, на аверсе которой изображен лев, на реверсе — вилообразный знак или «тамга-трезубей» с окружающей ее надписью на согдийском языке.

«Кангарская» керамика датируется исследователями второй половиной VII — первой половиной IX вв. (Байтпаков, 1986, с. 58, с. 59, рис. 12).

Выпуск монет Шаша, аналогичных найденной в раскопе цитадели, вероятно, начался в начале VI в. (Смирнова, 1981, с. 52).

С учетом всего комплекса предметов из слоя, мы датировали ВСП VII—VIII вв.

На участке площадью 365 кв. м, прирезанном с севера к раскопу 2, культурный слой ВСП, как показали исследования, практически уничтожен мусорными ямами и, вероятно, грабительскими раскопками, поэтому раскоп был развернут не только «вширь», но и «вглубь» и доведен до отметки — 2,8 м.

В раскопе 1991 года выявлены в фрагментах сооружения двух нижележащих строительных периодов, залегающих, соответственно, на глубине 1,8 (культурный слой 2) и 2,4 м (культурный слой 3).

Из сооружений в культурном слое 2 (Кс2) сохранились углы двух помещений и прямоугольная печь с примыкающей к ней суфой.

В культурном слое 3 (Кс3) зафиксированы остатки двух стен, одна из которых примыкает к крепостной стене, прямоугольная печь размерами 1,5×0,9 м, два помещения за крепостной стеной, полы которых залегают на глубине 2,8 м, но соединяются с отметкой 2,4 м (Кс) лестничным маршем.

Находка (Кс2) монеты тюргешей с квадратным отверстием по середине и согдийской надписью на одной стороне и стилизованным руническим «ат» на другой, позволяет датировать слой не ранее 30-х годов VIII в. (Смирнова, 1981, с. 61).

За нижнюю дату культурного комплекса (Кс3) (с керамическими изделиями «согдийского облика», перекрытого слоем с материалами 30-х годов VIII в., вероятно, следует принять вторую половину или конец VII в.

В свете новых данных ВСП следует датировать последней третью — концом VIII в.

Керамический материал трех культурных слоев или строительных периодов находит прямые аналогии в памятниках, находящихся на обширной территории: на востоке — в керамическом комплексе Тараз из четвертого строительного периода, на западе — Согда, на севере — в материалах куйрукского археологического комплекса и стратиграфического шурфа Отрара, на юге — в материалах Ташкентского оазиса и городища Шаушукмтобе.

Таким образом, в ходе работ 1991 года, получена стратиграфическая колонка для конца VII — начала IX вв., подтверждающая тезис о складывании в VI — первой половине IX вв. тюркско-согдийского комплекса или единообразия городской культуры Согда, Маверанахра, Южного Казахстана и Семиречья (Байпаков, 1986, с. 95).

Вместе с тем необходимо отметить, что к 30-м годам VIII в. ослабевают связи с Согдом (керамика «согдийского облика» в

Кс2 и ВСП не встречена) и устанавливаются более тесные связи с Отрарским оазисом и юго-западным Семиречьем VIII в. («кангарская» керамика, монеты тюркшей).

В 1991 году на Борижарском могильнике вскрыты следующие погребальные конструкции: три площадки на уровне дневной поверхности, семь впускных погребений в могильных ямах западной половине кургана насыпанного над наусом 2 и сам наус 2.

Материалы из погребений на площадках на уровне дневной поверхности и могильных ям датируются VII—VIII вв. (Байпаков, 1986, с. 48; Овчинникова, 1990, с. 48).

Наус 2 был разграблен в древности. В нем был зафиксирован кувшин с носиком, по Байпакову (Байпаков, 1986, с. 47), или кувшин с цилиндрическим носиком-сливом и профилированным венчиком, имеющий прямые аналогии в керамическом комплексе Алтынтобе (Байпаков, Подушкин, 1989, табл. III, 102, 120).

Кувшины этого типа датируются исследователями в широких пределах, с I по VI вв.

Кувшины с цилиндрическим носиком-сливом, но с вертикальным, подтреугольным в плане венчиком, получены из погребений на площадке на уровне дневной поверхности и могильной ямы и датируются вместе с другими материалами, как отмечалось выше, VII—VIII вв.

Вероятно, бытование кувшинов с цилиндрическим носиком-сливом можно ограничить концом VII вв., так как в Кс2 и ВСП они не зафиксированы.

С конца VII в. им на смену приходят водосносные кувшины без цилиндрического носика-слива, большинство из которых крашено рифлением по горловине, выполненного с помощью ребенки.

Полученные в ходе раскопок материалы, в настоящее время не дают оснований для сужения датировки наусов. Вероятно, наусы приходят на смену погребениям в катакомбах в конце VI — начале VII вв. и бытуют до конца VIII в., то есть до прекращения жизни на городище.

Появление новых типов погребений в могильных ямах и на площадках на уровне дневной поверхности, которые предварительно датируются VII—VIII вв., вероятно, можно увязать с взаимодействием новых этнических групп, пришедших с востока.

Для выделения тапов генезиса катакомб и погребений на площадках на уровне дневной поверхности и могильных ямах требуются дальнейшие работы на городище Жувантобе, с целью получения стратиграфической колонки, материалы из которой будут являться надежными реперами для их датировки.

**ВЗАИМОСВЯЗИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ,
СЕВЕРНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI—V ВЕКАХ ДО НОВОЙ ЭРЫ**

Во второй половине VI—V вв. до н. э. ранние кочевники Южного Зауралья, несмотря на очень тесные взаимосвязи с номадами Южного Приуралья, являлись, как и в предшествующее время составной частью тасмолинской историко-этнографической общности. По-прежнему сохраняются разнообразные (экономические, политические, торговые и т. п.) связи с племенами Северного и Центрального Казахстана, обусловленные пастбищно-кочевой системой. Номады же Центрального Казахстана являлись тем звеном, которое соединяло южно-зауральские племена с населением Семиречья, Киргизии, Восточного Казахстана и Алтая. Однако новая историческая ситуация, сложившаяся в конце VI — начале V вв. до н. э. в Средней Азии и на Южном Урале, привела к тому, что постепенно на первый план выступают взаимоотношения с кочевниками Южного Приуралья и Приаралья, древними государствами Средней Азии, прежде всего — Хорезмом. Уменьшение удельного веса центрально-казахстанского направления связей определялось, по-видимому, и тем, что населению Южного Зауралья постепенно становится все более независимым в получении цветного металла от кочевников Казахстана. Потребности в нем все полнее удовлетворяются теперь за счет племен Зауральской лесостепи. Спектроаналитическое изучение цветного металла VII—V вв. до н. э. с памятников Челябинской области показывает постоянное увеличение в нем доли изделий из металла зауральских месторождений.

Постепенное перемещение, для номадов Южного Зауралья, значения связей с Северным и Центральным Казахстаном на второй план демонстрируют и материалы погребальных комплексов. Наибольшее количество аналогий в памятниках этих территорий (или вообще сакского мира, исключая Приаралье и Среднюю Азию) дают наиболее ранние погребения — вторая половина VI — первая половина V вв. до н. э. В памятниках же V — рубежа V—IV вв. до н. э. таких аналогий уже почти нет. При решении вопросов взаимосвязи племен рассматриваемых регионов, мы вынуждены оперировать только погребальным инвентарем, так как проследить проявление этих связей в погребальном обряде, за редким исключением весьма сложно. Многие черты погребальной обрядности южно-зауральских племен, близкие обрядам кочевников Казахстана, имеют местные истоки — в погребениях предшествующего времени. Другие же, погребения на

горизонте, подкурганные надмогильные конструкции из дерева и их сожжение, керамика в могильной яме и т. п., могут быть сопоставлены с таковыми как Казахстана, так и Приаралья и Средней Азии.

Среди предметов погребального инвентаря второй половины VI—V вв. до н. э. из Южного Зауралья, имеющих многочисленные аналогии в памятниках сакского круга Казахстана, следует отметить бронзовые удила со стремевидными окончаниями, уздечные бляшки с петлей на обороте, детали конской узды с орнаментом в стиле солярно-вихревой розетки, бронзовые наконечники стрел: с рассеченной (лапчатой) втулкой, ромбического сечения втульчатые, двухлопастные со скрытой втулкой, кинжалы с навершием в виде противопоставленных голов ушастых грифонов или кошачьих хищников и другие. В «зверином» стиле южно-зауральских номадов есть мотивы и особенности трактовки, связанные со «звериным» стилем кочевников Казахстана и Алтая (изображая архара и козла, произведения искусства, выполненные в манере «загадочной картинки» или «головоломки» и т. п.).

Связи ранних кочевников Южного Зауралья с племенами Казахстана и более восточных областей не были односторонними. Различного рода контакты, в том числе и военно-политические, с южно-зауральским населением, входившим в этнокультурное объединение номадов Южного Урала, способствовали быстрому распространению среди кочевников Казахстана, а через них и уряда племен востока степной Евразии, трехлопастных и трехгранных втульчатых наконечников стрел, нового типа конской узды — однокольчатые удила в сочетании с двудырчатыми псалиями, которые появляются и распространяются на этих территориях, также как и на Южном Урале, не ранее второй половины VI в. до н. э.

Здесь следует отметить, что для Южного Урала и областей к западу от него характерны железные удила, у которых окончания петельчатые, то есть загнутые в петлю. Для восточных же районов степной Евразии характерны удила с однокольчатым окончанием, которые встречаются здесь еще в предшествующее время. Однако сочетание их с двудырчатыми псалиями, бронзовыми или железными, фиксируется лишь с середины VI в. до н. э. Видимо, при создании узды нового типа, местные племена позаимствовали лишь идею двудырчатых псалиев, используя уже существующий тип удила. Кочевники Южного Урала восприняли с Запада не только двудырчатые псалии, но и петельчатые удила. Даже изготовленные из бронзы они имеют не кольчатые, а петельчатые окончания.

Отмечается и определенное влияние «савроматских» форм

на развитие оружия ближнего боя (мечи и кинжалы) к востоку от Урала.

При анализе взаимодействий ранних кочевников Южного Зауралья и племен Северного и Центрального Казахстана и более восточных областей степной Евразии прослеживается определенная тенденция в их развитии. С конца VI в. до н. э. идет процесс постепенного усиления воздействия южнозауральского (шире — южноуральского) населения на материальную культуру и, отчасти, погребальный обряд их восточных соседей. Эта тенденция находит свое завершение в своеобразной «сарматизации» всей их культуры в IV—II вв. до н. э.

С. Ю. ГУЦАЛОВ
г. Актюбинск

ЯРУСНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЛЕКА И ПРОБЛЕМА СЛОЖЕНИЯ САВРОМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Могильник Танаберген II располагался на широкой площадке первой надпойменной террасы левого берега р. Илек, в 2 км к югу от впадения в него р. Танаберген. Центральный в группе курган № 1 имел высоту 0,9 м, диаметр — 26 ... 32 м. Основная в нем могила № 15 относилась к ямному времени. Насыпь над ней неоднократно перекрывалась выкидами и досыпками над впускными могилами бронзовой эпохи. Стратиграфия их четко следилась по трем бровкам меридианальной ориентации. Более поздние могилы №№ 8 и 9 по совокупности обряда и инвентаря относятся к XIV—XII вв. до н. э. В центре древний курган прорезан могилой № 13. Сверху над ней следилась наброска из каменных плит, перекрывавшая также соседнюю могилу № 11. В ней лежал вытянуто на спине, головой на запад скелет взрослого человека, сопровождавшийся костями овцы. В могиле № 13 расчищены скелеты двух взрослых людей: один вытянутый, второй — скорчено на левом боку. Покойников сопровождали кости овцы. На дне ямы вдоль северной стенки был прорыт подбой в виде сводчатой камеры высотой 80 см и размерами 1,4×2,2 м. Вдоль северной стенки подземной камеры лежал вытянуто на спине головой на запад скелет взрослого человека без инвентаря. Насыпь, оформившаяся в результате совершения описанного захоронения, оконтуривалась вертикально поставленными каменными плитами. Позднее в курган были впущены могилы №№ 18 и 7, соответственно савроматского и раннесарматского

времени, что позволяет датировать погребения в могилах №№ 11 и 13 в промежутке между XII и VI вв. до н. э.

Данная находка тем более интересна, что в последние годы на р. Илек, на аналогичных по топографии памятниках, открыт ряд погребений ярусного типа. Сюда относятся двухярусные могилы в курганах №№ 2 и 3 могильника Танаберген II, в кургане № 35 могильника Восточно-Курайли I; трехярусные — в кургане № 2 могильника Кызыл-Жар и в кургане № 13 могильника Восточно-Курайли I. Погребальный инвентарь в совокупности с обрядом захоронения не оставляет сомнений в их принадлежности к «савроматской» культуре конца VI — середины V вв. до н. э.

К. Ф. Смирнов, рассматривая богатые захоронения VI—V вв. до н. э. под Орском, без какой-либо дополнительной аргументации, посчитал обряд совершения ярусных и последовательных захоронений заимствованием у оседлых племен, указав на широкое его распространение на Кавказе. В то же время Е. Е. Кузьмина, опираясь на данные Авесты и Ригведы, предполагает существование у носителей культур поздней бронзы волжско-уральских степей «трех социальных классов, что нашло отражение в погребальном обряде. Социальная структура кочевых обществ, вне зависимости от их географического местоположения, в целом носит трехчленный характер, что подтверждается этнографическими данными (Анри Лот, 1989). У кочевников выделяется три основных страта: воины-вожди, жречество и рядовые общинники. Иногда вожди опирались и жреческие функции. То есть можно констатировать, что социальные основы идеологии, подразумевающий трехчленный характер мирового сообщества, возникли среди степных культур Южного Приуралья еще в эпоху бронзы. Кстати, ближайшие аналоги танабергенскому погребению находятся в непосредственной близости: могила № 44 могильника Тасты-Бутак I в среднем течении р. Ор, ярусные погребения на Ушкате и в Атакен-сае. В принципе, географически и хронологически близки им отдельные аналогичные памятники поздней бронзы Северного Казахстана и Нижнего Поволжья (Хлобыстин М. Д., 1982). Нет сомнений в том, что ярусные погребения Южного Приуралья имеют глубокие местные корни и являются проявлением социального аспекта жизни кочевых племен. Ярусное погребение на Танабергене — своего рода связующее звено между подобными памятниками эпохи бронзы и раннего железа.

В указанном памятнике имеет место синтез двух погребальных традиций. Это заставляет обратить внимание на известную мысль М. И. Ростовцева, что «скифы в своем движении на запад все совсем миновали Приуралье, либо вовсе не задерживались в нем», удержав население Южного Приуралья в сфере сво-

его культурного влияния. Последнее же было невозможно без политической и одновременно идеологической зависимости приуральских кочевников скифам. Данная форма взаимоотношений не является в истории степей Евразии явлением уникальным. Более того, исследователи склонны видеть в нем обобщающий характер, обязательный для различных эпох. Примечательно, к кочевникам Казахстана позднего средневековья и Нового времени оно получило название чингисизм. Причем, одной из особенностей последнего было то, что верхушка покоренного народа в первую очередь перенимала идеологию завоевателей (Юдин В. П., 1983). Думается, что рассматриваемые выше памятники и являются отражением указанного процесса.

Таким образом, ярусные погребения савроматского времени Южного Приуралья следует рассматривать, как продолжение традиций культуры срубно-алакульских племен позднебронзового века и имеющих истоки в социально-идеологических реалиях кочевников Казахстана.

В. Н. МЫШКИН
г. Самара

КОНСТРУКЦИЯ КУРГАННОЙ НАСЫПИ И «ТРИЗНА» КАК ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

1. При исследовании памятников ранних кочевников Южного Приуралья в центре внимания неизменно оказываются погребения — основной структурный и смысловой элемент курганов. Многие же детали, характеризующие конструкцию насыпи и особенности совершавшихся «тризн», либо вообще не учитываются, либо рассматриваются в отрыве от общего контекста обрядовых действий. В то же время, в археологической литературе неоднократно отмечалось, что при их изучении можно получить данные для реконструкции некоторых аспектов культуры древних обществ, включая способы символического моделирования их социальной стратификации (см., например: Пяткин Б. Н., 1987; Топоркова А. В., 1989; Генинг В. Ф., Бунятян Е. П. и др., 1990). В этой связи интересными представляются результаты анализа 190 курганов савроматского времени, раскопанных в Самаро-Уральском регионе.

2. Рассматривая размеры курганных насыпей (выраженные в значениях объема), можно выделить в пределах общего массива три группы памятников. К «большим» отнесены курганы с насыпями, высота которых варьирует в пределах от 1 до 4 метр

ов, а диаметр — от 22 до 60 метров. В число «средних» включены памятники высотой от 0,6 до 1,6 м и диаметром от 15 до 26 м. В группу «малых» объединены курганы высотой от 0,1 до 1,1 м диаметром от 3,4 до 26 м.

3. Корреляция размеров курганов с их конструктивными особенностями, остатками «тризн» и жертвоприношений, осуществлявшаяся при помощи вычисления коэффициента ассоциации Кэндалла (Кэндалл М., Юл. Дж., 1968), дала следующую картину.

Для больших курганов характерна обкладка насыпи камнем; практически, обязательно сооружение кольцевого или полукольцевого глиняного вала вокруг погребальной площадки; типичны подрезка почвы вокруг могильной ямы; наличие «жербенных» ям; слои куги, камыша или хвороста, застилающие обширное пространство под насыпью; дополнительные ее досыпки, а также наличие групп камней, образующих небольшие площадки. Возможно, что с большими размерами насыпи связано сооружение каменных колец-крепид у основания курганов. Такие признаки, как наличие сосудов или их фрагментов под насыпью, помещение на погребальной площадке сруби, отдельных частей туши лошади взаимосвязаны именно со значительными по своим размерам курганами. Характерно размещение частей лошади к югу и востоку от центрального погребения. Сопромогающие захоронения людей и лошадей, а также помещение отлов является специфичными только для этой группы памятников.

Для «средних» курганов, в целом, не характерны ни усложненная насыпь, ни остатки «тризн». Все признаки, описывающие эти стороны обрядовой практики кочевников, судя по значениям коэффициента ассоциации, не связаны с данными параметрами насыпей.

Как особенность малых курганов можно рассматривать каменные насыпи. Все остальные элементы обряда, связанные с сооружением насыпей и «тризнами», показали устойчивую тенденцию к сильным взаимоисключающим связям с небольшими размерами насыпей.

4. Различия между выделенными группами курганов можно объяснить, прежде всего, воздействием фактора социальной стратификации. Величина курганных насыпей отражает количество сил коллектива, затрачиваемое на их возведение. При этом, связь социального статуса умершего с монументальностью погребальной конструкции, сооружаемой для него, могла иметь две стороны. Одна из них — знаковая, когда размеры надмогильного сооружения входят в систему символического обеспечения социальной иерархии. Вторая — опосредованная, когда они в

сознании людей не связывались со статусом погребаемого, но объективно отражали масштабность и важность его социальных связей. Семантика некоторых обрядовых действий и применявшихся при этом вещей (сопровождающие человеческие захоронения жертвоприношения коней, использование котлов, ритонов, гривн) также связана с обозначением социального ранга.

Являясь индикаторами высокого социального положения, они специфичны только для тех памятников, чьи насыпи объединены в группу «больших». Отметив, что именно для данных курганов характерны богатые погребения, можно уверенно соотнести их со слоем кочевнической знати. Следовательно, остальные черты обряда, составляющие особенность больших насыпей (см. пункт 3), должны также рассматриваться как проявления субкультуры элитарных слоев общества.

Курганы, имеющие малые насыпи и отличающиеся простой конструкции, коррелируют с погребениями, стандартными по своим обрядовым характеристикам. Они могут быть охарактеризованы как памятники, оставленные рядовым населением.

Группа «средних» курганов является либо отражением не поддающихся пока интерпретации социальных структур, либо результатом воздействия целого ряда факторов, «корректировавших» влияние общественной дифференциации.

5. Отмеченные различия, в основе которых лежит социальная иерархия, необходимо учитывать при сравнительном анализе погребальной обрядности кочевников Южного Приуралья и населения других регионов евразийских степей.

А. НУРЖАНОВ,
Н. ЗАГОРОДНЕВА
г. Алма-Ата

РЕСТАВРАЦИЯ В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ РЕЗНОГО ШТУКА ИЗ ОБЪЕКТА ЛУГОВОЕ I

Резной штукатурки обнаружен в одном из 18 помещений объекта. Это — парадный коридор, ведущий в центральный зал храма. На стенках, за исключением фрагментов, штукатурки не сохранилось. Основная его масса находилась в слое мощностью 1,3 м, датированного VII—VIII вв. н. э. Длина коридора 9,5 м, ширина 3,3 м. Размеры помещения говорят о значимости сохранившихся объектов, или фрагментов штукатурки хотя многие из них сильно пострадали.

Штукатурка из массовой глины светлого тона, хорошо отмученная с добавлением органических клеящих составляющих.

что видно по крапчатой поверхности. Сверху штукатурка покрыта клеевыми красками красного, черного, бежевого цветов, сохранившиеся лишь незначительными полосками.

При последующих перестройках резьба была затерта ганчем, что возможно и помогло ей сохраниться при падении с большой высоты.

Поражает многообразие орнаментальных мотивов штука и техники выполнения, это и глубокая резьба 1,5 см и более, и сграфито, и скульптурные элементы, и терракотовые головки.

В период раскопок, при выемке из завала фрагментов резной штукатурки (лежащих «лицом» вниз), для закрепления применялся метод, разработанный реставраторами Эрмитажа, основанный на пропитке растворами полимера. В данном случае применялся раствор полибутил-метакрилата в ксилоле для глубокой пропитки с соблюдением рекомендаций технологии, а также раствор ПМБА в ацетоне для поверхностного закрепления.

В полевых условиях этот метод доказал свою универсальность.

Л. Б. Ерзакович
г. Алма-Ата

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ЖИЛОГО ДОМА ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ОТАРА

1. Исследования средневекового Отара (Кзылкумский р-он) Чимкентской обл.) установили существование традиционного жилища, для которого характерна жилая комната с суфой почти по всей площади, кроме участка у дверного проема. В суфе установлен многофункциональный тандыр с длинным дымоходом, проложенным в суфе до ближайшей стены. Уверенно реконструируются плоские перекрытия с опорным столбом в центре помещения. Дом включает переднюю комнату или айван и помещение, где хранилось зерно и другие пищевые припасы. Подобный состав помещений и интерьер основного ядра характерен для подавляющего большинства жилищ послемонгольского времени и других городов присырдарьинской зоны на юге Казахстана.

Основные черты средневекового жилища практически без изменений сохранились и в этнографическом жилище региона.

2. Важнейшие признаки отарского жилища дает самое общее представление о традиционном жилище, насчитывающем многовековую историю. Вместе с тем важны и дробные критерии типологии, такие как строительные материалы и конструкции, способы перекрытий, типы очагов и их размещение и т. д. Едва ли не основным критерием типологизации жилища принято считать внутреннюю планировку. Исходя из этого признака, в жилой архитектуре Отара XVI—XVII веков выделяется довольно редкий тип дома прямоугольного плана площадью 200—300 кв. м, с широким центральным коридором, в который с обеих сторон и с торца открываются проходами отдельные секции, включающие жилую комнату и одно-два хозяйственных помещения. Отметим, что многосекционные дома в жилой архитектуре Отара появлялись и в результате перестройки в связи с необходимостью выделения новой семейной ячейки. Более того, для перестроенных домов характерна тенденция к расселению двух семей из общего дома. Однако планировка многосекционных домов с коридором не оставляет сомнений в существовании отработанной схемы, имеющей многовековую историю: аналогичные дома (с различными вариантами) известны в жилой архитекту-

ре оттарского оазиса поры раннего средневековья, а также после монгольского времени.

3. Изолированные ячейки многосекционного дома практически автономны: каждая включает жилое помещение, хранилище для зерна, помещение для инвентаря, небольшой полуоткрытый мощеный дворик с суфой и очагом, топившимся по черному. Дворик, по-видимому, использовался жильцами дома и совместно, также как и помещение, где содержался скот. Коридоры многосекционных домов были, как правило, обращены в сторону улицы широкими проемами, закрывающимися воротами с калиткой. Не исключено, что в некоторых домах существовало деление помещений на мужскую и женскую половины, что не характерно для оттарского традиционного жилища.

4. Многосекционные дома Оттара с коридором напоминают своеобразные этнографические жилища сельского населения южного Хорезма, получившие название хаули, а также его более ранние прототипы. Однако следует иметь в виду, что многокамерные постройки сложного плана с коридором не получили широкого распространения на юге Казахстана. Археологические материалы по массовому домостроительству свидетельствуют о постепенном угасании этой традиции и преобладании односекционных домов с расположением помещений цепочкой. Подобная тенденция, видимо, не случайна, и отражает особенности жилого домостроительства в контактной зоне оседлого и скотоводческого населения.

Е. А. СМАГУЛОВ
г. Алма-Ата

ГЕММЫ ИЗ ОТТАРСКОГО ОАЗИСА

Археологические исследования некрополей середины I тыс. н. э. на р. Сыр-Дарье в последние годы выявили здесь ранее не встречавшиеся геммы, относящиеся к кругу сасанидских резных камней, выполненных в виде «ложного перстня». Большая серия таких находок сделана при раскопках погребальных памятников Джетыясарской культуры в низовьях Сыр-Дарьи (Левина, Никитин, 1992 г.).

Расширяется коллекция резных камней, происходящих из Оттарского оазиса, расположенного в районе впадения р. Арысь в р. Сыр-Дарью. Ниже приводится их описание.

1. С изображением «конегрифона».

Обнаружена в слое VII—VIII вв. городища Куйрук-тобе. Размеры: высота 19,6 мм; ширина 24,5 мм; толщина 17,5 мм. Плоскость изображения 17,5×15 мм. Отверстие: 6,5 мм. Изготовлена из сердолика желтовато-коричневого оттенка. Опубликовано (Байпаков К. М., 1986, с. 52). Хранится в Институте Археологии АН РК (г. Алма-Ата).

2. С изображением распахнутых крыльев и головы барана между ними («ФАРН»). Случайная находка в окрестностях городища Мардан-Куик (Коныр-тобе). Размеры: 21×23,5; 20×18,5; 5 мм. Изготовлена из полупрозрачного халцедона желтоватого цвета. Хранится в Институте Археологии АН РК.

3. С изображением оленя.

Случайная находка в Отрарском оазисе. Размеры: 26×31××20,5; 21,5×16,5; 4,5 мм. Изготовлена из нефрита молочного цвета. Хранится в Кабинете археологии Чимкентского пединститута (г. Чимкент).

Далее описание четыре геммы происходит из одного погребения некрополя городища Коныр-тобе (Мардан-Куик). Найдены они в области грудной клетки. Были в одной связке с крупной ребристой бусиной из голубого фаянса, двумя крупными бронзовыми и двумя крупными бусинами из полупрозрачного халцедона. Прическа женщины была закреплена бронзовой шпилькой с шаровидной головкой. На шее ожерелье из сердоликовых, коралловых и пастовых бус. У головы керамический кувшин. В могильнике расчищено пока около ста погребений. Предварительная датировка IV—VI вв. (Байпаков, Смагулов, 1991).

5. С изображением «волка». Размеры: 22×26,5×20; 20××18×6,5; Изготовлена из халцедона молочного цвета.

6. С изображением жреца.

Размеры: 22×26×18; 18×15,5; 4 мм. Изготовлена из халцедона молочного цвета.

7. С изображением «дерева».

Размеры: 18×22×15; 14×12,5; 4 мм. Полупрозрачный халцедон голубоватого цвета.

8. С изображением скорпиона.

Размеры: 13,5×17,5×9,5; 12,5×8; 4 мм. Из красного сердолика (карнеол).

Данная категория находок, а также обилие украшений явно «юго-западного» происхождения (фаянсовые, пастовые, глазчатые, стеклянные бусы, бусы из агата, янтаря, коралла и пр.), находки монет кушаносасанидских правителей и др. часто встречаемые в погребениях второй четверти, середины I тыс. н. э. в северо-восточных регионах Средней Азии (вплоть до р. Талас и далее до Восточного Туркестана) иллюстрируют, на наш

взгляд, участие местных полукочевых племен в исторических событиях, связанных с ирано-эфталитскими войнами.

Попастъ сюда они могли также благодаря активизировавшейся караванной торговле по Великому Шелковому Пути, обеспечивавшей кочевые-полукочевые племена, престижными товарами как Запада, так и Востока (Китай).

Геммы-печати могли использоваться как знаки собственности у местных племен, представителей господствующего социального слоя. Об этом свидетельствуют находки булл с оттисками гемм из раскопок культового комплекса III—IV вв. на городище Канка в соседнем Ташкентском оазисе. Традиция использования металлических и керамических печатей хорошо документирована в Каунчинской культуре (Грицина, Алимов, 1986).

М. ХОДЖАЕВ
Чимкентская область,
с. Шаульдер

О КЕРАМИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ОТРАРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV ВЕКОВ

Истории гончарного ремесла Отрара посвящены исследования ряда археологов Казахстана. В работах К. Байпакова, Л. Ерзаковича рассмотрены вопросы хронологии, типологии, техники изготовления отрарской керамики монголо-тимуридского времени, своеобразие ее форм и орнамента. Новые материалы по гончарству XIII—XIV вв. дали раскопки мастерской в местности Мыншункур, в 4 км к юго-западу от Отрара (отделение Кызылту, совхоз 60 лет СССР).

Памятник расположен на берегу старого протока Арыси-Кандоз. В микротопографии место мастерской выделяется небольшим возвышением (максимальная высота 0,5 м). Область распространения подъемной керамики 0,6 га. Согласно Словарю топонимов Казахстана, название Мыншункур характерно для мест, связанных с производственной деятельностью.

Раскоп от 1989 г., заложенный к востоку от силосной траншеи, открыл жилой дом, 8 обжигательных горнов, 3 вспомогательные печи, в том числе и для приготовления поташа. Раскоп 1990 года — 4 горна, 3 вспомогательные печи, подсобные помещения для хранения ангобных глин.

Гончарные горны-хумданы делятся на следующие виды:
1. Двухъярусные печи. Нижний ярус состоит из грушевидной в

плане топочной камеры. Топочная яма перекрыта сводом с отверстиями для прохода дыма и горячего воздуха. Обжигательная камера в плане круглая, перекрыта купольным сводом, сбоку имеет проем для заполнения керамикой (печь 9, 12).

2. Двухъярусный горн, аналогичный типу 1, но имеющий в топочной камере пилоны, на которые опирался свод (печь 3).
3. Круглая печь с открытой топочной камерой. Топочная камера имела пилоны. В обжиговой камере — две широкие полки по стенке печи (печь 6).
4. Грушевидная в плане печь с открытой топочной камерой. Топочная камера имеет пилоны с арочным перекрытием, круглое отверстие в основании обжиговой камеры (печи 2, 5, 12). В печах 2, 5 через каждую арку проходит продух в верхнюю камеру. В обжиговой камере широкая полка по стенке печи.

Инструментарии гончара представлены наковаленками, калыбами для изготовления штампованной посуды, штампами для орнаментации пяты чирага. Интересен набор печного припаса: треноги типа «сепан», размером от 5 до 16 см, «сари» — сосуды, похожие на современные цветочные горшки с отверстием в днище и сбоку в стенке, «раструбы» — цилиндрические изделия, с обоих концов горловины имеющие расширения. Необходимо отметить отсутствие штырей.

Мастерская датируется второй половиной XIII — первой половиной XIV вв. Клад монет из помещения 5 представляет чагатаидский чекан Отрара второй половины XIII в. (определение Р. Бурнашевой). Монета, обнаруженная на полке горна 12 является позднекараханидской (определение В. Настича). В комплексе керамики отсутствует желтополивная посуда с росписями по светлому ангобу, которая получила распространение во второй половине XIV—начале XV веков.

Мастерская на Мыншункуре отличается от ранее известных мастерских Отрара. Впервые широко представлена поливная штампованная и архитектурная керамика. Особый интерес представляет архитектурный декор: терракотовые и майоликовые плиты, навершия куполов, панджара. Здесь впервые в одном комплексе представлены печи различной конструкции, размеров. Эти признаки больше подходят для «кархана», где использовался рабский труд, нежели для индивидуальной мастерской.

КАМЕННОЕ ИЗВАЯНИЕ ШАМАНКИ В «ТРЕХРОГОМ» ГОЛОВНОМ УБОРЕ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИБАЛХАШЬЯ

В полевом сезоне 1991 г. в результате работ ЦКАЭ в Северном Прибалхашье на одиночном кургане было обнаружено интересное каменное изваяние с «трехрогим» головным убором.

Курган расположен на территории совхоза «Айыртас» Приозерного района Джезказганской области, на правом берегу р. Еспе, в 2 км к ЗСЗ от западной оконечности горы Жауыр, на равнине. Насыпь кургана возводилась дважды: первоначально в сакское время (диаметр 14 м, высота 1,3 м) из земли с камнем, и затем не ранее XI в. Общая высота кургана составляет 2 м. В поздней насыпи из чистого камня в забутовке были использованы 2 каменных изваяния из крупнозернистого гранита. Первое (65×36×13 см) стеловидной формы со схематично выделенной головой. Детали лица отсутствуют за исключением намеченной линии, расширяющегося в верхней части носа. Второе изваяние (145×38—30×15 см) сужается в верхней части, состоит из двух фрагментов. Изображение головы занимает около 1/2 всей высоты изваяния. Изображен человек выраженного монголоидного типа, техникой барельефа показан длинный прямой нос, слегка расширяющийся в области крыльев, дугообразные брови продолжают линию носа. Глаза овальные, небольшие, довольно широко посажены. Контуры рта не прослежены из-за линии разлома изваяния. На левой грани на уровне глаз схематично изображены ухо с серьгой. Выше линии бровей начинается головной убор в виде трех остроконечных треугольников, выполненных также в технике барельефа. В центральной части туловища чуть правее осевой линии изображено кольцо диаметром 9 см (подвеска? солярный знак?).

Ближайшими аналогами данному изваянию из Северного Прибалхашья являются изваяния в «трехрогих» головных уборах из Семиречья, Бийликкульская личина из Джамбулской области, сцена из Кудыргэ (Алтай). По мнению исследователей, подобные изваяния являются изображениями шаманок, относящихся к кимако-кыпчакскому пласту и связаны с почитанием культа предка по женской линии. Особое значение придается «трехроговому» головному убору, который трактуется как мягкая шапка, украшенная перьями птиц — орла, филина или совы и является атрибутом служителей культа.

Низко изображенный головной убор («до бровей») сближает рассматриваемое изваяние с описанием шаманки Кара-

Таади в алтайском эпосе «Маадай-Кара» («надета шапка до бровей») из перьев филина на ней»). Мы считаем, что «трехрогим» скорее может быть не шапка, украшенная перьями, а ритуальный головной убор, сделанный из целой шкурки птицы, и тремя «рогами» в данном случае могут являться хвостовое оперение и два крыла. Аналогичный архаичный головной убор казахского баксы XIX в. из шкурки лебедя обнаружен в Алма-Атинской области.

Следует отметить, что как и на семиреченских изваяниях, на рассматриваемом отсутствует изображение каких-либо половых признаков. Изваяния в «трехрогих» головных уборах принято считать женскими, и рассматриваемый памятник по стилю также является скорее женским, чем мужским изображением. На наш взгляд, это может быть связано с изменением статуса женщины по достижению старшего возраста, т. е. возрастного «очищения». Для тюркских народов, в частности, для казахов, характерно изменение одежды, украшений, социальной роли женщин и мужчин старшего возраста возлагаются ритуальные функции, они выступают носителями особого опыта.

В отличие от семиреченских, данное изваяние по стилю и технике выполнения является типично центральноказахсканским изваянием IX—X вв., что свидетельствует о местном происхождении и расширяет ареал распространения памятников с «трехрогими» головными уборами, ярко свидетельствует о широком распространении общетюркского культа Матери Прародительницы в Центральном Казахстане.

А. К. ШАШЛАЕВ
г. Алма-Ата

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА ЧУЙТОБЕ

Многочисленные исследования района города Туркестана показали, что помимо городища, на территории которого расположен современный Туркестан, в 8 км к югу от него имеется еще одно городище, известное в настоящее время под названием Чуйтобе. Наше внимание привлекли материалы, как исторические, так и археологические, освещающие историю округа города и его памятников.

Ал-Истахри в своем сочинении «Китаб-массолик ал-мамолик» пишет: «... до Кедера, главного города (округа) Бараба переход два легких (дня). От Кедера до Шавгара (дневной) переход, от Шавгара до Саурана легкий (дневной переход)». У Макдиси (из «Асхан ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим»): «...

И от Бараба до Шавгара два дневных перехода...». Ал Макдиси объездил многие мусульманские страны и почти обо всех пишет как очевидец. Его сочинение, составленное около 985 г., дает наиболее полно и систематическое в арабской литературе описание стран и городов. По словам ал-Макдиси: «... От Кедера он был один переход до Шавгара. Шавгар большой город с обширным рустакom, вокруг него стена. Мечеть на краю рынка. Он вдали от большой дороги».

Академик В. В. Бартольд, анализируя арабские географические сочинения, писал: «Туркестан — также название отдельного города в среднем течении Сырдарьи, появившийся при владычестве узбеков. По сообщениям арабских географов, можно предположить, что в IV—IX вв. там должен был находиться г. Шавгар... к сожалению, не найдены какие-либо остатки этого поселения». Остается сожалеть, что В. В. Бартольду не удалось побывать в районе Туркестана во время знаменитой поездки по Средней Азии в 1895—1896 гг.

Блестящим аналитиком арабоязычных источников времени саманидов был Ю. А. Якубовский. Исследуя проблему восточных границ саманидского государства, он также затронул проблему Шавгара. Вот что он пишет: «У ал-Истахри имеется указание, что саманидский правитель Наср ибн Ахмед ходил походом на Шавгар — город, лежавший вблизи современного г. Туркестана».

Археологическим памятником области посвящены работы М. Е. Массона. В одной из них он поднял вопрос о тождестве Туркестан-Шавгар, в другой — анализирует монеты из клада, обнаруженного в Чаяновском районе.

Планомерное изучение и исследование археологических памятников Отраро-Туркестанского региона и в целом юга Казахстана началось с экспедиции Джамбулского археологического пункта под руководством Г. И. Пацевича. С 1947 года изучением области занималась Южно-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством А. Н. Бернштама. А. Н. Бернштам заинтересовался местоположением древних топонимов Шавгар, Тасы, Кедер и др.

Начиная с 1969 года, началось комплексное изучение памятников Южного Казахстана экспедицией под руководством К. А. Акишева. В 1989 году Чуитобинский отряд экспедиции проводил раскопки на городище Чуйтобе. Центральная часть городища представляет собой овальный, вытянутый с запада на восток бугор длиной 165 м, шириной 130 м, высотой 15 м.

По периметру городище окружали стены, а также ров. Единственный въезд находился с западной стороны. Въездная

дорога проходила по искусственной дамбе высотой 3 м, шириной 8 м, длиной около 12 м. Вокруг на расстоянии 50 м от рва прослеживаются остатки жилой застройки (рабад). На расстоянии 200 м к юго-востоку имеются следы усадеб.

На территории городища были заложены три раскопа. Первый и второй раскопы были заложены в 1989 г. для определения стратиграфии и строительных конструкций. В 1990 г. заложен раскоп III в центральной части бугра. Здесь пройдены два строительных горизонта. Глубина раскопа колеблется от 0,5 до 1,5 м в зависимости от рельефа городища. Полученный материал из трех раскопов, их сопоставление с материалами керамики Отрара и других городищ (Кок-Мардан, Джеты-асар, Шаушкун и т. д.) и поселениями бассейна Арыси и Сырдарьи позволяет нам определить хронологическую классификацию и типологию керамики городища Чуйтобе. В комплексе керамики есть узкогорлые кувшины с рассеченным валиком по низу горла, иногда дополнительно орнаментированные по плечикам, что характерно для памятников Чуйской долины VI—VIII вв., а также какрлукского периода VIII—X вв. Найдена керамика, которая имеет аналоги по характеру орнаментации с этапом Джеты-асар III (конец VIII—IX вв.) джетыасарского комплекса, а также с памятниками Каунчинской культуры. Находки поливной керамики крайне незначительны.

Опираясь на полученные материалы, верхний слой городища можно датировать VIII—X вв. н. э., следовательно, проблема тождества городища Чуйтобе с древним городом Шавгаром получает археологическое обоснование.

С. О. МИЛЛЕР
п. Бирлестик

КУРГАН ПОЗДНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ НА РЕКЕ ЧАГЛИНКА

В полевом сезоне 1991 года объектом исследования Северо-Казахстанской археологической экспедиции выбраны разрушающиеся памятники у с. Кеноткель Зерендинского района Кокчетавской области: поселение Кеноткель X, курган у поселения Кеноткель X, курган Кеноткель XXII.

Значительный интерес представляют материалы кургана позднетюркского времени вскрыто у поселения Кеноткель X. Курган находится на правом берегу р. Чаглинка, в 1 км западнее с. Кеноткель, в 0,3 км юго-западнее указанного поселения. На поверхности останца разбросаны всхломления полузаплыв-

ших камней фундамента домов стойбища, существовавшего здесь в начале XX века. Визуально, курган отличался от них только большей задернованностью насыпи и читался как легкое возвышение каменного наброса. Необычным было расположение его на пологом склоне, а не на горизонтальной плоскости. С целью проверки была заложена разведочная траншея и после расчистки камней, уходящих вглубь, насыпь стала снижаться с оставлением бровки.

Диаметр кургана 7 м, высота 0,1 м. Сразу под дерном в центре расчищено каменное покрытие подквадратной формы с длиной сторон 3 м. После расчистки на уровне материка фиксируются очертания ровика шириной 0,3...0,4 м. В центре подкурганной площадки появилось пятно могильной ямы подпрямоугольной формы, ориентированное по линии ЗВ. Могильная яма обрамлена узкой полоской гумуса, повторяющего контура верхнего скопления камней. Происхождение этой полосы связано, вероятно, с затеканием гумуса в трещины материка, образовавшиеся под воздействием климатических процессов вследствие перепада плотности наземной части кургана.

Могильная яма имеет размеры 2,0×1,2 м. Западная половина ее забутована камнем, северная состоит из чистой глины. На глубине — 80 см яма сузилась до размеров 2,0×1,0 м. Вдоль южной стенки появились торцы уходящих вглубь горбылей. Дальнейшим вскрытием установлено, что это остатки мощного поперечного наката. Судя по расположению южных концом они опирались на уступ продольной стены, как крепилась противоположная сторона наката осталось неясным.

В придонной части ямы на уровне — 120 см, в западной половине, под северной стенкой обнаружен череп лошади на боку, мордой на запад. На нижней челюсти черепа лежали железные кольчатые удила. Под северной стенкой ближе к восточному углу обнаружено вертикально стоящее железное стремя. В восточной половине ямы расчищена груда костей — трубчатые кости с копытцами и хвостовые позвонки лошади.

Погребальная камера на дне приняла прямоугольные очертания. Скелет человека лежал вытянуто на спине головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища. На костях скелета и под ним фиксируется древесный тлен. Судя по тонкому срезу и размерам распространения древесных волокон, умерший был погребен в гробовище. Справа от умершего, поверх гробовища был обнаружен берестяной колчан. Внутри его расчищены два железных черешковых плоских наконечников стрел и отпечаток третьего. Вещевой инвентарь и кости ног лошади были положе-

ны поверх гробовища и находились на 0,2 м выше дна могильной ямы.

Перед нами так называемое погребение человека с конем — традиция, получившая широкое распространение в евразийских степях с древнетюркского времени. Конструкция кургана дает представление об особенностях погребального обряда. Подкурганная площадка слегка углублена до материка, вероятно, для придания ей горизонтальной поверхности. Погребальная камера глубиной 1,2 м от дневной поверхности имела внутреннее перекрытие. Пространство от дна до перекрытия высотой 0,5 ... 0,6 м оставалось полым. Над могилой была возведена насыпь подквадратной формы, сложенная из глины выкида и покрытая сверху камнем.

Время возведения кургана определяет вещевой инвентарь. Железные черешковые наконечники стрел по сечению пера относятся к двухлопастной и плоской группам стрел. Двухлопастной наконечник длиной 11 см имеет ассиметрично-ромбическую форму головки. Плоский наконечник принадлежит типу секторных. Железные кольчатые удила двусоставные с подвижным соединением внешних трензельных колец. Железное стремя круглое, диаметром 13 см, без петли для путалища. Подножка шириной 3 см в виде пластины вогнутой внутрь. Дужка выполнена из железного прута подпрямоугольного в сечении. Верхняя часть ее расплющена, но отверстия в ней нет.

Вещевой комплекс позволяет датировать курган началом II тыс. н. э., в пределах XII—XIII вв. В этот период степи Центрального и Северного Казахстана были местом обитания кипчакского союза племен. Ведущим признаком погребального обряда кипчаков является захоронение умерших с останками коня при восточной, северо-восточной ориентировки. Погребенный в кургане Кеноткель X имеет ориентировку на запад. Эта деталь при наличии гробовища и деревянного перекрытия находит аналогии в языческом обряде ранних булгар Поволжья и гузов Нижнего Дона (Халикова Е. А., 1986; Плетнева С. А., 1990).

А. НУРЖАНОВ

г. Алма-Ата

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КУЛАН И ЕГО ОКРУГА

1. По китайским письменным источникам VII—XIII вв. упоминается город Цзюйлань. Арабские и персидские географы этот город на трассе Великого Шелкового пути называли Кула-

ном. Эта информация позволила считать Куланом развалины средневекового городища на восточной окраине села Луговое.

2. История археологических исследований городища началась еще в конце XIX в. экспедицией В. В. Бартольда. В 1936-38 гг. на территории городища А. Н. Бернштам вскрыл остатки усуньского поселения датируемого I—III вв. н. э. В 1963—1965 гг. Луговской отряд Семиреченской археологической экспедиции ИИАЭ АН Казахстана, возглавляемый К. М. Байпаковым, провел раскопки на центральных развалинах и на буграх, находящихся в округе города. Эти исследования продолжаются по настоящее время.

3. Оседлоземледельческая и урбанистическая культура западного Семиречья формировалась на материальной и этнической базе сакоусуньского и тюркских племен под влиянием переселившихся сюда в раннем средневековье согдийцев, тохаров, чачцев.

4. Систематизация накопленного археологического материала в архитектурно-градостроительном развитии города Кулана и его окрестностей включает географию района, топографию и планировку по аэрофотосъемке, динамику его развития, расцвета, упадка возрождения и гибели.

5. Раскопом Луговое I (1150 кв. м) исследуется культовое сооружение. Однако, существует рабочая гипотеза, что в VII—VIII вв. культовое здание было перестроено и приспособлено под пригородный дворец правителя города.

6. Динамика развития материальной культуры города Кулана в VII—XIII вв. определяется влиянием культур сопредельных стран Согда, Бактрии, Усрушана, Тахаристана, а также культурами народов, связанных Великим Шелковым путем и характеризуется разнообразным керамическим материалом, глиняной резной штукатуркой, выполненной на высоком художественном уровне живописью и терракотовыми скульптурами, мелкой пластикой, развитой строительной техникой, характерной для Южного Казахстана и Семиречья.

Г. И. СУВОРОВА

г. Усть-Каменогорск

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВЕРХОВЬЯХ ИРТЫША

Восточно-Казахстанским областным историко-краеведческим музеем в 1987—1989 гг. проводились работы с целью выявления

и паспортизации археологических памятников на востоке Курчумского района Восточно-Казахстанской области.

Обследованы берега рек Калгуты, Кзыл-Агач. Всего выявлено более 1300 археологических памятников от эпохи палеолита до позднего средневековья. Большая часть зафиксированных объектов относится к эпохе раннего железа. Они представлены как одиночными насыпями, таки курганными группами. Сложены из земли и камня. Довольно часто встречаются курганы, окруженные каменным кольцом, иногда каменной оградкой. На втором месте по численности находятся погребальные памятники эпохи бронзы. Могильные поля эпохи бронзы состоят из прямоугольных, кольцевых оград, иногда внутренним ящиком, иногда с вертикально вскопанной плитой.

Курганы раннего средневековья преимущественно имеют небольшие каменные насыпи диаметром 6 ... 10 м, которые вероятнее всего относятся к тюркскому времени. Погребальные конструкции подпрямоугольной формы могли возникнуть в кимакское время. Довольно часто в ансамбль погребальных полей входят конструкции ритуального характера. Это ряды вертикально вкопанных камней, идущих на ЮВ от центра насыпи иногда на расстоянии 5 и более метров (курган у с. Жылытау). Это балбалы, каменные кольца диаметром 2 м, курганы с «усами».

Зафиксированные памятники Курчумского района как горной, так и степной зон по топографии; внешнему облику аналогичны погребальным конструкциям Алтая и Тувы.

Л. Н. ЕРМОЛЕНКО
Ж. КУРМАНКУЛОВ
г. Кемерово
г. Алма-Ата

ЦЕНТРАЛЬНО-КАЗАХСТАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ С ИЗВАЯНИЯМИ КЫПЧАКСКОГО ОБЛИКА

Центрально-казахстанской археологической экспедицией в период с 1978 по 1990 г. исследовано значительное число сооружений с изваяниями. Среди них имеются памятники с изваяниями кыпчакского облика (Ермоленко, 1991). Насчитывается 4 типа таких памятников.

Тип 1. В начале века И. А. Кастанье описал внешний вид широко встречавшегося в Казахских степях сооружения с изваяниями: «Очень часто в верхней части кургана продельывают углубление, напоминающее воронку, в которой иногда находя

одну или несколько баб. Этот род надгробного памятника очень распространен в степи» (Кастанье, 1911). Однако вплоть до сер. 80-х гг. подобные памятники не были введены в научный оборот (Ермоленко, Гецова, Курманкулов, 1985). К настоящему времени раскопано 3 объекта. Все они содержали под насыпью мощную подквадратную ограду, сложенную из камня. Внутри камеры, образованной стенками ограды стояло одно или несколько (одной либо двумя шеренгами) изваяний.

Сооружение с изваяниями в урочище Мыржик (Агадырский р-н Джезказганской обл.) (1982-83 гг.). Памятник располагался на левом берегу р. Атасу, близ русла. Под насыпью находилась подквадратная ограда размерами $4,4 \times 4,7$ м, ориентированная сторонами почти по сторонам света. Ширина стен ограды $1,1—1,3$ м, высота 0,6 м. В камере стояли 2 изваяния. Одно, изображающее сидящего человека с сосудом в обеих руках, обращено лицом на СВ. Второе, погрудное с отбитой головой, повернуто лицевой гранью на В. Еще одно подгрудное изваяние лежало среди внешнего развала камней возле восточной стены ограды. На дне камеры найдены кости животных (верблюдов, баранов). Среди них 5 бараньих черепов без нижних челюстей. Вещи обнаружены в оконечности норы грызуна: пара костяных срединных накладок на лук, пара колчаных петель в виде летящих (?) водоплавающих птиц, а также сильно коррозированные железные предметы. Находки позволяют датировать памятник XI—XIII вв. (Ермоленко, Гецова, Курманкулов, 1985).

В 15 м к СЗ от данного сооружения располагался идентичный объект. В 1985 г. был исследован С. М. Ахинжановым.

Сооружение с изваяниями на правом берегу р. Жинишке (Актогайский р-н Джезказганской обл.) (1990 г.). Под насыпью выявлена ограда размерами $5,6 \times 5,8$ м, высотой 0,5 м. Ширина стен — $1,2—1,6$ м. Ограда ориентирована осью ССВ—ЮЮЗ. Первоначально ограда была сплошной, но впоследствии в северной стене пробили проход. В камере двумя рядами стояли 5 изваяний. Два изваяния были установлены возле западной стены лицами на В. Одно из них с опущенными вдоль тела руками, другое с сосудом в обеих руках. У фигуры с сосудом краской нанесен «передник». На одной линии с изваяниями вкопан стовидный обломок. В средней части камеры напротив бреша в стенде стояла шеренга из трех погрудных изваяний. На одном из них обозначены признаки пола. Фигуры лицами ориентированы на СВ. Непосредственно перед ними (после разрушения стены) была вырыта яма. В верхней части заполнения ямы обнаружено скопление фрагментированных костей конечностей лошади. На дне ямы фиксировались следы огня. Возле изваяний

найдена синяя бусина. Другие находки: маленький каменный диск с отверстием посредине, неорнаментированный фрагмент керамики, железный гвоздь с массивной шляпкой залегали под дерном.

Тип 2. Памятники этого типа состоят из двух сооружений: ограды с изваяниями внутри и пристроенного с запада большего по размерам прямоугольного строения. В Центральном Казахстане раскопан один такой памятник.

Комплекс с изваяниями у зимовки Аблай (Каркаралинский р-н Карагандинской обл.) (1978-79 гг.). Памятник располагался у подножья сопки возле входа в ущелье. Два сооружения были возведены вплотную по оси ВСВ—ЗЮЗ. Восточное представляло собой разрушенную ограду размерами около $4,5 \times 4,5$ м. Фиксировались следы насыпи. В средней части ограды в яме двумя рядами стояли 5 изваяний. Три изваяния (два погрудных и одно с сосудом в обеих руках) были обращены лицами на ВСВ, два изваяния (погрудные) — в южном направлении. В развале каменной западного сооружения прослежено основание подквадратной конструкции размерами $6,5 \times 6,5$ м (Ермоленко, Гецова, Курманкулов, 1985).

Аналогичный по внешнему виду комплекс обследован в долине р. Жинишке (1990). Составляющие комплекс два сооружения устроены по оси ВЮВ—ЗСЗ. Восточное имеет вид каменной прямоугольной выкладки размерами $4,3 \times 5,4$ м. В средней части выкладки в одну линию стоят 3 изваяния, вкопанные по грудь. Лицами фигуры направлены на ВЮВ. Западное сооружение — прямоугольная каменная конструкция размерами $7,5 \times 9$ м.

Тип 3 представлен пока одним только памятником из Шетского р-на Джезказганской обл. (1990 г.). Две каменные накладки с изваяниями в средней части каждой из них сооружены по линии С—Ю. Комплекс окружен ровиком. Размеры выкладок $3,5 \times 3,5$ м и 3×3 м. В северной выкладке лицом на В стоит одно изваяние. В южной установлены две фигуры: одна лицом на В, другая на С. Третье изваяние обломано и лежит на поверхности памятника. Изваянные запечатлены в позе со сведенными на животе руками. В трех случаях между руками выбито овальное отверстие. Изображены признаки пола (в том числе на двух изваяниях — фаллос). Фигуры не скрыты в насыпи, как в памятниках типа 1 и 2, а стоят на поверхности.

Тип 4. Каменный курган, возле которого установлено одно или несколько (в одну линию) изваяний.

Сооружением этого типа исследовано еще в 1948 г. Л. Р. Кызласовым у горы Аиршоку (Улутауский р-н Джезказганской обл.) (Кызласов, 1951). Около кургана лежало погрудное изва-

яние с обозначенной выпуклыми кружками грудью. Диаметр кургана 7 м, высота 0,75 м. Под каменной насыпью зафиксирован слой белой глины.

Сооружение в верховьях р. Атасу (1978). Каменный курган с двумя антропоморфными стелами в восточной поле насыпи. Размеры кургана 7×8 м, высота 0,7 м. В насыпи различались три слоя. Под насыпью выявлено золистое пятно (Ермоленко, 1987).

В Актогайском р-не Джекказганской обл. в 1990 г. обнаружены 3 кургана с погрудными изваяниями, стоящими с восточной стороны насыпи на В.

Таким образом, на территории Центрального Казахстана известны 4 типа сооружений с изваяниями кыпчакского облика. В сооружениях типа 1 и 2 ставились изваяния кыпчакского облика с обозначенной (изваяния с сосудом в обеих руках) и необозначенной (погрудные) позой. В связи с третьим типом сооружений найдены изваяния с соединенными на животе руками (сосуд не прорисован). При сооружениях типа 4 встречены лишь погрудные изваяния и антропоморфные стелы. Возможно, выделенные типы свидетельствуют о различиях этнического или хронологического порядка. В этой связи обращает на себя внимание сходство способов установки изваяний кыпчакского облика в сооружениях типа 1—3 с половецкими. Половецкие скульптуры также размещались в средней части каменных выкладок, возведенных на курганах (Швецов, 1979) или были вкопаны в пол ям, впущенных в курганные насыпи (Гуркин, 1987).

А. М. ИЛЮШИН
г. Кемерово

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНДЕНТИФИКАЦИИ ПОГРЕБЕНИЙ ПО ОБРЯДУ КРЕМАЦИИ КОНЦА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ИЗ КАЗАХСТАНСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ И КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

Вопрос об этнической принадлежности раннесредневековых погребений по обряду кремации на территории Казахстанского Прииртышья до настоящего времени, является остро дискуссионным и не решенным до конца. В этом регионе известно семь погребальных памятников — Бобровский II, Качирский, Зевакино, Камышинка, Ново-Камышинка, Джартаc и Акчий IА, — при раскопках курганов, в которых были зафиксированы захоронения по обряду кремации с общей датировкой VIII—Х вв. н. э. (Арсланова Ф. Х., 1963; 1968; 1972; Трифонов Ю. И., 1987;

1989). Обряд кремации не имеет здесь генетических корней. Все исследователи, занимавшиеся этнической принадлежностью этих погребений рассматривали их, как останки материальной культуры пришлых племен. Поиски аналогии уводили к древним кыргызам Минусинской котловины, которые в 840 году сокрушали господство уйгуров в Центральной Азии, значительно расширили свои границы (Арсланова Ф. Х., 1872; Кызласов Л. Р., 1981; Савинов Д. Г., 1984; и др.).

Однако, еще автор первых раскопок Ф. Х. Арсланова отмечала значительное отличие этих памятников от памятников кыргызов Минусинской котловины и объясняла это вступлением кыргызов в непосредственный контакт с аборигенами (Арсланова Ф. Х., 1972). Этот факт отмечал и Д. Г. Савинов, констатируя значительную аккультурацию кыргызских памятников Казахстанского Прииртышья (Савинов Д. Г., 1984). Наблюдения этих авторов, позволили В. А. Могильникову выказать предположение о самодийской принадлежности погребений по обряду кремации (Могильников В. А., 1981). Ю. И. Трофимов проведя таксономический анализ погребений по обряду кремации из Верховного Прииртышья аргументированно разделил их на чисто кыргызские и кимакские (Трифонов Ю. И., 1989). Объясняя количественное преобладание кимакских захоронений по обряду кремации, Ю. И. Трифонов ссылаясь на данные письменных источников, из которых явствует, что этот обряд был традиционным и для кимаков (Куменков Б. Е., 1972).

Исследование погребений по обряду кремации конца I тысячелетия н. э. в Кузнецкой котловине, позволило отождествить их с крупным самодийским племенем, известным в китайских хрониках под этнонимом «Сяоми» или «бома» (в переводах разных авторов — А. И.) (Илюшин А. М., 1990). Это позволило Ю. С. Худякову высказать предположение, что «бома» в IX веке были включены в состав кыргызского государства и в составе кыргызских войск продвинулись из Притомья в Приобье, Прииртышье и степной Алтай (Худяков Ю. С., 1991). Но, такие элементы погребального обряда, как совмещение под единой насыпью погребной по обряду кремации и ингумации, большой процент среди находок посуды, и датировка предметов вещевого инвентаря VIII—X вв. н. э. указывают на то, что погребения по обряду кремации на территории Казахстанского Прииртышья не являются продуктом скоротечной военной агрессии. Это заставляет искать причины появления обряда трупосожжения на этой территории. Сравнительный анализ погребений по обряду кремации Казахстанского Прииртышья и Кузнецкой котловины показывает, практически их полное сходство. Традиция погребения

по обряду кремации в Кузнецкой котловине существовала с эпохи развитой бронзы до этнографической современности. Это позволяет отождествить все известные на сегодня погребения по обряду кремации в Казахском Прииртышье с древнесамодийским этносом «бома», входящим в объединение племен кимакского государства. В пользу этой этнической атрибуции свидетельствует и работа Ф. Х. Арслановой о керамическом комплексе этих памятников о своеобразии которого усматриваются и самодийские корни (Арсланова Ф. Х., 1980).

В основе фиксируемого факта переселения отдельных родов «бома» в Казахское Прииртышье лежит процесс тюркизации лесостепных просторов юга Западной Сибири в конце I тысячелетия н. к. Активное начало этому процессу было положено в середине VIII века агрессией арабов в Среднюю Азию и господство уйгуров в Центральной Азии. Эти события привели к значительному притоку тюркоязычных племен на юг Западной Сибири и смешению их с местными племенами. Отдельные роды «бома» заключают династийные браки с тюркоязычными кочевниками и перекочевывают в Казахское Прииртышье, где они на протяжении трех веков (VIII—X вв. н. э.), постепенно перенимают культуру, язык и обычаи тюркоязычных родственников. В пользу интерпретации исторических событий свидетельствуют, прежде всего, археологические материалы. Эволюция предметного комплекса и элементов погребального обряда свидетельствует, что с омоложением комплексов наблюдается увеличение тюркских и уменьшение самодийских черт, практически, по всем показателям.

Нельзя, однако, отрицать, что единичные погребения, которые Ю. И. Трифонов интерпретирует, как «чисто кыргызские» являются таковыми на самом деле. Вопрос о их появлении можно будет осветить окончательно только после того, как все кыргызские погребения Минусинской котловины будут подвергнуты подробной типолого-хронологической классификации. Поэтому настоящая работа предлагает новое решение, но не претендует на окончательное разрешение вопроса об этнической принадлежности погребений по обряду кремации конца I тысячелетия н. э. Казахского Прииртышья.

**ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА
В ТРУДАХ А. А. ДИВАЕВА**

В историко-краеведческом изучении Южного Казахстана видное место занимает Абубекр Ахмеджанович Диваев (1855—1933). Его перу принадлежит ряд работ в области этнографии, фольклора и археологии. Археолого-краеведческую деятельность Диваева Б. В. Лунин связывает с возникновением Туркестанского кружка любителей археологии (далее: ТКЛА) (Лунин, 1957, 1958). Однако, по публикациям Диваева видно, что предметы археологии его интересовали задолго до учреждения ТКЛА. Так, в 1893 году в письме в редакцию газеты «Туркменские ведомости». Он сообщал, что в 1890 г. житель города Туркестана Муса-али Мухамедаминович во время земляных работ близ памятника Азрет-Султана обнаружил бронзового слона. Вещь была доставлена Диваеву, который впоследствии передал ее в Ташкентский публичный музей. Дав подробную характеристику находке, Диваев пишет: «Мне кажется, что эта находка вполне заслуживает внимания археологов» (Диваев, 1893).

Центральное место в деятельности Диваева по изучению памятников археологии занимает период, когда он был членом ТКЛА и выполнял функции секретаря кружка. В этот период Диваев публикует записи и наблюдения по памятникам археологии Южного Казахстана, собранные им во время многочисленных поездок по Туркестанскому генерал-губернаторству.

26 августа 1896 года Диваев делает первое научное сообщение о древних памятниках урочищ Акджарской волости. Автор дает топографическую характеристику памятников археологии, расположенных в местностях Чарбулак, Карабастау, имеющих название «Турткуль». Похоже, Диваев лично осматривал памятники археологии и дополнял их описание опросными сведениями.

В протоколах ТКЛА оказались перепечатанными многие публикации Диваева, увидевшие свет в других изданиях и имеющие отношение к древностям Туркестанского края: «Несколько слов о могиле святого Хорхут-ата», «Предание о возникновении азиатского города Ташкента», «Легенда о великане Адже, по прозвищу Алангср-Алиф. Переиздание названных статей, а особенно легенды о великане Адже, было не случайным делом. В работе упоминаются конкретно существующие археологические объекты (Тоймокент, Тасақыр и т. п.) и легенды о их происхождении. В настоящее время доказано, что Тасақыр (Ақыртас) является средневековым городом Касрабасом, упоминаемым письменными источниками (Байпаков, 1986).

Большое внимание Диваевым было уделено мавзолею Кок-кесене и памятнику археологии Тектурмас. Этим объектам краевед посвятил отдельные работы: «Мавзолей Кок-кесене», «Бугор Тектурмас в связи с походами Тимура». Изучением этих памятников он занимался совместно с В. А. Каллауром, который 7 февраля 1900 года делает сообщение на заседании кружка о памятнике «Кок-кесене». В советское время «Тектурмас» обследовал Л. И. Ремпель. Он подтвердил выводы В. А. Каллаура и определил происхождение предания, записанного Диваевым о Тектурмасае (Ремпель, 1956).

Обнаруженные в личном архивном фонде академика В. В. Бартольда письма А. А. Диваева, адресованные из Ташкента, свидетельствуют о том, что интерес к археологическим памятникам у Диваева зародился под влиянием В. В. Бартольда во время поездки ученого в Среднюю Азию в 1893—1894 гг.

В. В. Бартольд всячески помогал А. Диваеву в его научных начинаниях. Так, в сентябре 1900 года А. Диваев в письме просит ученого сообщить источники, по которым можно было узнать древние названия археологических памятников, указанных в публикации топографа Руднева.

В советское время Диваев по-прежнему немало времени уделял археологии. Он возглавлял отдел археологии и этнографии Туркестанского народного музея. Его знания, эрудиция пригодились при описании экспонатов, определении их в фонды и составлении путеводителей по залам музея.

В целом работы Диваева в становлении казахстанской археологической науке заслуживают внимания.

Ф. П. ГРИГОРЬЕВ
г. Алма-Ата

ГОРОДИЩЕ ТУРГЕНКЕНТ

Окрестности г. Панфилова и весь Панфиловский район (Талды-Курганская обл.) в целом, в силу своего пограничного положения слабо исследованы в археологическом отношении (АКК, 1960, с. 212—219).

Летом 1990 г. здесь проводил работы Алма-Атинский археологический отряд института «Казпроектреставрация». В 9 км западнее г. Панфилова было обследовано безымянное городище. Местное население называет его «сейбилем» или китайской крепостью.

Городище расположено на левом берегу р. Борохудзир в 4

км восточнее п. Коктал. В плане имеет форму неправильного четырехугольника с закругленными углами (450×700 м), вытянутого с востока на запад. По периметру окружено оплывшей пахсовой стеной высотой 4 м, шириной по основанию 3,6 м. Стена местами полностью разрушена, но большей частью имеет хорошую сохранность. Сложена из слоев пахсы толщиной 15 см. С внешней стороны между пахсовыми слоями на расстоянии 60—70 см один от другого вставлены пучки чиевой соломы толщиной 3 см. В разрезе стена имеет форму равнобедренной трапеции, с почти отвесным углом наклона внешнего фаса. Ширина верхней площадки стены 1,8 м. Кое-где по верху сохранился парапет в виде гладкого бортика высотой и шириной по 40 см, с бойницами через 2,8—2,9 м. Ширина бойниц 10—20 см. Снаружи городища заметен оплывший ров глубиной 0,7—2 м, шириной 3—4 м (местами 7 м).

В крепость вело 2 ворот, устроенных в середине западной и восточной стен. Восточные ворота, по-видимому, главные, снаружи имели пилоны толщиной 1,6 м. Северный пилон сохранился в длину до 3 м. С внутренней стороны ворот заметно какое-то утолщение стены, возможно, остатки воротной башни или привратного помещения. Западные ворота представляют собой проем шириной 5 м, без каких-либо воротных устройств.

Внутри городища заметны остатки оплывших глинобитных дувалов, основания пахсовых жилых и хозяйственных построек, арыков.

Памятник однослойный. На поверхности валяются обломки глиняной посуды кругового изготовления. Керамика двух типов: без поливы (кувшины) и покрытия непрозрачной коричневой глазурью с фиолетовым оттенком (чаши, тагора, горшки). Вся посуда хорошего обжига. Много обломков фарфоровых пиал с синим орнаментом снаружи. Судя по подъемному материалу городище функционировало в XIX в.

Чтобы понять назначение и уточнить датировку памятника, необходимо обратиться к историческим событиям и историкам того времени.

В XVII в. Илийская долина, являвшаяся частью казахских земель, была завоевана Джунгарским ханством. Во второй половине XVIII в. оно было разгромлено манчжуро-китайцами. Илийские земли с Восточным Туркестаном отошли к Китаю, который начал активную колонизацию края. В Илийскую долину было переселено уйгурское и дунганское население. В качестве военной силы для поддержания порядка были поселены тунгусоязычные племена солонов, шибе, обязанные жить в военных поселениях, нести воинскую службу, охранять границы и

заниматься земледелием. Так, во второй половине XVIII в. в Илийской долине и Восточном Туркестане началось строительство крепостей и укреплений, часть из которых со временем превратилась в города.

В источниках того времени называются города и крупные поселения — Суйдин, Старая и Новая Кульджа, Аккент, Джаркент, Тургенкент и др. Крепости и крупные поселения находились на главной кульджинской дороге, на второстепенных — стояли пограничные пикеты в виде нескольких домов.

О городе Тургенкенте на р. Борохудзир, населенном солонами, сообщают Ч. Валиханов и В. Радлов.

Ч. Валиханов в своем дневнике о поездке в Кульджу в 1856 г. писал, что Тургенткент находится в месте впадения Борохудзира в р. Или (Соч., т. 2, 1987, с. 182). Он пояснял, что Тургеном называется нижняя часть Борохудзира, впадающая в Или. Однако городища здесь не обнаружено. Локализация Тургенкента около Или были ошибочной и объясняется тем, что Валиханов ехал в Кульджу по верхней пограничной дороге от Копала через перевал Уйгенташ, попав сразу в район г. Аккента. Тургенкент остался далеко внизу и был виден только сверху. Китайские власти, опасаясь шпионажа, старались проводить всех путешественников-иностранцев по второстепенным пограничным дорогам, через пикеты, минуя пограничные крепости и города.

Это подтверждает В. Радлов, которому в 1862 г. было тоже разрешено передвижение в Кульджу только по верхней пограничной дороге, с которой он видел города и поселения в долинах Борохудзира и Усека лишь издали. Сопровождавшие Радлова китайцы, были против посещения г. Хоргоса, предлагая обойти его, съехав с большой дороги.

В 1869 г. Радлову удалось проехать по главной кульджинской дороге и указать местоположение Туркенкента (Тургена). Из Копала он доехал «до почтовой станции Алтынэмель и последовал по дороге, идущей севернее реки Или, до сооруженного на бывшей китайской границе лагеря Борохудзир (т. е. Кокта-ла — Г. Ф.), неподалеку от бывшего города солоньев Тюрген». Отсюда он «ездил осматривать разрушенные города солоньев Тюрген, Замал и Коргос, а затем через пикет Алтынэмель отправился в город Верный» (Радлов, 1989, с. 12).

Тургенкент был первым китайским укрепленным пунктом на границе Китая с Россией, проходившей тогда по р. Борохудзир. Обследование долин рек Борохудзира и Усека показало отсутствие здесь других крепостных сооружений, что бесспорно

свидетельствует о тождестве развалин к востоку от Коктала с Тургенкентом.

В 1864 г. в Илийском крае началось антикитайское восстание уйгуров. Тургенкент, хотя и сдался повстанцам без боя (1866 г.), был все же разрушен и, по-видимому, покинут жителями (Федоров Д., 1903, с. 47). В 1869 г., как свидетельствует Радлов, он уже находился в заброшенном состоянии. В 1817 г. Илийский край отошел к России. Через 10 лет он вновь перешел под власть Китая, но уже с границей по р. Хоргос.

Таким образом, безымянное городище на левом берегу р. Борохудзир в 4 км от Коктала является остатками города Тургенкента. С учетом исторических событий время его функционирования можно ограничить второй половиной XVIII-60-е гг. Городище представляет интерес как памятник истории и оборонительной архитектуры нового времени.

Ю. А. ЕЛГИН
г. Чимкент

К ВОПРОСУ О БУХАРСКОМ ВЛИЯНИИ В КУЛЬТОВОМ ЗОДЧЕСТВЕ ЧИМКЕНТСКОЙ ОБЛАСТИ

В XVI веке зародились и развивались конструктивные приемы и архитектурно-художественные принципы бухарской школы зодчества, успешно использовавшиеся до первых десятилетий XX в. не только зодчими Бухары и Ферганской долины, но и в других регионах Средней Азии, включая Южный Казахстан. Однако памятников XVI в., времени расцвета бухарской архитектуры, несмотря на вхождение (надо признать, весьма кратковременное) в XVI в. территории Чимкентской области в государство Шейбанидов, не сохранилось, если не считать так называемого «абдуллахановского периода» в строительстве мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане (1591—1592) и более раннего медресе в Сауране (1523—1539) (40), известного по косвенным источникам, разрушившегося полностью в 60—70-х гг. XIX в.

Между тем, ряд памятников Чимкентской области второй половины XIX—начала XX в. отмечены печатью воздействия бухарской школы зодчества.

Связи культурного зодчества Казахстана с архитектурными школами Мавераннахра традиционны. Они не были утрачены, невзирая на политические перипетии. Культурный обмен между Бухарой и другими регионами Средней Азии не прерывался, не-

смотря на смену государственных образований и их границ, час-
о довольно условных. Строители из Ферганской долины, из Бу-
ары работали во многих областях Туркестана и после его при-
оединения к России. Непосредственное участие бухарских мас-
еров в выполнении заказов местного духовенства — не един-
твенный канал проникновения бухарского влияния. Влияние
ыразилось и о использовании местными строителями техниче-
ких приемов, главным образом, подкупольных конструкций, и
вязанных с ними планировочных и формообразующих идей, а
акже элементов декора.

Появлению памятников, близких бухарской архитектуре,
акже способствовало вхождение юга Казахстана в состав Ко-
андского ханства (начало XIX в. — 1860-е гг.). Тогда активи-
ировалось строительство культовых сооружений, особенно ме-
етей.

Кокандское ханство не создало новой архитектурной школы,
можно говорить о продолжающей развиваться Ферганской шко-
е. Культовое зодчество Ферганской долины неоднократно, час-
ю оно более или менее самобытно, но в целом находилось под
лиянием Бухары. Бухарская школа распространяла свое влия-
ие на Ташкент и Южный Казахстан. В связи с миграцией в
окандский период населения из Ферганской долины, где име-
ись строительные традиции и были более сильны институты
слама, в Южный Казахстан этот процесс усилился.

Этим можно объяснить сооружение недалеко от Чимкента
мечети Ишан-Базар, редкого в Казахстане типа загородной ме-
ети-намазгах. В бухарском оазисе эволюция этого типа мечети
редставлена наиболее полно и последовательно (самая ранняя
з сохранившихся намазгахов — XII в., перестройки XIV,
VI вв., находится в Бухаре). Ишан—Базар сильно напоминает
азвитые типы монументальных загородных мечетей, сложив-
ихся в бухарской архитектуре к XVI—XVII вв. и просущество-
авших до начала XX в., так как почти не имеет отклонений от
лассической схемы. Черты стиля бухарской школы видны и в
удожественно-композиционных приемах оформления интерьера
храбного зала. В его подкупольных конструкциях использова-
а система из больших арочных и промежуточных щитовидных
арусов, имевшая распространение в Ферганской долине наряду
куполами на пересекающихся арках и щитовидных парусах.

Подобный прием перехода от квадрата плана к основанию
упола в Чимкентской области встречаются еще в одном памят-
ике — в мавзолее Жунус-Ата (конец XIX в.) в с. Староикан
уркестанского района. Аналогичные переходные элементы мы
идим и в классических памятниках монументального зодчества,

и в скромных мемориальных сооружениях XVI — начала XX вв. Ферганской долины, каковыми являются мавзолеи Бустон-Бува в одноименном поселке и Пошо-Пирим в селе Пахта-Абад (оба XV—XVI вв.). Сходство мавзолеев Жунус-Ата и Пошо-Пирим не ограничивается одинаковыми подкупольными конструкциями. В основе плана обоих памятников лежит единый принцип организации пространства — выстроенные по продольной оси гурхана и зиаратхана заключены в общий призматический малорасчлененный на фасадах объем. Хотя венчающая часть зиаратханы в мавзолее Жунус-Ата утрачена, композиции внешних объемов, рассматриваемых памятников также имеют большое сходство. Оба здания имеют одинаковые четырехгранные ступенчатые объемы со срезанными углами и выступающие из кладки куполов подпружные арки. Рассматриваемые памятники восходят к бухарскому мавзолею XIV в. Сейфеддина Бохарзи. Описанные мавзолеи по внешнему облику имеют значительное сходство с однокамерным мавзолеем XIX в. на кладбище в с. Чаян Чимкентской области, в предгорьях Каратау.

Здесь же находится комплекс мечети-медресе Аппак-Ишан (конец XIX — начало XX в.). Центральное положение в нем занимает мечеть со сквозной двухрядной купольной галереей-айваном, огибающим прямоугольный основной объем с востока и юга. Венчающая часть основного объема мечети обнаруживает аналогию с мечетью-намазгах в ансамбле Хазрет-Имам в Ташкенте 1845—1867). Аналогичны также и конструктивные схемы перекрытий михрабных залов и архитектура интерьеров этих мечетей. В них выведена система пересекающихся арок и промежуточных щитовидных парусов, ставшая в XVI в. классикой бухарского зодчества. Дарсхана, выделенная в комплексе Аппак-Ишан в самостоятельный, отдельно стоящий объем, в общих чертах в уменьшенном размере повторяет конструктивную схему и архитектуру мечети. Оформление главного фасада дарсханы неглубокими стрельчатыми арками также восходит к бухарской архитектурной традиции.

Названные памятники близ предгорий Каратау представляют собой едва ли не самый северный пример использования традиций бухарского зодчества, придавая им цельность и чистоту стиля, во многом утраченные в позднекультовом зодчестве Казахстана.

Н. Л. ПОВАЛЯЕВ

г. Петропавловск

О МЕТОДИКЕ ПОДСЧЕТА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПО ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПАРАМЕТРАМ

На основе изучения конкретной зоны — Кустанайского При-
тоболья В. В. Евдокимовым и автором было обосновано приме-
нение формулы
$$Ч = \frac{УКФ}{МВ \cdot 100\%},$$

для подсчета численности населения, ведущего скотоводческое
хозяйство, и формулы
$$S = \frac{ЧМВ \cdot 100\%}{УКФ},$$

для определения площади используемых для этого пастбищ.
(Ч — численность населения, S — площадь пастбищ в га, У —
урожайность зеленой массы в кг с 1 га, К — коэффициент поеда-
емости травы в %, F — количество человек в семье. В — число
голов крупного рогатого скота (крс), приходящихся на данную
семью, М — масса, поедаемая одной условной головой крупного
рогатого скота в год).

Вторая формула фактически представляет собой преобразо-
ванную первую формулу, поэтому для проверки корректности
методики численность населения во втором случае определялась
археологическими способами. Это было возможно благодаря
хорошей изученности древностей Кустанайского Притоболья.

Результаты подсчетов очень близки к археологически наб-
людаемым и к реальной площади используемой экологической
нищи. Это определяется неизменяемыми природными и физио-
логическими параметрами, присущими интенсивному скотовод-
ству, и в первую очередь выходом биомассы с естественных
пастбищ, который ограничивает рост поголовья скота, заставляя
его колебаться вокруг средних многолетних значений.

Оценочный подсчет численности населения какой-либо тер-
ритории дает лишь потенциал заселенности для данного типа
хозяйства — фактически население может быть меньше — одна-
ко служит важным индикатором для изменения культурно-хо-
зяйственных типов. Так совпадение фактической и потенциаль-
ной заселенности, вероятно, свидетельствует о значительной на-
грузке на ресурсы, которая может быть преодолена либо отто-
ком населения, либо внесением и накоплением новых техниче-
ских навыков, изменением культуры в широком смысле.

Корректировка методики может быть достигнута путем со-

поставления данных письменных источников с расчетными. Принимая численность населения Казахстана во II—I вв. до н. э. в 1,5 ... 2,3 млн. человек и взяв среднюю урожайность естественных пастбищ в 6 ц с 1 га, получим для территории Казахстана (равной 2,7 млн. кв. м.) численность населения Ч в интервале 1840000 ... 2210 чел.

Аналогично можно дать оценку возможной численности населения Северного Казахстана. Оценивая полезную площадь в 0,5 млн. кв. км, получим $Ч = 340000 \dots 400000$ человек. Учитывая расположение зимников, можно предположить, что для древнего населения Северного Казахстана оптимальные пути миграций вели на запад и отчасти на восток, это находит косвенное подтверждение в передвижении сарматов.

Для всего Казахстана можно допустить, что начало I тыс. н. э. было наиболее удобным временем для толчка, нарушившего равновесие в системе «население-пастбища» и вызвавшем миграции.

Полученные результаты безусловно требуют уточнения. Для этого нужен более детальный расчет урожайности в каждой экологической нише, что в первую очередь позволит составить варианты зон, включающих в себя все типы пастбищ, необходимых для стабильного ведения хозяйства, и соотнести эти варианты с археологическими культурами и данными письменных источников. Совпадение по какому-то признаку позволит охарактеризовать тип хозяйства, либо степень информативности источника.

Поскольку при тщательной обработке экологических зон желательны точные подсчеты, можно, используя геометрический смысл интеграла, как предела суммы площадей, представить формулу в виде:

$$Ч = \int_0^1 \frac{S(x) \cdot УКФ}{МВ \cdot 100\%} dx,$$

где $S(x)$ известные функции, определяющие площадь на отдельных участках карты. Такое преобразование может быть полезно при будущей машинной обработке и картографировании результатов.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ АКСУ-ДЖАБАГЛЫ (ТАЛАССКИЙ АЛАТАУ)

Своеобразным ярким памятником первобытного искусства, сих пор не получившим должного освещения в научной литературе, являются петроглифы урочища Каскабулак. О наскальных изображениях в верховьях речки Каскабулак (Аксу-Джаглинский заповедник, Тюлькубасский район Чимкентской области) известно давно. Однако эти сведения во многом носят отрывочный характер. Уникальная галерея древних рисунков была открыта в 1923 году известными учеными — зоологом Д. Н. Шкаровым и ботаником А. П. Коровиным. В их статье-отчете экспедиции по Таласскому Алатау упоминаются «рисунки на мнях». Рисунки на камнях во множестве встречали в этом же месте и сотрудники заповедника. В 60-х годах гравюры Каскабулака исследовал талантливый зоолог Ф. Д. Шапошников, который впервые опубликовал их фотографии. Первую публикацию об этом местонахождении петроглифов сделал зоолог В. Е. Жолов в 1963 г. Две фотографии наскальных изображений поместил в своем путеводителе по заповеднику А. Ф. Ковшарь. В 70-х годах в заповеднике побывал профессор П. И. Мариновский, который и приводит наиболее полные сведения об этой галерее (2 фотографии и 147 рисунков). Вот немного, что известно об уникальном скоплении петроглифов в урочище Каскабулак.

Ввиду труднодоступности святилища и его местонахождения на территории заповедника петроглифы не изучались археологами.

С 1982 года стационарным изучением наскальных изображений на территории Аксу-Джабаглы в урочище Каскабулак (Лысый родник») у подножья ледниковых цирков Таласского Алатау занимались сотрудники Чимкентского областного музея (Мирзабаев А. С., 1984, 1986 гг.) На площади около 1,5 кв. км было обследовано 12 местонахождений петроглифов. Исследовано 1300 единичных изображений, 93 групповых. Гравюры выбиты процарапаны на порфиритах каменными металлическими инструментами. Доминирует техника сплошной выбивки (70%). Выбиты глубоко и тщательно. Размеры рисунков разнообразны: орнаментально-космические символы, культовые сцены с мифологическими сюжетами. Есть изображения, связанные с человеком: лучники, всадники на лошадях или кочующие на верблюдах, женщины в позе адорации, хороводы. Основной мотив —

изображение животных: оленей, верблюдов, лошадей, собак, «козлопись». Единичны изображения змей, медведя, снежного барса. Хронологически наскальные изображения выбивались с эпохи бронзы до позднего средневековья. Каскабулакская «писаница» функционировала длительное время и, очевидно, являлась местом племенных празднеств.

С 1988 года исследованием наскальных изображений Таласского Алатау занимается группа археологов института «Казпроектреставрация». Ими было обнаружено несколько новых местонахождений древних рисунков в данном регионе, Локализация петроглифов здесь связана с предгорными ландшафтами так называемого «культурного пояса», простертого вдали северных и северо-западных экспозиций Тянь-Шаня, определившего по крайней мере с энеолита направления этнокультурных взаимодействий с Западносибирской, Центральной и Среднеазиатскими зонами. Большинство «миграционных» мотивов Таласского Алатау обнаружено в непосредственной близости от древних караванных путей. Всего обнаружено около 3000 рисунков, главным образом эпохи бронзы — раннесакского времени. С высокой степенью достоверности интерпрессируемых как своего рода «иконостасы» естественных святилищ (Боралдай, Сусинген). Изобразительные мотивы и приемы построения в петроглифах Таласского Алатау разнообразны. Многообразны и технические приемы обработки камня — от техники графито до контррельефа. Это объясняется высокой пластичностью материала: многие гравюры выбиты на гладких скалах и валунах, составленных мелкозернистыми полимиктовыми песчаниками, порфиритами. Считаю, что процесс развития наскального искусства на юге Казахстана (Таласское Алатау) шел непрерывно от эпохи энеолита до позднего средневековья и этнографической современности. В Таласском Алатау можно выделить 5 хронологических пластов и соответствующие им энокультурные циклы.

1. Энеолит — эпоха бронзы (III тыс. — II тыс. до н. э., особо выделяется финальный этап).

2. Сакский «звериный стиль» (I тыс. до н. э., особо VII—VI вв. до н. э.) — с тягой декоративности и символичности (выделяются ранние и поздние этапы).

3. Древнетюркские пласты (VI—IX). Для изображений этого времени характерны композиции и специфический набор мотивов (всадники, копейщики, знаменосцы, «тамгообразные козлы» и др.).

4. «Буддийские» и «суфийские» циклы (XVII—XIX вв.). Гравюры «буддийского» времени крайне редки и относятся к периоду нашествия джунгар. «Суфийские» сюжеты (эпиграфика

периоду нашествия джунгар. «Суфийские» сюжеты (эпиграфика) можно отнести к эпохе казахских ханств и к проникновению ислама в казахские степи.

5. Казахский народный цикл. Петроглифы неканонизированного содержания: изображение домашних животных: козлов, лошадей, верблюдов, ослов; изображения людей с камчой и ружьями на сошках, тамги казахских племен и родов.

Наскальные изображения позднего средневековья и этнографической современности до настоящего времени и изучены

Традиция выбивания на камне рисунков-повествований, высекания коротких надписей (эпиграфика) сохранилась у казахов вплоть до недавнего времени.

А. В. ЖУК

г. Омск

АРХЕОЛОГИЯ КАК ЭТНОЛОГИЯ

(по работам В. М. Флоринского в Семипалатинской и Семиреченской областях)

Археология должна служить предшественницей истории. Она должна иметь в виду не отвлеченные представления о вымерших, более не существующих народах или угасших культурах, а восстановить связь давно прошедшего с настоящим.

В. М. Флоринский, 1898.

В ноябре 1988 года на юбилейной конференции Омского историко-литературного музея мною было показано, на примере работ А. В. Селиванова в Акмолинской и Семиреченской областях, как формальная типология, внедряясь в историко-культурную мысль, разрушает ее изнутри, превращает воссоздание культуры в анализ форм. Достойн, однако, внимания и более сложный случай — когда формальная типология, принятая на вооружение исследователем, лишь обслуживает историко-культурную концепцию, то есть не становится именно основным методом. Очень интересны в этом отношении труды В. М. Флоринского.

Крупнейший в России гинеколог, профессор, основоположник отечественной евгеники (смотри его «Усовершенствование вырождение человеческого рода» 1886 года), первый попечитель Западно-Сибирского учебного округа, строитель и гла-

ва Сибирского университета, — Василий Маркович Флоринский (1833—1899) создал, в числе прочего, и Томскую археологическую школу. Возглавляемое им Общество Естествоиспытателей и Врачей, открывшееся в 1889 году при университете, имело одной из главных задач «изучение, по археологическим памятникам, живших здесь доисторических племен» (Устав, § 2) и на протяжении 1890-х годов претендовало на роль центра по изучению древностей Западной Сибири. Претензия эта подкреплялась не только активными действиями членов Общества, но и единственным в Сибири специально археологическим музеем, собранным В. М. Флоринским во 2-й половине 1880-х годов. Кроме того, Томск заявил о себе серией научных трудов по результатам изысканий 1880—1890-х годов. На всех этих направлениях «команда Флоринского» успешно конкурировала с «командой Селиванова» — Археологической Комиссией, учрежденной в 1894 году при Западно-Сибирском Отделе Императорского Русского Географического Общества.

В 1886—1887 годах В. М. Флоринский провел, используя служебные поездки, обширную рекогносцировку памятников Семипалатинской и Семиреченской областей. В частности, его внимание привлекли курганные группы вдоль почтового тракта Павлодар—Верный (курганы от Верного до Иссык-куля осмотрел подчиненный Василием Марковичем, инспектор народных училищ Семиреченской области Городецкий). Изучил В. М. Флоринский и материалы военного врача Ф. Я. Пояркова, а также хранителя Семипалатинского музея П. Е. Маковецкого. Результаты исследований памятников Степного края вошли в основные археологические труды В. М. Флоринского: в Каталог Томского археологического музея (1888), в серию статей I-й книги Известий Императорского Томского университета (1889) и, наконец, в «Первобытных Славян» (1894-98).

Интерес В. М. Флоринского к южным древностям не был случаен. Сторонник центрально-азиатской теории этногенеза, он искал в северных предгорьях Тянь-Шаня путь, по которому арийцы — предки кельтов, галлов, германцев и славян — спустились с вершин исторической родины и разошлись по Сибири, а затем и по Европе. Должно заметить, что многие, из тех, кто обращался к Семиреческим памятникам, мечтали о древнейших «следах и остатках» арийцев — И. П. А. Ремюза, Г. Ю. Клапрот, В. В. Григорьев. На их-то авторитет и опирался В. М. Флоринский, а также — на косвенное подспорье «географических и физических условий страны». По его мнению, памятники фиксируют «и пределы распространения названных народностей на их азиатской родине, и те места на западе-

куда они передвинулись впоследствии, и даже самый путь переселения» (1896, с. 56). Однако, если артефакты действительно способны указать место возникновения этноса, то — лишь через сопоставление и картографирование типов. Поэтому В. М. Флоринский закладывает основы формальной типологии (или, как он пишет, «сравнительной археологии») Сибири и, сознавая всю сложность задачи, не претендует на готовые ответы: понятно, что воссоздание типологических рядов еще только должно стать основной задачей археологии. Пока ряды намечены лишь пунктиром, со значительными лакунами; правда, Василий Маркович уже чувствует себя вправе делать на такой основе рабочие выводы, — ведь в Семиречье и соседних областях он отыскивал (по его мнению) древнейшие прототипы вещей, а зная исходное состояние, можно судить о тенденциях развития всего ряда.

Пожалуй, среди сибирских археологов 1880—1980-х годов В. М. Флоринский лучше всех понимал значение формальной типологии: по тексту «Первобытных Славян» можно проследить, как «тип» постепенно становится для него основной аналитической категорией. Важно, однако, что формальная типология практически не наносит ущерба историко-культурному движению мысли В. М. Флоринского, — как-то легко обнаружить даже у исследователей, в значительно меньшей степени усвоивших новый метод. По-прежнему «задача археологии состоит в том, чтобы проследить связь древнейшей культуры с ныне существующей» (1896, с. п. 5), а что касается типов орудий, то они лишь характеризуют собой культуру, но сами таковой не являются; культура вовсе не есть «комплекс вещественных памятников», как будет утверждать некоторое время спустя В. А. Городцов. Иными словами, археология, «отрасль наук исторических», есть этнология. Она не должна вторгаться в «чуждые ей области антипропологии, геологии и палеонтологии», а предметом ее не может быть «дикий дилювиальный человек, который представлял собою как бы переходную, зоологическую ступень от зверя к *homo sapiens*» (1896, с. П5). Предметом исследования может быть лишь собственно человек, то есть этнос; здесь, как признает и сам В. М. Флоринский, антиропогенез тождествен этногенезу. Археология получает нижнюю временную границу и практически разомкнута в этнографическую современность, — концепция зеркальной временной ориентации, восходящая к науке о древностях эпохи Просвещения и вновь ставшая актуальной в конце XIX века.

Более того, В. М. Флоринский хорошо помнил, что естествознание получило идею развития от христианского историзма.

Поэтому тип у него не развивается органически, самопроизвольно, но совершенствуется человеком. А значит, не может быть и речи об автохтонии форм. К примеру, «форма каменных орудий была изобретена в одном центре начальной человеческой культуры и отсюда, и само человечество, разошлась во все концы земли, служа, таким образом, одним из доказательств единства человеческого рода» (1896, с. 154). Соответственно, эволюция типов превращалась в последовательность культурных состояний: «я признавал бы более согласным с требованием науки употреблять обычное выражение «каменный век» только в культурном, но не в хронологическом значении, то есть не в смысле определения древнейшей эпохи, предшествовавшей бронзовому веку, а лишь для обозначения степени культурного развития бывшего населения изучаемой местности» (1896, с. 119).

Не нужны В. М. Флоринскому и априорные «неисчислимые тысячелетия» Ч. Дарвина, необходимые палеолитчикам для обоснования эволюции форм. Как приверженец зеркальной временной ориентации, Василий Маркович вообще был невысокого мнения о возрасте древностей: «тот археологический материал, который мы изучаем в настоящее время, по нашему мнению, не может быть древнее 2—3 тысяч лет» (1896, с. 106). Но и в этих пределах В. М. Флоринский, набрасывая эскизы типологических рядов, не интересуется абсолютной хронологией: раз предмет его исследования — историкокультурное состояние человека, то максимум, о чем заставила его помышлять формальная типология, это относительная древность памятников.

Таким образом, В. М. Флоринский воспринял начала формальной типологии и сумел найти им достойное место в первом, и на долгие годы — единственном фундаментальном труде по археологии Сибири; именно «Первобытные Славяне» стали начальной ступенью к разработкам С. А. Теплоухова. Вместе с тем, В. М. Флоринский сумел уберечь историко-культурный и историко-географический (в духе Карла Риттера) характер своих воззрений, преодолеть магию эволюционизма и строго выдержать формальную типологию на уровне рядового метода. Это очень редкий пример, когда естествовик, врач, сумел до конца остаться, в своих археологических изысканиях историком, — да еще в то время, когда историзм шел вразрез с логикой развития науки.

КАЗАХСКИЕ НАКЛАДНЫЕ ПОЯСА И ИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

При изучении процесса формирования и развития самобытной художественной традиции изготовления казахских наборных поясов нами предпринята попытка провести археологические параллели. В данном сообщении остановимся на одном моменте — включение в орнаментальные композиции поясов орнитоморфных мотивов.

В музейной коллекции хранятся несколько десятков наборных поясов XIX — нач. XX вв. на кожаной и бархатной основе с числом предметов поясной гарнитуры от 9 до 81. В декоре исследуемых поясов стилизованный образ представлен вертикально парящей (летающей) в воздухе птицей с расправленными крыльями. Некоторые фигурки заполнены врезными линиями, передающими крылья, иногда профилированы головки, хвост. Примечательно свидетельство старожилов о бытовавших названиях узоров: птичьи крылья — кус канат, орлиное крыло — буркит канат, соколиное крыло — лашин канат. По словам наших информаторов, с птицами связаны религиозно-магические представления: о трансформации души человека после его смерти, о влиянии на рождение батыра, об охране новорожденных и маленьких детей, о моральном и материальном благополучии. Хищные птицы с глубокой древности были тотемами, объектами религиозного почитания, символизировали оплодотворяющую и очищающую силу солнца, а также воздух, свободу, добро, счастье, богатство.

Данные археологических исследований на территории Верхнего Прииртышья свидетельствуют о преобладании изобразительных орнитоморфных мотивов в прикладном искусстве. В образах хищных птиц отражалась апотропическая традиция кочевых племен. Примечательно, что в 1987 г. при раскопках могильника Курук I (III—I вв. до н. э.) было «впервые выявлено захоронение с сопровождающим погребением трех беркутов» (Васютин А. С., Ложкин К. В., Петенева Т. Г., Самашев З. С., 1989 г.). Кстати, у казахских баксы в старину желтый беркут — это добрый дух, антипод зла (Диваев А. А., 1899 г.).

Среди древнейших находок изображение птицы встречается, преимущественно, на ювелирных изделиях. Это бляшки и подвески, пряжки, застёжки поясов, а также заколки, украшения головных уборов, нашивки на одежду, украшения оружия

и элементов сбруи лошади. Хронологический диапазон находок охватывает VII—VI вв. н. э. — X в. н. э.

Совершенно необычны 9 золотых нашивок на головной убор в виде барельефных контурных фигурок орлов, а также бляшка в виде птицы из Чиликтинского кургана (VII—VI вв. до н. э.) (С. С. Черников, 1985 г.). К этому времени относится Камышинский клад из 18 бронзовых предметов конской сбруи. Среди них псалии с концами в виде стилизованных головок птиц (Арсланова Ф. Х., 1984, Членов, 1967). Здесь же следует упомянуть и ушбилский образец псалия и бляху со скульптурными изображениями взаимообращенных головок птиц, датированных V в. до н. э. (Арсланова Ф. Х., 1980). По мнению археологов, «отчетливое сходство в манере изображения чиликтинских орлов и ушбиликских орлиноподобных грифонов позволяет предполагать длительные местные традиции в прикладном искусстве (Арсланова Ф. Х., 1980).

Культ орла в Прииртышье существовал на протяжении столетий. Однако наблюдается переход от реалистических изображений птиц к стилизованным, что можно объяснить развитием религиозных воззрений, которые придавали образу птицы (орла, грифона) апотропическое значение (Погребова Н. Н., 1948; Членов Н. Л., 1967; Кадырбаев М. К., 1975).

Апотропийную (защитную или охранную) функцию птиц наблюдаем в погребальном обряде аримаспов, населявших горные районы Восточного Казахстана. В большом Берельском кургане (V—IV вв. до н. э.) был обнаружен саркофаг-колода, покрытый снаружи берестой, под слоем которой оказалось, «что на четырех углах выдолбленного ствола были прикреплены четыре отлитые из меди птицы, на каждой стороне — одна птица с поднятыми крыльями и одна с опущенными» (Радлов В. В., 1989).

В средневековье образ хищных птиц продолжает «выполнять» культурно-магические функции, что подтверждают находки в восточно-казахстанских погребениях VIII—X вв. н. э. В женском погребении Зевакинского могильника найдена застежка, состоящая из парных половинок с изображением «личины на поверхности» летящей птицы (Арсланова Ф. Х., 1969, 1972, 1989; Савинов Д. Г., 1976). В материалах Зевакинского могильника есть еще находка с орнитоморфными мотивами — это изображение на навершии сабли. На юго-западной окраине этого могильника на камне обнаружена многофигурная композиция, где есть изображение парящей птицы (Савашев З. С., 1987).

В кургане № 23 могильника Карашат I «у темени было

найденно серебряное навершие в виде птицы на подставке». Здесь же было найдено еще пять бронзовых бляшек, напоминающих стилизованные фигурки летящих птиц (Трифонов Ю. И., Самашев З. С., 1987). В междуречьи Шульбы и Убы в погребении № 3 могильника Сандыккала обнаружена нагрудная бляха в виде двух противостоящих птиц. Кстати, аналогичная находка была сделана Г. Ф. Миллером в курганах между Обью и Иртышом (Миллер Г. Ф., 1937). Кроме нагрудной бляхи было обнаружено «серебряное крылевидное украшение с неглубоким растительным орнаментом на обеих сторонах» (Самашев З. С., Боковенко Н. А., 1985). В другом позднекочевническом могильнике Акчий II была найдена подвеска, напоминающая очень схематизированную голову птицы с сильно загнутым клювом (Трифонов Ю. И., 1987), которая идентична находке в май-эмирских курганах в верховьях р. Нарым (Грязнов М. П., 1947).

Аналогии в археологических древностях Восточного Казахстана подтверждают преемственность орнитоморфных мотивов казахского прикладного искусства. В основе зооморфных модификаций украшений поясов лежит стилизация древнего «зверинного стиля».

Так как издавна пояс нес определенную семантическую нагрузку, само опоясывание, а также орнамент и количество бляшек-накладок, дальнейшее изучение поясов по музейным коллекциям позволит выявить все их многообразие, установить идентичность формы и локальных технико-художественных особенностей, проследить традиционную преемственность и сохранение архаичных черт.

А. О. ИТЕНОВ
г. Алма-Ата

УСАДЬБА СЫРЫМБЕТ КАК АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК

Изучая жизнь и научную деятельность Казахского ученого Ч. Ч. Валиханова, мы упускаем из поля зрения его детские годы — период воспитания и закладки интеллектуального потенциала, раскрывшегося впоследствии. Большую творческую работу в этом плане сделали академик А. Х. Маргулан и архитектор Ш. И. Валиханов.

Известно, что детские и юношеские годы Ч. Ч. Валихано-

ва провел у своей бабушки в Сырымбете — усадьбе, где были сосредоточены лучшие умы того времени.

Усадьба Сырымбет находилась в 3-х км к юго-востоку от одноименного поселка (Володарский р-н, Кокчетавской обл.), у северного подножья горы на лесной поляне. Начало образования усадьбы относится к 20 годам XIX в., когда урочище Сырымбет стало местом постоянной зимовки бабушки Чокана Валиханова — Айганым Валиевой, вдовы хана Среднего Жуза Вали Аблайханова.

Архитектурный облик усадьбы формировался постепенно, на протяжении всего XIX в. Границы усадьбы менялись, но центральное ядро сооружений оставалось неизменным. В нее в разное время (1924—1907 гг.) входили жилой дом, мечеть, мельница, баня, колодец, пашня, огород.

В 60-х годах XIX в. в урочище образуется еще одна усадьба — Чингиса Валиханова, процесс привлечения к оседлости местного населения для укрепления административного управления Степным краем продолжался.

В 1988 г. были проведены археологические работы на месте усадьбы Сырымбет сотрудниками института «Казпроектреставрация». Для создания опорно-архитектурного плана, проектов регенерации и воссоздания усадьбы необходимо было определить точное место усадьбы, ее границы, остатки сохранившихся сооружений и их функциональные назначения, хронологию построек, по возможности, определить внутренний интерьер.

В результате работ были выявлены остатки двух усадеб, занимающих северную часть урочища.

Усадьба Айганым.

Выявлены фундаменты 6-ти домов, различных по своему функциональному назначению.

Жилой дом (257, 82 кв. м.) состоял из 9-ти комнат со следами перестройки. Фундамент представлял собой каменную забутовку высотой 35 ... 40 см. В заполнении помещений много кованых железных гвоздей. фрагменты посуды из фарфора не только бытовой, но и декоративной.

Трехкомнатный дом-мечеть (68 кв. м.). Фундамент — мощная забутовка из рваного серого гранита. В заполнении найдены астрогалы, ракушки, бусы.

Дом-медресе (129,82 кв. м.) — второе по величине сооружение. Выявленные вещи: железное перо, ручка от пресс-папье, деревянная шкатулка для бумаг — дают определенную возможность для утверждения местонахождения медресе-школы.

Совершенно точно определено здание бани (49,41 кв. м.), состоявшей из 2-х комнат: самой бани и прибанника. В северо-

восточном углу большого помещения остатки печи из красного прямоугольного жженого кирпича ($21 \times 10 \times 5$ см). В этом же углу найдены засов от печи и кусочки мыла, в предбаннике — медная монета 1846 г.

Выявлен еще один жилой дом (43,86 кв. м.), где во внутреннем фундаменте в заполнении найдены фрагменты посуды из фарфора, перочинный нож, 2 железных наконечника стрел.

В 30 м севернее от этого дома выявлены остатки фундамента трехчастного дома (86,64 кв. м.), в большом помещении сохранилось основание печи (180×95 см), сложенного из жженого кирпича ($23 \times 13 \times 5$ см.).

Нумизматический материал (5 монет) датирует усадьбу с 1846 по 1879 гг; посуда из фарфора (Барминов В. П., Кузнецов М. С.) широкое распространение в Северном Казахстане получила с 60-х годов XIX в. до начала XX в.

Усадьба Чингиса.

Расположена в 350 м к северу от усадьбы Айганым. Территория усадьбы с северной стороны ограничивается дорогой в с. Сырымбет, а с южной — болотом, где, по сведениям информаторов, функционировал мощный родник. Дома усадьбы (18 домов) расположены группами. Центральная группа отличалась от других большей площадью домов. Визуально остатки домов «читаются» по невысокому валу.

Для выявления строительных конструкций были сделаны зачистки хорошо прослеживаемых углов строений №№ 2, 7, 9. В результате прослежены не только остатки фундаментов, но и деревянные лаги пола помещений. Это — крестообразная перевязка с запуском наружу концов бревен на 40 ... 45 см. Лаги представляют собой обработанный сосновый кругляк-отес с четырех сторон с приобретением формы уплощенного бруса ($20 \times 10 \times 12$ см). Сохранность фундаментов и деревянных конструкций выгодно отличаются от таких же конструкций усадьбы Айганым.

Археологические работы на усадьбе Айганым и предварительные работы на территории усадьбы Чингиса дают возможность утверждать, что они разновременны: время расцвета усадьбы Айганым приходится на 1850-60 гг. (бесспорное пользование землей); территория усадьбы Чингиса начала застраиваться позже (земля во временном пользовании) и без какого-либо обдуманного проекта.

По результатам археологических изысканий на усадьбе Айганым созданы проект регенерации и приспособления территории всего урочища и проект воссоздания усадьбы как па-

мятника деревянного зодчества XIX в. с перспективой организации мемориально-исторического комплекса.

О. П. ЧЕНЧЕНКОВА
г. Петропавловск

РАЗВИТИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ У РАННИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

(на примере древней западно-сибирской скульптуры)

Вопрос о происхождении искусства не менее важен и сложен, чем проблема происхождения человека. Более того, две проблемы взаимосвязаны, так как знаковая деятельность, будучи основой изобразительного творчества, одновременно является одной из определяющих черт человека как биологического вида.

По одному из определений, искусство — это такая сфера деятельности человека, в которой эстетическая функция преобладает над другими (Я. Мукаржовский, 1975). В той или иной мере эстетическую функцию выполняют все вещи, сделанные человеком. Но лишь, с эпохи возрождения получают распространение предметы, изготовленные для сугубо художественных целей.

Обращаясь к первобытным изображениям, неизбежно сталкиваешься с вопросом, насколько правомерно относить их к области искусства. Создавались они, наверняка, не для художественных, а для каких-то иных, скорее всего, культовых целей. В современной жизни также существует немало изображений (буквы, ноты и проч.), не имеющих художественного значения. Современные нехудожественные и древние культовые изображения можно объединить понятием «знак».

Если следовать разграничению, которое дал терминам «знак» и «символ» А. Ф. Лосев (1975), то под знаком следует понимать нечто имеющее только одно, конкретное значение, а под символом — нечто более всеобъемлющее, одновременно реализующее множество знаний. В какой-то мере символ аналогичен художественному образу, определяющей чертой которого является объединение разрозненных явлений в обобщающий тип.

Попробуем с этих позиций взглянуть на древнюю скульптуру Западной Сибири. В основном это случайные находки, которые большинство исследователей датирует эпохой бронзы и раннего железа. Среди них встречаются песты, молоты, тероч-

ники — фаллические, либо с изображением головы человека или животного, аналогичные им фигурные жезлы и отдельные самостоятельные фигурки. Очевидно, что все эти изделия были изготовлены не для эстетических целей, + т. е. не являются полноценными произведениями искусства. Назначение подобных предметов, по общему признанию, было скорее всего культовым.

В то же время названные скульптуры в той или иной мере обладают определенным эстетическим потенциалом. Но для этого потенциала в каждом изображении своя. Эта разница в эстетической ценности определяется, главным образом, различием типов самих изделий. Если исходить только из внешней формы, + то пест — это утилитарное орудие, жезл — культовый предмет, а фигурка — «чистое» изображение. Но по содержанию (культовому назначению) предметы типа «Нуринского песта», «Ирского жезла» и «Кустанайской фигурки человека» примерно равноценны. Все эти предметы имеют отношение к мужскому культу плодородия. И, вероятно, даже характер применения их в обрядовом действии был сходным — об этом свидетельствуют одинаковые следы сработанности.

Современная наука следующим образом реконструирует развитие ранних форм религии: первоначально обрядовые действия не были регламентированы, позже — приобрели устойчивость, обряд канонизировался. Этот процесс являлся одновременно одним из условий развития изобразительного творчества. Проследим это на конкретном примере. Допустим, пест используется в обряде. Первоначально для выполнения некой обрядовой роли применяется утилитарный пест. Со временем возникает необходимость в изделиях, предназначенных только, исключительно, для обряда. Для того, чтобы отличить их от обычных пестов нужно было это как-то обозначить. Таким обозначением стало изображение фаллоса, что было связано со смыслом обряда. Когда обряд усложнялся, расширялась его значимость, — появились и такие многозначные изделия, как «Нуринский пест»: пест—камень—фаллос—человек—зерно (или краска, руда, которые растирались) и т. д. На более поздней стадии, когда утилитарный смысл песта был полностью вытеснен культовым, появляются такие сугубо знаковые изделия, как жезлы (например «Ирский»). Характерно, что среди жезлов, датируемых ранним железным веком, нет ни одного чисто фаллического изображения, хотя жезлы и принято связывать с этим культом. В то же время все известные простые фаллические песты происходят из ранних памятников энеолита и начала бронзы.

Знаменательно также, что среди жезлов встречаются переходные типы: жезл—пест, жезл—молот, жезл—оселок.

В отличие от фигурных пестов (утилитарные по форме изделия) и фигурных жезлов (знаковые по форме изделия), во внешней форме «Кустанайской фигурки» человека не проявляются никакие побочные функции, кроме изобразительной.

Таким образом, вырисовывается следующий эволюционный ряд: утилитарный пест—фаллический пест—фигурный пест («Нуринский») — фигурный жезл («Ирский») — самостоятельное изображение («Кустанайская фигурка»). В этом ряду, через нарастание семантического потенциала, происходит переход от утилитарной вещи к знаковой и от нее — к художественной.

Та же закономерность была обнаружена автором при изучении орнаментированных фаланг лошади эпохи энеолита. Б. Я. Замбровский (1976) выявил тот же механизм в развитии обрядовых плясок палеолитических охотников. Усиление эстетической функции за счет вытеснения утилитарной является общераспространенным законом и современного декоративно-прикладного искусства. Т. о., обнаруженный механизм, видимо, не следует ограничивать рамками Сибири эпохи бронзы.

Подведем итоги. Парадокс происхождения искусства, возможно, в том и состоит, что оно не произошло когда-то в глубокой древности, и не досталось нам в готовом окончательном виде, а «происходит» и поныне. Поскольку 1) человек продолжает оперировать знаками, 2) а знаки обладают свойством накапливать с течением времени все большее количество значений (А. Ф. Лосев, А. А. Потебня), то в определенный момент они становятся способными превращаться в символы (художественные образы). Исходя из этого, происхождение искусства следует рассматривать не как пройденный и заверченный этап развития, а как непрерывный продолжающийся процесс, качественно присущий художественной деятельности.

И. И. ШИНКАРЕНКО
А. М. КИСЛЕНКО
г. Петропавловск

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОГО И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Историческое краеведение способствует формированию у учащихся научного мировоззрения, подводит к проблемному пониманию материала, к самостоятельной работе. Школьно-

краеведение из методического приема превратилось в общепедагогический принцип, суть которого состоит в установлении связи изучаемого школьного курса истории со знаниями и навыками, приобретенными в результате с историей родного края. Это дает возможность преподавать историю на конкретном материале, позволяет увязать общен исторические закономерности развития с историей развития родного края.

Используя краеведческий материал на уроках истории, необходимо учитывать, что он не должен заслонять собой, раскрытие закономерного хода событий по всей стране, но в то же время, должен явиться яркой иллюстрацией особенностей исторического развития, характерной для данного региона.

В ходе изучения истории родного края учитель может организовать научно-поисковую работу учащихся. Исследовательская работа по краеведению выводит учащихся за рамки уроков, в окружающий мир, расширяет их кругозор, область интересов, развивает наблюдательность, учит анализировать, давать оценку историческим событиям. У подростков развивается свой эстетический вкус.

Применение краеведческого материала на уроках истории положительно влияет на профессиональное совершенствование самого учителя, предполагает его дальнейшее историческое самообразование и повышение педагогического мастерства. Это побуждает к творческой разработке уроков, что позволяет достигнуть более качественных знаний и совершенствовать обучение.

Используя на уроках краеведческий материал, учитель включает и археологические источники. Специфика археологического материала состоит в его необычности. Школьники редко сталкиваются с предметами подобного рода, имеют ограниченные представления об их происхождении и принадлежности.

Включая археологические данные в программу на уроках истории, необходимо указывать на конкретные памятники, привязывать их к определенному населенному пункту, сообщить о исследователях.

Специфичность археологического материала в том, что он относится к древнейшему, наименее изученному периоду истории. Ученые ведут постоянные поиски, исследования, выдвигают гипотезы, имеют различные точки зрения на одну и ту же проблему, по поводу использования, применения того или иного предмета, по поводу того или иного исторического события, явления, происходившего несколько тысячелетий назад, а письменные источники, подтверждающие или отвергающие хотя бы одну из версий, отсутствуют. Знания же самих учеников о жиз-

- ни, быте и культуре предков, населявших территорию края в древности, незначительны. Следовательно, при использовании археологического материала перед учителем встает ряд задач:
1. Создать целостную картину различных исторических эпох первобытного общества.
 2. Проследить эволюцию знаний, умений и навыков древних людей.
 3. Выявить особенности исторического развития края в древнейший период в определенных природно-экологических условиях и спроецировать на общеисторический фон развития всей страны.
 4. Рассматривать те или иные события истории родного края в динамике, то есть: выявить причины событий, их ход и последствия.
 5. Дать учащимся представление о научных методах, применяемых в археологии, о работе ученых-исследователей.

Е. М. ШАЛЬКОВСКАЯ
г. Петропавловск

ТРАНСФОРМАЦИЯ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР

Первый опыт перестройки совершенно ясно показал, что главной проблемой, от которой прямо зависит дальнейшее развитие реформаторских процессов, является проблема преобразования экономического фундамента. Многих изъянов современного кооперативного строительства можно было бы избежать, учитывая собственный опыт создания и функционирования коллективных предприятий в 20-е годы. Уроки прошлого исторического опыта развития советской кооперации призваны послужить современности, помочь в преодолении тормозящих факторов ее развития в условиях перехода советского общества к рыночной экономике.

Вопросы кооперативной теории и кооперативной практики в их современном звучании и в историческом контексте находятся в поле зрения общественного интереса, становятся предметом исследований экономистов, историков, публицистов.

Предлагаемая работа имеет своей целью проследить развитие ленинской теоретической мысли по вопросу о кооперации, деформацию взглядов на кооперативное движение и современное состояние кооперативного движения.

Взгляды В. И. Ленина на кооперативные предприятия и кооперативную собственность необходимо рассматривать в исторической динамике: сначала в контексте донэповской модели

социализма, а затем в контексте НЭПа. Необходимо показать новаторское значение изменения Лениным «всей точки зрения на социализм» для разработки новой концепции развития советской кооперации в условиях рыночной многоукладной экономики. В этой связи интересно проделать историографический экскурс в новейшую литературу: рассмотреть плюралистический подход к толкованию ленинского вывода о том, что «строй цивилизованных кооператоров» при известных условиях, характерных для перехода к социализму, ничем не отличается от строя социалистического.

Именно в контексте НЭПа накапливался исторический опыт развития многовидовой массовой советской кооперации, который целесообразно изучать и использовать в современных условиях.

Если обратиться к опыту развития кооперационных форм хозяйствования в условиях гражданской войны, то стоит подчеркнуть бесперспективность развития этих форм. Тогда возобладали административно-директивные методы управления экономической и тенденции к свертыванию товарно-денежных отношений, что перекрывало кислород кооперации, обрекало ее на роль придатка госсектора, порождало использование лже-кооперативных форм теневой экономики, стимулировало политическую конфронтацию старых спецов-кооператоров в отношении государственной власти.

Негативные тенденции деформации ленинской концепции кооперативного движения в условиях демонтажа НЭПа необходимо изучать с точки зрения утверждения административно-командной системы управления, чтобы знать, какие элементы этой системы еще продолжают свое тормозящее воздействие на прогрессивный процесс развертывания кооперационных форм хозяйствования в современных условиях.

Анализируя состояние современного кооперативного движения, необходимо подчеркнуть устойчивость стереотипов администрирования в отношении кооперации: в современном кооперативном законодательстве преобладает система запретов, неравноправие кооперативных предприятий в сфере снабжения сырьем и оборудованием, что в первую очередь отражается как раз на производственных кооперативах в интересах потребителей. Такие подходы порождают неустойчивость кооперативов (более одной трети их распадаются), в особенности производственных (за период 1988—1990 гг. их удельный вес снизился с 40% до 10,7%, т. е. почти в 4 раза). Глубокий, объективно-исторический анализ теоретического наследия и практически кооперативного движения (20-х—30-х гг.) позволит более правильно строить экономическую основу в современных условиях.

О ЛИТЕРАТУРЕ ПО ИСТОРИИ ИВАНОВСКОЙ ВОТЧИНЫ ШЕРЕМЕТЕВЫХ

Как известно, на темпы формирования капиталистического уклада в предреформенный период решающее влияние оказывали процессы, происходившие в крупных помещичьих имениях, поскольку в условиях феодализма вотчинное хозяйство — это главное звено, на котором базировалась вся структура экономики феодального общества. Развитие элементов капиталистического уклада в помещичьей деревне шло по линии углубления социального расслоения крестьянства, все большего отвлечения его от земледелия к торгово-промышленной деятельности и работе по найму. Однако уровень развития этих процессов и их глубина были далеко не одинаковы в хозяйствах различных областей России. Раньше и интенсивней они развивались в промышленных районах страны. Центрами становления капиталистических отношений, постепенно преобразующих облик близлежащих сельскохозяйственных районов, являлись, в частности, такие торгово-промышленные села, как Иваново, Павлово, Ворсма, Вичера, Тейково и др. Большой интерес в плане исследования экономических и социальных изменений, происходивших в крупном промышленном селении в предреформенный период, являющемся одновременно помещичьим имением, представляет с. Иваново (графов Шереметевых) Шуйского уезда Владимирской губернии.

Яркостью и рельефностью исторического материала объясняется факт широкого использования данных из истории имения в работах историков. Первые шаги в изучении Иванова были предприняты в XIX в. Ценные сведения об управлении вотчины, развитии Ивановской промышленности, быте крестьян содержатся в периодических органах, издававшихся в то время.

Интересны работы, написанные самими ивановскими фабрикантами. Такова «Памятная книжка А. Ф. Палушина» (1898 г.) и книга крупного ивановского фабриканта Я. П. Гарелина «Город Иваново-Вознесенск» (1884 г.). Его книга, по существу, первая работа, в которой история Иванова представлена довольно обстоятельно и всесторонне. Гарелин приводит весьма интересные сведения по истории Ивановской промышленности и управления вотчиной, о положении фабричных рабочих, расселении крестьян. Однако интерес представляет не столько наличие большого количества фактов, сколько оценки, которые дает им автор. С этой точки зрения книга может быть

интересна в плане изучения идеологии формирующейся буржуазии.

Продолжение изучения истории села относится к 20—30 годам XX века и связано преимущественно с развитием краеведения. В этот период появился ряд работ популярных очерков, цель которых — познакомить широкий круг читателей с богатыми событиями прошлым города, прошедшего длинный путь от небольшого промыслового села до крупного фабрично-заводского центра. Велика заслуга в воссоздании этих страниц истории края П. М. Экземпларского — архивиста, историка, краеведа. Итогом его многолетних исследований явилась книга «История города Иванова». В это же время были написаны работы, посвященные разработке конкретных сюжетов истории Иванова в крепостную эпоху. Истории династии крупных ивановских фабрикантов посвящена статья А. А. Степанова «Крестьяне-фабриканты Грачевы». Вопрос о бюджете Шереметевых рассматривает В. К. Станюкович. Следует также упомянуть очерк «Из истории образования города Иваново-Вознесенска» Е. Ф. Дюбюка. Начало изучения истории села Иванова таким образом поставило ряд важных вопросов: формирование крупной ивановской буржуазии, образование Вознесенского посада, роль крестьянина-фабриканта в вотчине. Однако эти вопросы требовали дальнейшего исследования.

Ряд ценных фактических данных в этом плане содержится в монографии К. Н. Щепетова «Крепостное право в вотчинах Шереметевых» (1947 г.), написанной на материале вотчинного архива Шереметевых. Большое внимание уделено в работе общим для всех владений процессам — расслоения крестьян, усиления социальных противоречий и особенно проявления кризиса крепостного хозяйства. Однако автор монографии основывает свои выводы преимущественно на суммарных, сводных данных по всем владениям Шереметевых, не выявляя по существу специфики каждого имения.

В исследовательской литературе последующего периода особое внимание уделялось возникновению и развитию хлопчатобумажной промышленности в селе. Важные аспекты его истории в этом плане поставлены и разработаны в исследованиях А. В. Шипулиной, Л. В. Кошмун, В. К. Яцунского. Следует отметить солидную документальную базу этих работ. Внимание авторов концентрируется преимущественно на проблемах промышленного переворота. К числу важнейших процессов в период становления капиталистических отношений, как известно, относится и процесс горообразование. Этой проблеме посвящено исследование П. Г. Рындзюнского «Городское граждан-

ство дореформенной России» (1958 г.). Автор показывает два направления в формировании русского города: 1) возникновение города на базе развития капиталистической промышленности и 2) на основе процессов внутреннего заселения окраин России. К первому из них П. Г. Рындзюнский относит образование рядом с селом Ивановым Вознесенского посада. Следует указать также статью П. Г. Рындзюнского «Реформа 1861 г. в крупных промышленных селениях (село Иваново Владимирской губернии)», которая важна в плане характеристики владельческого права.

Как указывает краткий исторический обзор исследовательской литературы, посвященной истории села, основное внимание обращалось на вопросы, связанные с развитием промышленности. Однако уместно напомнить, что Иваново — этот «Русский Манчестер» — прежде всего крепостная вотчина и не менее важно выяснить условия вотчинного режима, характер его влияния на развитие капиталистических отношений в крупном промышленном селении. В круг мало изученных аспектов следует отнести и вопросы, связанные с историей образования Вознесенского посада. Менее всего изучена борьба формировавшегося нового капиталистического уклада с владельческим правом. Вотчинный режим не только тормозил, но и искажал новые явления в экономике села.

Эти проблемы может помочь решить вотчинный архив Шереметевых, который состоит из двух обширных фондов, хранящихся в ЦГАДА (ф. 1287) и ЦГИА СССР (ф. 1088) и представляющий собой собрание огромного количества дел, начиная с XVI века по 20-е годы XIX века.

Т. М. КАНАЕВА
г. Петропавловск

К ПРОБЛЕМЕ ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ

Тоталитарный режим существовал в нашей стране значительный период времени, включая послевоенное десятилетие в современной исторической науке широко обсуждается вопрос о раннем этапе формирования и развития режима личной власти Сталина¹.

Краеведческий материал наглядно иллюстрирует этот режим. В государственном архиве Северо-Казахстанской области областной газете «Ленинское знамя» можно найти ряд интересных сведений об общественно-политическом развитии Север

ного Казахстана, по отношению к которому центральная власть в определенной степени повторяла некоторые черты «имперской» политики дореволюционной России.

Диссонансом всеобщему одобрению, выражению верноподданнических чувств была суровая реальность тех лет. В годы Великой Отечественной войны целые народы выслались в Северный Казахстан; депортации 1941—1944 гг. немцев, калмыков, карачаевцев, ингушей, чеченцев, крымских татар нанесли колоссальный ущерб национальному развитию данных народов, переселенных в наш край навечно. В марте 1944 года в Северо-Казахстанскую область было направлено на поселение 39542 человека, большая часть которых являлась коренным населением Чечено-Ингушской республики², в мае 1949 года в области проживало 45314 переселенцев³, летом 1955 года в области на учете состояло 22103 спецпереселенца⁴. Данная категория населения не имела права на свободное передвижение в рамках заселяемых районов; самовольная отлучка за пределы районов без разрешения спецкомендатуры рассматривалась как побег, влекла за собой уголовную ответственность; за более мелкие нарушения режима проживания спецпереселенцы подвергались административному взысканию в виде штрафа и ареста до пяти суток.

Значительная часть спецпереселенцев, депортированных в нашу область, по данным на лето 1946 года, вступила в сельскохозяйственные артели (17060 чел.), совхозы (2460 чел.), трудоустроилась на промышленных предприятиях и в учреждениях (1165 чел.)⁵. Спецпереселенцы были размещены в основном в сельской местности; они направлялись в колхозы им. Вильямса, «Молодая гвардия» Мамлютского района, «Пламя» Конюховского района, зерносовхозы Чистовский, Булаевский Булаевского района и др.

Часть из спецпереселенцев не доехала до места переселения, многие умерли от эпидемии. С большими трудностями налаживалась жизнь для прибывших в новые места проживания. Скудным и голодным было питание, слабой организация школьного обучения. Зимой 1945—1946 учебного года из общего количества 3617 учащихся из числа переселенцев школу не посещали 2816 детей. Из 801 обучающегося 768 посещали русские школы, 33 учащихся — казахские школы⁶. В порядке организованного набора некоторые из спецпереселенцев привлекались для строительства железной дороги Моинты-Чу.

Достаточно сложным было положение сельского труженика нашей области. Колхозное крестьянство, лишенное паспортов, а также всяческих экономических стимулов работало под

угрозой многочисленных административных санкций — необходимости выработки минимума трудодней, обложения большими натуральными и денежными налогами, страхом выселения в новые районы. Особое влияние на настроение колхозников имело печально известное постановление от 7 августа 1932 года. В голодный и неурожайный 1946 год народными судами области было осуждено 209 человек за срыв планов хлебоуборки, порчу, и разбазаривание зерна, к 17 осужденным был применен закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», в том числе два человека были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу, а 15 — к 10 годам лишения свободы⁷.

После смерти Сталина произошли важные изменения во внутренней и внешней политике нашего государства. Новое руководство по-иному стало решать многие проблемы. В середине 50-х годов были предприняты важные шаги по демократизации всей жизни советского общества, проведена амнистия политических заключенных, несколько улучшилось положение репрессированных народов.

1. Волкогонов Д. А. Сталинизм: сущность, генезис, эволюция// Вопросы истории. 1990 г. № 3; История и сталинизм/Сост. Мерцалов А. Н. — М.: Политизд., 1990 г.; Режим личной власти Сталина: К истории формирования/Под ред. Кукушкина Ю. С. — М.: МГУ, 1989 и др.

2. Бугай Н. Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов//Вопросы истории. 1990 г. № 7, с. 41.

3. Докладная записка о продовольственных затруднениях среди выселенцев в Казахской ССР//История СССР, 1992 г. № 1, с. 136.

4. ПАСКО, ф. 22, оп. 5, ед. хр. 650, л. 6.

5. ПАСКО, ф. 22, оп. 4, ед. хр. 310, л. 71.

6. ПАСКО, ф. 22, оп. 4, ед. хр. 310, л. 81.

7. ПАСКО, ф. 22, оп. 4, ед. хр. 52, л. 29.

А. П. МЯКШЕВ

г. Петропавловск

К ВОПРОСУ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В КАЗАХСТАНЕ

Все республики, некогда образующие СССР, а сейчас ставшие независимыми суверенными государствами, переживают жесточайший кризис. Прежние государственно-политические структуры разрушены до основания, новые пока проходят стадию становления. Экономика регрессирует с молниеносной бы-

стротой, что внушает большие опасения в существовании самого экономического базиса. Экологический, социокультурный кризис имеет тенденцию к перерастанию в катастрофу. Советская империя рухнула, еще больше накалив этнополитическую ситуацию. Межэтнические конфликты стали повседневностью почти во всех бывших союзных республиках. Между Арменией и Азербайджаном, осетинами и грузинами ведутся необъявленные войны, жертвами которых стали тысячи человек. В республиках появились сотни тысяч беженцев. Миллионы людей ощущают угрозу ущемления их жизненных интересов, по крайней мере, дискомфорт в связи с национальной принадлежностью. Доминирует тенденция к эскалации этнополитического кризиса. Отказавшись от идеи пролетарского государства, многие политики продолжают верить в меньшую химеру — «национальные государства», полагая, что только нации создают основу для государственности. Вместо желанной демократии приходит власть этноса — этнократия.

Выдвинутый В. И. Лениным, активно пропагандируемый И. В. Сталиным тезис о неизбежном слиянии нации при социализме неуклонно внедрялся в практику социалистического строительства, а также неустанно варьировался в работах советских ученых. В конце 50-х—начале 60-х гг. одновременно возникли идеи о «коммунистических нациях» (И. П. Цамерян) и «советском народе как новой исторической общности» (М. Д. Каммарн, М. С. Джунусов, И. Е. Кравцев). Концепция «советского народа как новой общности» активно разрабатывалась в 60—80-е годы в двух вариантах: «как новой социальной и интернациональной общности» (М. П. Ким, М. И. Куличенко, В. П. Шерстобитов, П. М. Рогачев, М. А. Свердлин и т. д.) и, во-вторых, как «новой советской супернации» (А. А. Исупов, М. М. Ихиллов, А. В. Ефимов). Во второй половине 80-х годов от идеи «советского народа как общности» отказались, однако без серьезной научной аргументации. Вновь эта концепция возродилась в республиках на базе понятия «народ республики» (как неоднократно разъясняли Н. А. Назарбаев, после 11 марта 1990 года В. Ландсбергис и другие лидеры независимых государств, самоопределились народ Казахстана, народ Литвы, а не казахская и литовская нации). Идея о том, что субъектом государственности в республиках является не этнос, а народ находит свое отражение в ряде деклараций о суверенитете. В то же время в современной публицистике, а более в политической практике выдвинут тезис о «приоритете коренной нации» при самоопределении; сторонники данной концепции разделяют при этом сталинское понимание нации как этнически однород-

ной общности, обладающей исключительным правом на территорию с определенными границами, и игнорируют идею нации как синоним согражданства в пределах единой государственности¹. На наш взгляд, перспективным направлением в исследовании межнациональных отношений на современном этапе является постановка данной проблемы Институтом истории и археологии Уральского отделения АН СССР в культурологическом аспекте, введение в науку наряду с ранее принятыми понятиями (этническая группа, этнолингвистическая общность, антропологический тип и др.) категорий «региональный культурный комплекс», «единое историко-культурное пространство»².

Наиболее изученным вопросом в области межнациональных отношений является в настоящее время вопрос о причинах кризисной ситуации в этой сфере. Однако данная проблема решается и рассматривается на общесоюзных материалах, в то время как существуют и специфические (для каждой республики в отдельности) причины. К примеру, следует признать, что каждое суверенное государство СНГ, будь то Россия или Казахстан, представляют исключительно сложное с этнокультурной точки зрения историческое образование. И Казахстан, и Россия в процесс складывания интегрировали ряд этнических общностей, связанных в культурном, конфессиональном и т. п. отношениях с иными мировыми центрами, лежащими за их пределами. Для казахов в Казахстане подобным центром историко-культурного тяготения является объективно ближневосточное исламское сообщество (по переписи 1989 г. — 39,7% всего населения), в то время как для русских, украинцев (соответственно 37,8% и 5,4%) — Россия и Украина с преобладанием православия. В национальной структуре Казахстана высок удельный вес представителей других исторических и этнокультурных общностей, дисперсно расселенных по территории Казахстана» (немцы — 5,8%, узбеки — 2,0%, татары — 2,0% уйгуры — 1,1%, корейцы — 0,6%, поляки — 0,4% и т. д.). Такое положение объективно вызывает центробежные тенденции во всех республиках и СНГ в целом. Общими для всех независимых государств причинами центробежных тенденций являются экономический развал, прежняя государственная политика в «национальном вопросе», произвол в установлении национально-территориальных границ и определении уровня и статуса самоопределения различных народов (например, неясно почему молдаване имели статус союзной республики, уступая по численности татарам, имевшим статус автономной республики, а немцы, численно превосходящие, к примеру, эстонцев и

два раза, вообще не имели своего национально-государственного образования и т. д.). В то же время специфическими причинами межнациональных противоречий в Казахстане может являться уникальная ситуация в национальной структуре государства: этнос, давший название республике и по праву рассматривавшийся как коренной, численно не преобладает над инонациональным населением в государстве (казахи по переписи 1989 г. составляют 39,7%, все остальное население — 60,3%). Казахстан — единственное в данном роде государство СНГ.

Одной из специфических для Казахстана черт является рано проявившаяся тенденция рассматривать республику в качестве места ссылки «наказанных народов». Несмотря на исключительно добрый прием местного населения, политика перемешивания наций закладывала основу для искусственного межнационального напряжения. Казахстан один из первых уже в 1936 г. принял «неблагонадежный народ» (в апреле 1936 г. СНК принял совсекретное постановление № 776—120 с. с. «о переселении, как политически неблагонадежных, поляков из Украинской ССР в Казахскую ССР», а в 1950 г. завершил «великое переселение народов», когда из Таджикистана выслали в Казахстан группу «бывших басмачей»). А между этими датами были немцы, корейцы, ингуши, греки...

До сих пор при проведении национальной политики не учитываются довольно прочно сохраняющиеся жузовые и родовые деления казахской нации, а также деление других этносов на субэтноты (так, в среде русского этноса самоидентифицируется особая культурно-историческая общность — казачество, прежде всего, на территориях бывших областей казачьих «войск»).

Для Казахстана немаловажное значение имеют резкие различия регионов по национальной структуре (выделяются области с преобладанием казахского населения в 2—3 и более раз — Актюбинская, Гурьевская, Джамбулская, Кызыл-Ординская, Чимкентская области; и, наоборот, с отчетливо выраженным преобладанием русского населения — г. Алма-Ата, Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Кустанайская, Северо-Казахстанская, Целиноградская области). На наш взгляд, это вызывает необходимость предоставления большей самостоятельности областям и регионам в культурно-национальном отношении.

Не может не влиять на стабильность межнациональных отношений положение Казахстана в системе экономического разделения труда бывшего Союза. Экономика Казахстана ори-

ентирована в основном на добычу сырья, доля обрабатывающей промышленности мала, инфраструктура развита недостаточно.

Необходимо отметить и тот факт, что историческая наука не смогла дать адекватную оценку многим событиям и явлениям прошлого, тем самым снизив обоснованность принимаемых сегодня решений в области межнациональных отношений. Например, в Северо-Казахстанском областном и партийном архивах содержится масса интереснейших документов, раскрывающих суть национальной политики в республике в 20—30-е гг. и дающих возможность увидеть истоки сегодняшних проблем. Так, оригинально ставились вопросы о коренизации («окакизации») управленческого аппарата³, о ликвидации причин межнациональных трений на почве неупорядоченности землеустройства («.. почему земельная норма русскому населению устанавливается 5,5 и 7,5 дес., а казахскому 15 дес. на едока? Это объясняется способом ведения хозяйства, а значит и культурностью населения»⁴) и т. д.

Серьезное изучение и анализ причин, вызывающих негативные явления в межнациональных отношениях, позволяет выработать взвешенную, обоснованную политическую линию в этой сфере общественной жизни, поставив во главу угла приоритет прав человека над правами нации.

¹ См. критику данной концепции в работе: Вдовин А. И. Проекты преобразования Советской Федерации (к поискам выхода из кризиса межнациональных отношений)//Вестник МГУ.—Серия 8. История.—1991.—№ 1.

² См.: Алексеев В. В., Артемов Е. Т., Дубнов А. П. Исторический опыт развития национально-территориальных образований Российской Федерации: культурологический аспект. Свердловск, 1991 г.

³ ГАСКО, ф. 1, от. 1, д. 949, л. 23, 35—42.

⁴ Там же: ф. 1, оп. 1005, д. 1, л. 43.

Л. А. КОЗОРЕЗОВА
г. Петропавловск

РАЗВИТИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ НА СЕВЕРЕ КАЗАХСТАНА В 20-е ГОДЫ

Изменения политической, социальной, экономической жизни всей страны в целом и нашей республики, в частности, требуют новых форм развития экономики, перестраивают сложившиеся производственные отношения. В наше время существенно изменился взгляд на кооперацию как важнейший способ

развития хозяйственной активности, творчестве масс. Потребительская кооперация отражает коренные интересы трудящихся, позволяет сочетать общественные и личные интересы, создает мощные экономические стимулы, прямую заинтересованность каждого труженика в результатах труда. Как показывает исторический опыт, кооперация не исчерпала своих возможностей в промышленном производстве, в удовлетворении потребностей людей.

Перед лицом проблем развития современной экономики, совершенно иное значение имеет история развития потребительской кооперации в стране в 20-е годы.

В 20-е годы в СССР была создана целостная система кооперативных отношений. Центросоюз, объединивший все виды кооперации, по своей политической и экономической значимости равнялся ведущим наркоматам. Существовали кооперативные банки, кооперативное страхование, соответствующее законодательство.

Исторический опыт тех лет в сфере развития и преобразования кустарно-ремесленного производства Северного Казахстана может служить практическим руководством в деле использования соответствующих форм экономической деятельности населения в нашей области в современных условиях.

Особый интерес представляет анализ самого преобразовательного процесса, когда поступательное движение производственных форм потребительской кооперации, изменение ее социальной структуры и количественный рост мелких товаропроизводителей в кооперативах создали предпосылки для включения их в структуру народного хозяйства. Этот опыт преобразования мелких товаропроизводителей в кустарно-ремесленном производстве исключительно ценен, т. к. правильное осмысление всего практического опыта становления системы потребительской кооперации дают возможность определить перспективу современного развития индивидуального производства и восстановления кооперации как народнохозяйственного механизма, необходимого для дальнейшего развития экономики.

Государство поддерживало начавшийся процесс преобразования экономики, и на IX Всероссийском съезде Советов 28 декабря 1921 года было принято Постановление о кооперации. В этом постановлении давалась оценка сложившейся ситуации и признавалось, что основная единица товаропроизводителей — мелких кустарей ремесленников — слишком слаба для того, чтобы в себе самой почерпнуть силы, необходимые для восстановления и дальнейшего развития. На помощь ей может прийти государственное регулирование и концентрация сил в форме

развития самостоятельности на основе хозяйственного интереса.

В сложившейся ситуации путь кооперирования являлся более легко осуществимым и мог скорее дать желаемые результаты.

В первую очередь поддерживались кооперативные объединения, которые в основу своей деятельности клали производственные задания. Им предоставлялись льготы при заготовке сырья и сбыте продукции. Серьезное внимание было уделено кредитной кооперации, так как организация производственного кредита давала возможность для скорого налаживания работы мелкотоварных хозяйств и стабилизации экономики.

Процесс кооперирования, который начался в 20-е годы по всей стране, затронул и северные области Казахстана. На это время приходится развитие простейших форм кооперации — снабженческо-сбытовая, потребительская, кредитная. Они как нельзя лучше соответствовали ситуации, при которой требовалось сохранение и развитие индивидуального хозяйства, привитие навыков коллективного труда.

Зарождение в кустарно-ремесленном производстве новых форм ведения хозяйства выразилось прежде всего в образовании производственной артели. Именно эти формы объединения мелких товаропроизводителей создали основу для развития нескольких направлений в кооперации.

Отсутствие товаров, падение денежного курса требовали принятия мер по стабилизации положения. В таких условиях развитие потребительской кооперации было необходимо, так как именно она могла удовлетворить потребности населения в промышленных товарах и сельскохозяйственных продуктах.

А. В. ЧУХНО
г. Петропавловск

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВНАРХОВ ЗАУРАЛЬЯ
В КОНЦЕ 50-х—НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ**

Процесс динамичного и неожиданного развития суверенитетов республик бывшего СССР, переход от командно-административных методов управления экономикой к рыночным отношениям с особой остротой и актуальностью ставит перед исторической наукой задачу изучения уже имеющегося опыта регионального управления экономикой, выяснения исторического опыта перехода к более существенной самостоятельности регио-

нов в развитии промышленности, решении социальных, политических и культурных проблем. Какой опыт можно почерпнуть из деятельности советов народного хозяйства экономических и административных районов в 50—60-е годы.

Наиболее изученным на Урале и сопредельных территориях оказался исторический опыт хозяйственной деятельности трёх его областей: Свердловской, Челябинской и Пермской. На территории этих трех областей расположены многие крупнейшие на Урале и в бывшем СССР металлургические, машиностроительные, химические предприятия, где трудится более половины общей численности рабочих и служащих региона. Большинство историков-промышленников, изучающих Урал, избирает в качестве объектов своих исследований промышленность и рабочий класс именно этих трех областей, оставляя малоизученным развитие промышленных окраин, в частности, на мой взгляд, малоизученным представляется исторический опыт развития Зауралья (Курганской, Тюменской областей). Исторические исследования этой части территории Урала, находящегося на стыке с Казахстаном, Западной Сибирью, представлены работами местных историков или затрагиваются вскользь при изучении более крупных районов.

В обширном объеме научных работ, посвященных экономической реформе 50—60-х гг., солидное место занимают публикации в сборниках, монографии, выступления в периодической печати довольно политизированного характера периода, предшествующего проведению экономической реформы — со второй половины 50-х годов, работ, написанных во время деятельности совнархозов и некоторых — после отмены территориального варианта управления промышленностью и возврата к отраслевому. Во многих работах этого периода выявляется однотипное обоснование необходимости перехода к территориальному принципу управления промышленностью и такое же трафаретное объяснение причин неудачи и возврата к старому, основывающееся на господствовавших в разное время концепциях управления промышленностью двух политических лидеров, находившихся в то время монопольно у власти КПСС.

Недостаточно разработаны, на мой взгляд, методологические проблемы изучения деятельности совнархозов в 50-е—60-е годы. Представляется необходимым выявление четких критериев эффективности функционирования совнархозов в сравнении с деятельностью предприятий до проведения экономической реформы. Интересные тенденции можно проследить при углубленном анализе по годам, управлениям совнархозов выполнение планов по валовой и товарной продукции, номенклатуре изделий:

— исследование ритмичности работы предприятий совнархозов;

— внедрение новой техники и технологических процессов, рационализации и изобретательства;

— выяснить, как шло определение узких мест в деятельности совнархоза и что предпринималось для устранения отставаний (расширение мощностей, механизации, организация работы в 2—3 смены, совершенствование инфраструктуры, улучшение условий труда и др.);

— какая тенденция преобладала в кооперации, создании наиболее рациональных связей между совнархозами и внутри предприятий одного экономического административного района, ее эффективность;

— что предпринималось по сокращению потерь от брака, выполнению планов по качеству продукции;

— проследить, как предприятия совнархозов выполняли задания по выработке на одного работающего, какова тенденция соотношения заработной платы и производительности труда;

— какова динамика себестоимости СМР, сравнимой товарной продукции;

— как выполнялись планы по собственному капитальному и жилищному строительству и т. д.

Источниками в проводимом исследовании являются распоряжения и протоколы заседаний совнархозов, годовые и квартальные статистические отчеты, годовые отчеты по работе с кадрами, годовые бухгалтерские отчеты, материалы по вопросам производственного кооперирования, годовые отчеты по рационализации и изобретательству, сводные ликвидационные балансы совнархозов, сосредоточенные в фондах Государственных архивов Курганской, Тюменской и Свердловской областей, Центральном архиве народного хозяйства, материалы областных музеев, данные статистических сборников, краеведческая литература, материалы по изучаемому периоду, опубликованные в областных газетах «Красный Курган», «Тюменская правда», материалы бывших областных партийных организаций Курганской и Тюменской областей.

ПРИМЕНЕНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

Начальный курс истории Казахстана, изучаемый в русско-язычной школе детьми разных национальностей, призван не только ознакомить их с основными событиями, происходившими на этой территории, но в первую очередь заинтересовать духовными ценностями народа, на протяжении многих веков обживавшего степные просторы, обычаями и традициями казахов.

Возрастные особенности младших школьников обуславливают необходимость максимальной доступности, конкретности и образности в подаче материала, применения эмоционально-образных приемов преподавания и организации активной деятельности детей. Исторические знания на этой ступени обучения формируются у школьников преимущественно в форме образов, представлений, ярких картин.

Анализ программы и учебного пособия по курсу истории Казахстана позволяет утверждать, что формирование исторических представлений пятиклассников возможно при определенных методических условиях:

- целенаправленном отборе исторических сведений;
- сведениях конкретных деталей, черт эпохи в единый обобщенный образ;
- детализации и конкретизации отдельных процессов и событий;
- использовании приемов эмоционально-образного обучения истории;
- организации образного воспроизведения, реконструкции исторического прошлого, фактов в деятельности учащихся, развитии умений школьников воссоздать образы в слове и рисунке;
- систематическом использовании межпредметных и внутрикурсовых связей.

Методическими приемами, обеспечивающими формирование исторических представлений при восприятии учебного материала, могут быть сюжетный рассказ, картинное описание, аналитическое описание в сочетании с наглядностью, печатными текстами, а также решение познавательных заданий. Предлагаемые нами задания могут быть использованы как для групповой, так и для индивидуальной работы на уроке, а также в качестве творческого задания. Мы выделяем три основных вида заданий:

1. Задания, опосредующие учебную информацию;
2. Задания, направляющие работу ученика с учебным материалом;

3. Задания, требующие творческой деятельности ученика.

Задания первого типа используются для концентрации внимания ученика на основном и существенном, при этом указывается источник знаний: текст учебника, дополнительной литературы, иллюстрация, картина, кадр диафильма. После выполнения подобного задания ученик должен дать ответ, показывающий степень усвоения конкретных исторических сведений. Эти задания носят репродуктивный характер. Типичный образец: «Прочитай раздел данного параграфа и найди ответ на такой-то вопрос».

Задания второго типа ориентируют ученика на осмысление и систематизацию представлений, требуют сравнения, выводов, обобщения. Нами в опыте преподавания начального курса истории Казахстана рассмотрены различные методические приемы использования подобных заданий. В частности, для создания конкретных представлений о событиях, занятиях, территории, образе жизни людей в далеком прошлом возможны следующие задания:

а) определи по карте учебника, где селились древние люди, назови основные племена, жившие на территории Казахстана;

б) представь себе, что ты житель древнего Отрара. Что бы ты рассказал нам о своем городе?

в) составь план рассказа «Древний город Востока»;

г) объясни, чем знаменит отарец Аль-Фараби?

д) используя строки из поэмы М. Шаханова «Мечта»: «...Отрар — город старый, как наши преданья. Но был он разрушен до основанья. Остались от города голые стены. И те заносило песком постепенно...», учитель предлагает ученикам, во-первых, рассказать, как и почему погиб Отрар, объяснить, почему мужественные защитники города все же не смоглистоять его; во-вторых, ставит пятиклассников в ситуацию нравственного выбора: «Подумай, кто из двух друзей, героев поэмы, избрал правильный путь в жизни?»

Для развития воссоздающего воображения учеников, детализации отдельных представлений, о которых нет возможности узнать из учебника, применяется прием путешествия, воображаемой экскурсии. Например, при описании жилища казахов учитель требует не только картинное, но и аналитическое описание: при этом может быть использована серия аппликаций, изготовленных детьми. Задание дифференцируется; для более сильных учащихся предлагается доказать, что юрта была хорошо приспособлена к условиям кочевой жизни казахов, вспомнить, у каких народов были подобные жилища.

Одним из приемов создания исторических представлений является сведение отдельных деталей, картинок в общее представ-

ление — образ. Мы предлагаем осуществить это с помощью третьей группы заданий — творческих. Для проведения урока-драматизации «Праздничный той в казахском ауле» школьники получают групповые домашние задания:

а) подготовить рассказ-картинку «В пути на джайлау», «Установка юрты», «Казахский аул», «Новый ковер», «Как я участвовал в байге», «Приглашаем зрителей на курес или кокпар»;

б) нарисовать иллюстрации на тему: «Что я видела на тое?»

В ходе проведения урока раскрываются особенности традиционного уклада жизни казахов, определявшегося основным занятием степняков — кочевым скотоводством; формируется представление о труде скотовода, ремеслах, народных промыслах, обычаях, национальных развлечениях, верованиях и культуре народа. Предлагается викторина: Почему казахов называли кочевниками? Как называлось зимнее жилище казахов? Куда направлялся аул после долгой зимовки? Почему богатство было непрочным? Как использовались в хозяйстве казахов продукты животноводства? Какие обычаи, связанные с почитанием огня, сохранились у казахов сейчас? Какие обычаи казахов связаны с культом предков? Назови национальные виды спортивных состязаний? Почему большая часть этих состязаний проводилась верхом, на конях?

«В чапане, в полушубке дубленом пастух

Повернулся к холодному ветру спиной.

Конь разбить пытается лед.

И голодный табун еле-еле бредет...» — О какой беде в жизни степняков писал Абай?

«Пестроцветным ковром зацветает земля,

Все живое обласкано солнцем степным...» — В какую пору могли быть написаны эти строки Абая?

В качестве творческих заданий могут быть предложены рассказы от лица очевидца исторического события; воссоздание диалогов исторических деятелей, описание исторического явления.

Таким образом, познавательные задания, применяемые в начальном обучении истории Казахстана, способствуют развитию интереса учащихся к предмету, умению воссоздавать в наглядно-образной форме исторические знания.

ПРИЧИНЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ В ФЕВРАЛЕ 1921 г. В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ

1. В советской исторической науке в последние годы активно разрабатывается проблема крестьянских восстаний 1921 года (Западносибирское, Тамбовское, Кронштадское), вынудивших советское руководство отказаться от идеи непосредственного перехода к социализму от политики «военного коммунизма» и начать «отступление» в сторону НЭП. Крестьянские восстания 1921 г. рассматриваются в связи с жесточайшим кризисом советского режима и вновь возникшим вопросом о власти, нашедшем свое выражение в знаменитом кронштадском лозунге «Советы без коммунистов!»¹.

2. В феврале 1921 года на территории Западной Сибири и Северного Казахстана вспыхнуло восстание, вошедшее в историю как «кулацко-эсеровский мятеж». На наш взгляд, прежде всего следовало бы отказаться от преувеличения роли кулаков и эсеров в восстании. Один из наиболее известных исследователей проблемы В. К. Григорьев не сумел доказать наличие у партии широко разветвленной сети местных организаций, хотя и объясняет этот факт умелой конспирацией партии эсеров². На наш взгляд, к моменту восстания партия эсеров потеряла широкую сеть местных организаций, о чем свидетельствует количество арестованных контрреволюционеров (только в Петропавловском уезде после прихода Реввойск — 10 000 человек). Эта цифра была приведена на заседании Петропавловского исполкома от 9 ноября 1920 года. Под сомнение можно взять и тезис о кулацкой направленности восстания. В. К. Григорьев приводит таблицу привлеченных к суду за участие в восстании по трем уездам (Петропавловскому, Кокчетавскому, Акмолинскому), где из привлеченных к суду 932 человек кулаки и казаки составляли — 482 человека (52%), а середняки — 239 человек (25%). На наш взгляд, неправомерно выделять в одну графу казаков и кулаков. Следует высказать предположение, что первая графа указывает на долю казачества в восстании. После подавления последних очагов борьбы из уезда были посланы запросы во все облысполкомы и сельсоветы с целью узнать: кто и сколько из зажиточных крестьян убиты и расстреляны Красной Армией. Часто следовали ответы: таковых нет. Маломалышинский сельсовет прислал список, в котором 13 человек; из них 8 бедняков, 5 середняков³.

Из осужденных за участие в восстании 17 жителей села Петровское Образцовской волости Петропавловского уезда 9 че-

люди были по состоянию середняками, а остальные бедняками⁴.

Можно предположить, что командный состав армии повстанцев отличался по имущественному признаку от основной массы рядовых. Но и это положение трудно обосновать, ссылаясь на архивные документы. Так Михаил Юран, житель станицы Новопавловка, командир сотни, обладал состоянием, состоящим из саманного дома, 2 коров, 6 овец и самовара. Его земляк, командир полка Федор Погребнов, владел деревянным домом из двух комнат, амбаром, 1 коровой, 3 овцами и самоваром⁵.

3. На наш взгляд, главной и основной причиной восстания послужил огромный размер развёрстки, охватывающий почти весь ассортимент производимых деревней продуктов, а также некоторые методы ее проведения. «...Крестьяне Всесвятского района относятся враждебно к хлебной развёрстке, враждебство вызвано до некоторой степени репрессиями продотрядов, например: когда послали делегатов к тов. Гозаку, чтобы выяснить, сколько будут оставлять хлеба на пропитание, ответ был, что ничего. Тогда делегаты говорят: может быть восстание крестьян, а тов. Гозак говорит, что мне и надо, чтобы сделали восстание.

Потом Всесвятский райпродком семенной хлеб мешает с хлебом для еды... хлеб слёживается, и получается не понятно что. Во Всесвятском районе весь семенной хлеб берут в развёрстку, крестьяне почти все говорят, что будешь сеять в 1921 г., и кто его будет весной сдавать. В Сорокийском поселке крестьяне отказывались выполнять хлебную развёрстку, что послужило до некоторой степени брожением крестьян»⁶.

В уезде свирепствовал сап среди скота, власти приступили к взиманию недоимок за 1918 г., в апреле 1920 г. была объявлена всеобщая трудовая повинность для граждан г. Петропавловска. Особенно тяжелой оказалась подводная повинность, зимой—весной 1920 г. по уезду прокатилась эпидемия тифа, обстановку накаляли мародерство и грабежи армейскими частями и продотрядами крестьян, в уезде организуется свой концентрационный лагерь (так, за халатное отношение к делу парикмахера Лазаревича было решено подвергнуть аресту на 7 суток с передачей в концлагерь⁷).

4. Одной из причин восстания явилось столкновение интересов хорошо организованной социальной группы сибирского казачества с Советской властью. В наказах, данных выбранным делегатам на январский 1920 г. районный съезд Сибирского казачества, о вопросе о местном управлении говорится: «...мы будем добиваться, чтобы на местах в губерниях, уездах ...вся власть принадлежала выборным органам самоуправления... По отношению ко всем гражданам мы желаем полной свободы совести, слова, печати, собраний, союзов, стачек..., а также неприкосно-

венности личности и жилища... Суд должен быть выборный и народный, гласный с присяжными...»⁸. Стремление казачества к самоуправлению рано или поздно должно было привести к столкновению с властью.

5. Таким образом, причиной восстания было недовольство широких слоев крестьянства и казачества экономической и политической линией советского государства.

¹ Гаврилов Ю. Кронштадский мятеж//Огонек. 1989, № 37; Дементьев В. Д., Самошкин В. В. Восстание крестьян на Тамбовщине в 1920—1921 гг.//История СССР, 1990, № 6; Павлюченков С. Почему вспыхнула антоновщина//Неделя, 1989, № 44; Фельдман Д. Крестьянская война//Родина, 1989, № 10 и т. д.

² Григорьев В. К. Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане (1920—1922). Алма-Ата, 1984.

³ ГАСКО. Ф. 944, оп. 2, д. 4, л. 9.

⁴ ГАСКО. Ф. 9, оп. 5, д. 10, л. 3 ... 5.

⁵ ГАСКО. Ф. 75, оп. 1, д. 9, л. 3 ... 5.

⁶ ГАСКО. Ф. 43, оп. 1, д. 6, л. 14.

⁷ ГАСКО. Ф. 1482, оп. 1, д. 4, л. 8.

⁸ ГАСКО. Ф. 1482, оп. 1, д. 77, л. 9.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Байпаков К. М.</i> Организация института археологии в Республике Казахстан	3
<i>Зайберт В. Ф.</i> Основные итоги и перспективы научных и охранных исследований Северо-Казахстанской археологической экспедиции	7
<i>Васильев И. Б.</i> Проблема взаимодействия культур Волго-Уралья и Казахстана	9
<i>Грошев В. А., Адильгиреев Б. Х.</i> Исследования экспедиции отдела Свода памятников археологии в 1991 г.	11
<i>Алехин Ю. П.</i> Исследования в 1991 г. в Семипалатинской области	12
<i>Кузнецова О. А., Тарасова Е. В.</i> Применение аэрофотометода в исследовании археологических памятников степной зоны Евразии	15
<i>Матющенко В. И.</i> О формировании методологической базы отечественной археологии 1920—1930 годов	18

КАМЕННЫЙ ВЕК

<i>Зайберт В. Ф.</i> К проблеме степной цивилизации	21
<i>Аубекеров Б. Ж., Артюхова О. А., Таймагамбетов Ж. К.</i> О значении стратифицированных стоянок в изучении палеолита Казахстана	22
<i>Мерц В. К.</i> Раскопки на стоянке Шидерты III	24
<i>Таймагамбетов Ж. К.</i> Древнейшая стоянка древнего человека в Восточном Казахстане	26
<i>Волошин В. С.</i> Палеолитический памятник Батпак 7	27
<i>Волошин В. С., Кучерюк И. Г.</i> Стоянка каменного века Тарыап II	29
<i>Чиндин А. Ю.</i> Новые данные по мезолиту Центрального Казахстана	32
<i>Матюшин Г. Н.</i> Проблема периодизации и хронологии культур каменного века и энеолита степей и лесостепей Евразии	35
<i>Кисленко А. М.</i> О функциональной планировке жилищ на поселении Ботай	37
<i>Плешаков А. А.</i> Выделение функциональной группы инвентаря в коллекциях памятников атбасарской культуры	38
<i>Логвин В. Н.</i> Новые данные по хозяйству терсекского населения	40
<i>Тетюхин Е. Е.</i> О так называемых «утюжках»	42
<i>Гребенюков В. И.</i> Воротничковая керамика в Кустанайском При-тоболье	44
<i>Худяков В. В.</i> К проблеме взаимодействия энеолитических племен Казахстанского и Урало-Поволжского регионов	46

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

<i>Карабаспакова К. М.</i> К вопросу о становлении семиреченского очага металлообработки в эпоху бронзы	49
<i>Ткачев А. А.</i> К проблеме миграций в андроновскую эпоху	51

<i>Усманова Э. Р.</i> Обряд вторичного погребения в андроновском ритуале (по материалам могильника Лисаковский)	54
<i>Кисленко А. М.</i> Могильник Чайка	55
<i>Калиева С. С., Колбин Г. В., Логвин В. Н.</i> Могильник у поселения Бестамак	57
<i>Варфоломеев В. В.</i> Кент как поселение городского типа	59
<i>Татаринцева Н. С.</i> Поселение Сергеевка	62
<i>Кукушкин И. А.</i> Огонь в андроновском погребальном обряде	63
<i>Кушасев Г. А.</i> Новое в бронзовом веке Западного Казахстана	65
<i>Зданович С. Я.</i> Орудия горного дела и металлообработки на поселениях бронзового века Урало-Ишимского регионов	67
<i>Евдокимов В. В.</i> Формально-типологический анализ украшений алакульских могильников Кустанайского Притоболья	69
<i>Кузнецова Э. Ф.</i> Спектральный анализ бронз Северного Казахстана	70
<i>Ермолаева А. С., Тепловодская Т. М.</i> Керамика поздне-бронзового поселения Аир-Тау из Восточного Казахстана	73
<i>Куц Г. А.</i> Археологические исследования Восточно-Казахстанского историко-краеведческого музея	77
<i>Ломан В. Г.</i> Об историко-культурном подходе к изучению технологий древней керамики	79
<i>Косинцев П. А., Варов А. И.</i> Костные остатки из двух поселений позднего бронзового века Южного Урала	80
<i>Ченченкова О. П.</i> О персонажах антропоморфного жезла из Семипалатинской области	81
<i>Зданович Г. Б., Гайдученко Л. Л.</i> Заповедник «Аркаим» — перспективы исследования	84

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

<i>Исмагилов Р. Б.</i> Таргитай, прародитель скифов	87
<i>Молодин В. И., Черемисин Д. В.</i> К вопросу о связях населения Казахстана и Саяно-Алтая в эпоху раннего железа (по материалам петроглифов)	89
<i>Грищенко А. Н.</i> Керамические комплексы городища Жувантобе конца VI—VIII вв. н. э. и вопросы датировки некоторых погребальных сооружений Борижарского могильника	93
<i>Таиров А. Д.</i> Взаимосвязи ранних кочевников южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана во второй половине VI—V веках до н. э.	96
<i>Гуцалов С. Ю.</i> Ярусные погребения плека и проблема сложения савроматской культуры	98
<i>Мышкин В. Н.</i> Конструкция курганный насыпи и «тризна» как показатели социальной стратификации ранних кочевников Южного Приуралья	100
<i>Нуржанов А., Загороднева Н.</i> Реставрация в полевых условиях разного штука из объекта Луговое I	102

СРЕДНИЕ ВЕКА

<i>Ерзакович Л. Б.</i> Об одном типе жилого дома позднесредневекового отара	104
---	-----

Смагулов Е. А. Геммы из отарского оазиса	105
Ходжаев М. О керамическом производстве отара второй половины XIII — первой половины XIV веков	107
Курманкулов Ж., Жаныбеков Б. Ш. Каменное изваяние шаманки в «трехрогом» головном уборе из Северного Прибалхашья	109
Шашаев А. К. Исследования городища Чуйтобе	110
Миллер С. О. Курган позднетюрского времени на реке Чаглинка	112
Нуржанов А. Средневековый кулан и его округа	114
Суворова Г. И. Археологические исследования в верховьях Иртыша	115
Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. Центральнокзахстанские памятники с изваяниями кыпчакского облика	116
Илюшин А. М. Об этнокультурной идентификации погребений по ряду кремации конца I тысячелетия из Казахстанского Прииртышья и кузнецкой котловины	119
Байтанаев Б. А. Памятники археологии Южного Казахстана в трудах А. А. Диваева	122
Григорьев Ф. П. Городище Тургенкент	123
Елгин Ю. А. К вопросу о бухарском влиянии в культовом зодчестве Чимкентской области	126

МЕТОДИКА, ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

Поваляев Н. Л. О методике подсчета численности населения по экологическим параметрам	129
Мирзабаев А. С. История изучения наскальных изображений Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау)	131
Жук А. В. Археология как этнология (по работам В. М. Флоринского в Семипалатинской и Семиреченской областях)	133
Шербик Г. А. Казахские накладные пояса и их археологические параллели	137
Итенов А. О. Усадьба Сырымбет как архитектурно-археологический памятник	139
Ченченкова О. П. Развитие эстетической функции у ранних изображений (на примере древней западно-сибирской скульптуры)	142
Шинкаренко И. И., Кисленко А. М. Использование краеведческого и археологического материала на уроках истории	144
Шалковская Е. М. Трансформация кооперативного движения в СССР	146
Самойленко Е. В. О литературе по истории ивановской вотчины Шереметьевых	148
Канаева Т. М. К проблеме депортации народов	150
Мякишев А. П. К вопросу о межнациональных отношениях в Казахстане	152
Козорезова Л. А. Развитие потребительской кооперации на севере Казахстана в 20-е годы	156
Чухно А. В. О некоторых проблемах истории создания и деятельности совнархозов Зауралья в конце 50-х — начале 60-х годов	158
Атыгаева Г. Б. Применение познавательных заданий при изучении истории Казахстана	161
Мякишев А., Жабенцев С. Причины крестьянского восстания в феврале 1921 г. в Северном Казахстане	164

